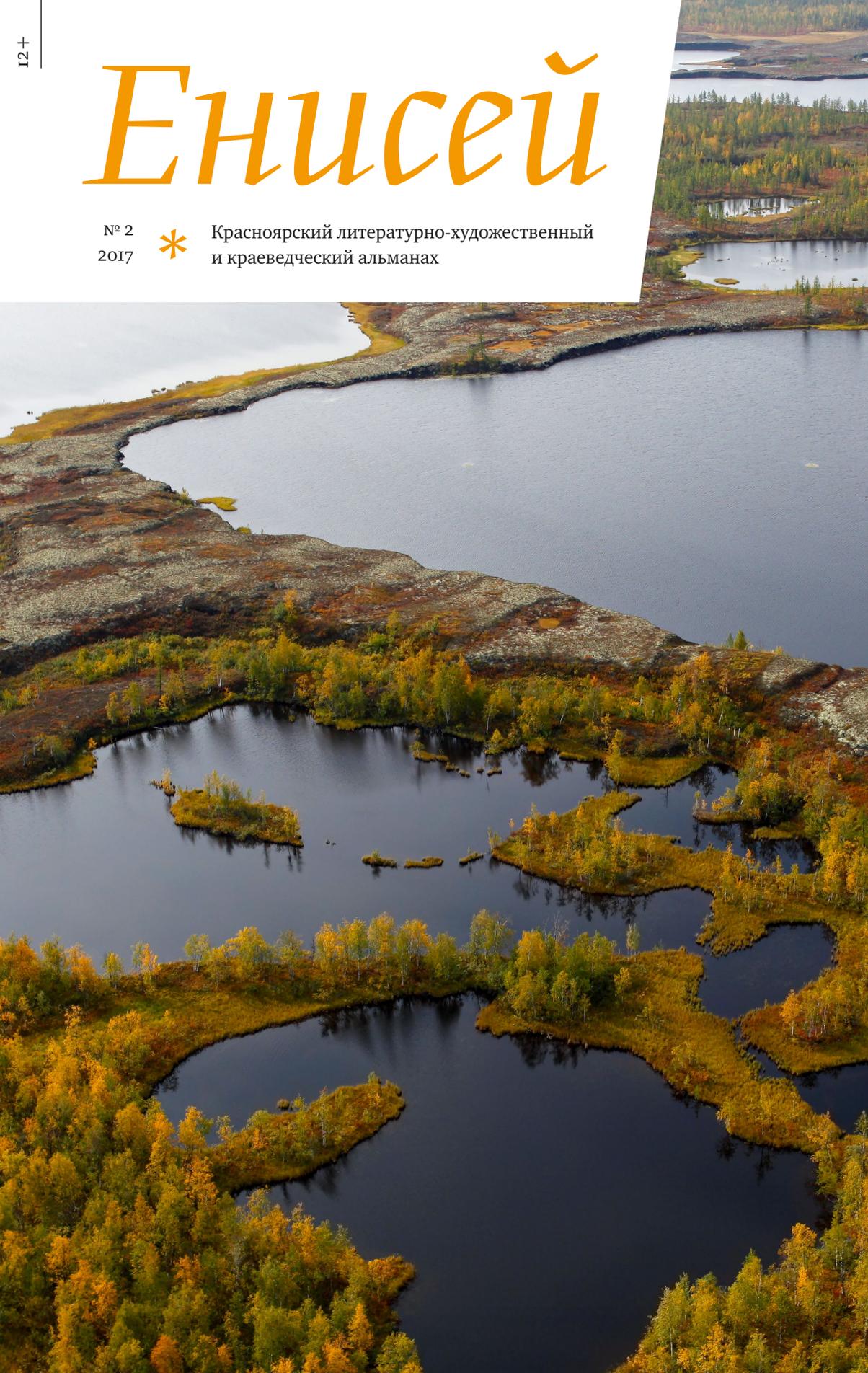

Енисей

№ 2
2017

Красноярский литературно-художественный
и краеведческий альманах

Енисей

№2 * Красноярский литературно-художественный
2017 и краеведческий альманах

Михаил ТАРКОВСКИЙ главный редактор

заместители
главного редактора:

Александр Ёлтышев по прозе

Сергей Кузнечихин по поэзии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр АСТРАХАНЦЕВ прозаик, член Союза
российских писателей

Леонид БЕРДНИКОВ краевед, председатель
историко-патриотического
общества «Краевед»

Иван Булава прозаик, первый секретарь
Сибирского представительства
Союза писателей России и Белоруссии

Иван Клиновой поэт, член Союза российских писателей

Марина Москалюк доктор искусствоведения, профессор,
ректор ФГБОУ ВО «Красноярский
государственный институт искусств»

Михаил Северьянов заведующий кафедрой отечественной
истории Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»,
доктор исторических наук, профессор

* Красноярск
ИД «Класс Плюс»

ББК 84 (2 Рус = Рос)

Е 63

Альманах выходит благодаря
финансовой поддержке министерства
культуры Красноярского края.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.

В оформлении обложки
использована фотография
Виктора Тинигина «Тундра».

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
Дом искусств

Вёрстка: Олег Наумов
Корректор: Андрей Леонтьев

Подписано в печать: 15.12.2017
Тираж: 500 экз.
Формат: 70 × 100 / 16
Объём: 16,9 + 0,65 вкл. усл. печ. л.

Изготовлено в ИД «Класс Плюс»
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65
(строение 23) | т. (391) 2-59-59-60
e-mail: info@kacc.ru

ISBN 978-5-905791-72-7

Содержание

ЮБИЛЕЙ

Эдуард Русаков
Золотая осень 5

ПРОЗА

Сергей Кузнечихин
История болезни 23

Геннадий Соловьёв
Разбойник или герой 71

Сергей Паршуткин
Камни реки Кинзелюк 78

Олег Шемякин
Вечные загадки 89

ПОЭЗИЯ

Пётр Коваленко 98

Анатолий Третьяков 102

Ольга Левская 106

Светлана Ермолаева 112

Светлана Мель 117

Михаил Мельниченко 122

КУЛЬТУРА

Владимир Василенко

Музыка и мы 128

ВОСПИТАНИЕ

Михаил Тарковский

Библиотека «Мудрые дети» 138

Николай Александров

Книга для молодёжи 140

КРАЕВЕДЕНИЕ

Вечная память подвижнику 152

Галина Толстова

Хранительница народного богатства 153

Ольга Немежикова

Заповедник «Столбы» 156

ВОСПОМИНАНИЯ

Анатолий Байбородин

Поле брани Виктора Астафьева 163

Виктор Тинигин

Следами, тропами, путями

Виктора Астафьева 197

Авторы 204

Эдуард Русаков

Золотая осень

(Дедушкины сказки)

Поздравляем постоянного автора альманаха «Енисей»

Эдуарда Ивановича Русакова с 75-летием!

ПРОЛОГ

Спи, деточка, засыпай. А я тебе сказку расскажу. Сегодня — одну, завтра — другую. Сказка — ложь, да в ней намёк. Ну и так далее. Эти сказки, конечно, для взрослых. Но ты ведь уже не маленький, правда же, правда? Закрой глазки и слушай. Итак...

Мы живём в свободной стране.

Читай что хочешь. Пиши что хочешь.

А не хочешь — не читай и не пиши.

Вот я, например, не хочу писать. Надоело. Но — хочу сочинять.

А зачем писать? Нет желания. Нет мотивации, как сказал один знакомый молодой литератор. Нет издателей. Нет читателей. И я разучился писать.

Но — сочинять, к сожалению, не разучился. И сюжеты рождаются сами, спонтанно, без цели и смысла. Без плана. Без моего контроля.

Иногда забавные, иногда пугающие, иногда трогательные. Трудно назвать это полноценными рассказами. Так, эскизы, наброски, этюды. Чаще — бескрылые зарисовки, бескровные призраки, бесплотные тени, бесплатные аттракционы, недоношенные эмбрионы, мертворождённые комочки бездушной протоплазмы... А иногда — вдруг! — совсем живые, кричащие, стонущие от боли...

Ты спросишь: а при чём тут золотая осень?

Ну как же... Именно ранней осенью и рождаются поздние дедушкины сказки.

Прислушайся! Шелест опавшей листвы, шуршание мятой травы, шорох усталых шагов, шёпот разбуженных снов, шум увядающих слов... И это не стихи, это проза.

Колыбельная проза для взрослых, впадающих в детство.

ВИД С БАЛКОНА

Валерий Петрович любил всё красивое.

Он очень любил свою красивую маму, но она давно умерла.

В детстве у него была красивая собачка японской породы хин, которая, к сожалению, тоже жила недолго.

Валерий Петрович рано понял, что красота — недолговечна.

В школе он любил красивую учительницу литературы Полину Семёновну, которая любила цитировать слова Достоевского (вернее, слова одного из его персонажей): «Красота спасёт мир». И поэтому Валерий Петрович сам стал филологом — он с отличием окончил филфак Кырского педуниверситета и стал преподавать литературу в школе.

Он любил читать детям вслух красивые стихи Блока («И приняла, и обласкала, и обняла...») и Есенина («Не жалею, не зову, не плачу...»), но терпеть не мог брутального Маяковского и недолго любил Бродского, который казался ему слишком прозаичным и недостаточно красивым.

Валерий Петрович любил слушать красивую музыку Шопена, Моцарта и Рахманинова, смотреть красивую живопись Айвазовского и Брюллова, но ненавидел раннего Шостаковича и «Чёрный квадрат» Малевича, в которых, конечно же, не было никакой красоты, а лишь один эпатаж и сумбур вместо музыки.

А ещё он любил красоту природы — весеннюю свежую зелень, летнее жаркое солнце, зимний снег и морозные узоры на окнах, сибирскую тайгу и морской прибой. Особенно же любил он золотую осень, пышную красоту увядания...

В двадцать лет Валерий Петрович женился на красивой девушке Тане, но та, к сожалению, после родов слишком расплнела, и красота её поблёкла. Тогда Валерий Петрович развёлся с подурневшей Таней, оставил себе красивую дочь Лену и женился на красавице Марине, которая совсем не мечтала о детях, а готова была на любые жертвы ради любимого Валерочки и сохранения своей драгоценной красоты.

Долгое время они ютились втроём в тесной однокомнатной квартире, но вот наконец Валерию Петровичу дали трёхкомнатную квартиру на седьмом этаже нового красивого девятиэтажного дома, на живописном берегу Енисея. В первый же вечер после переезда он вышел на балкон — и замер в восхищении, поражённый неопишуемой красотой раскинувшегося перед ним ландшафта. Синие горы и светлые скалы на противоположном берегу, волшебно мерцающий Енисей, лазурное небо, розовые облака...

— Леночка! Мариночка! — позвал он своих красавиц. — Вы только гляньте — какая тут красота!

Жена и дочь выбежали на его зов — и тоже замерли от восторга, очарованные красотой пейзажа.

— Что за прелесть... — прошептал Валерий Петрович, не в силах оторвать взгляд от сказочной красоты. — Так бы стоял и стоял, смотрел и смотрел...

И он стоял и смотрел, и смотрел, и смотрел, и наслаждался красотой этих синих гор и мерцающей речной глади, и любовался на проплывающие в небе жемчужные облака, отливающие перламутром,

и на золотые блики от заходящего солнца, играющие на речной воде. Его губы что-то шептали, глаза блестели, по щекам текли слёзы...

— Как я счастлив! — признался он прильнувшей к нему жене. — Как я счастлив, что буду жить в этом доме и каждый день буду любоваться на эту красоту...

— Я тоже так счастлива, дорогой, — прошептала взволнованная жена Марина.

Но счастье их было недолгим.

Прямо напротив дома, в котором поселилась семья Валерия Петровича, вскоре стала возводиться новая пятнадцатизэтажная башня, грозящая заслонить собой всю эту красоту, весь этот сказочный ландшафт — и лазурный Енисей, и дальние синие горы, и скалу Такмак, и бездонное небо с жемчужными облаками...

Ближе к осени проклятая многоэтажка уже закрыла собой потрясающий вид с балкона.

— Какой ужас... — шептал Валерий Петрович. — И за что мне такое наказание? За что?!

— Успокойся, Валерочка, — утешала его жена. — Мы будем вместе ходить на берег, вон туда, за эту стройку, там есть замечательная смотровая площадка...

— Я хочу любоваться на красоту с балкона! — крикнул Валерий Петрович. — И никто мне не сможет помешать! Никто! И ты меня не успокаивай! Я сам кого хочешь успокою!

— Ну Валерочка, котик, ну не надо так переживать из-за пустяков...

— Пустяки?! — взревел он. — Это была мечта всей моей жизни! Этот вид с балкона мне снился в детстве! И я не позволю! Я не позволю!..

Жена, всхлипывая, ушла на кухню. А он в эту ночь так и не смог заснуть. Всё стоял на балконе, стоял и что-то шептал, раскачиваясь и вцепившись обеими руками в перила.

На следующий день Валерий Петрович не пошёл на занятия в школу, а отправился зачем-то на рынок. Вернулся с полной сумкой. Хмурый, сосредоточенный.

— Что там у тебя, Валерочка? — спросила жена, кивая на сумку.

— Не бери в голову, — отмахнулся он.

А через несколько дней строящаяся, но ещё недостроенная пятнадцатизэтажка была кем-то взорвана. Страшный оглушительный взрыв прогремел среди ночи, зазвенели оконные стёкла, заплакала проснувшаяся Леночка, а жена Марина в страхе прижалась к лежащему рядом, но не спящему мужу.

— Господи, что это?!.. — прошептала она.

— Красивый взрыв, — сказал, улыбаясь, Валерий Петрович. — Наверное, террористы. А кто же ещё?

— Как страшно жить, — прошептала жена. — Куда ты, Валерочка?

— На балкон... интересно же посмотреть...

И он вышел на балкон и посмотрел на дымящиеся развалины. Потом поднял взгляд вверх и вдаль, на мерцающую под луной гладь Енисея, на дальние синие горы, — и строго произнёс:

— Красота спасёт мир — если мы спасём красоту.

Чужой сон

Как я оказался в этом чужом, совершенно незнакомом городе? Понятия не имею...

Золотая осень в разгаре.

Чужие дома, чужие люди. Золотая листва под ногами.

Вероятно, вышел не на той станции...

Что же делать?

Надо вернуться на вокзал — и сесть в любой поезд, идущий на восток...

Стоп!

А где моя сумка?!

Я же нигде никогда не расстаюсь со своей сумкой! И в этот раз, как обычно, сумка висела у меня на плече... Да где же она?! Там ведь и деньги, и документы... Что за чертовщина?

Я развернулся и быстро зашагал назад, к вокзалу, — и минут через двадцать был уже там, в кабинете начальника станции.

— Пожалуйста, разрешите мне уехать домой, в Кырск, — уговаривал я хмурого дядьку. — Я потом заплачу!

— Как же я вам разрешу — без денег? — хмыкнул тот. — И без документов... это довольно странно...

— Что же мне делать? — чуть не плача, воскликнул я.

— Сейчас разберёмся...

И он отвёл меня в комнату полиции, где сонный сержант тут же стал оформлять протокол.

— Да вы сядьте, сядьте, — зевая, сказал сержант. — Спешить некуда. Как ваша фамилия?

— Что? Моя?

— Не моя же. Фамилия, имя, отчество... Ну? Я жду!

— Имя, отчество... — пробормотал я — и вдруг с ужасом понял, что я не помню. — Извините, но я... я забыл... я не помню свою фамилию!

— Очень славно, — сержант даже взбодрился и посмотрел на меня как на больного. — Значит, вы не помните, кто вы такой?

— Д-да...

— Но помните, что живёте в Кырске?

— Да... кажется...

— Кажется — или точно? — сержант посмотрел на меня строго, без улыбки. — Сколько выпили сегодня?

— Я сегодня вообще не пил...

— А вчера?

— И вчера... кажется... Сам не знаю, почему у меня вдруг отшибло память!

— Меньше пить надо, гражданин. Что мне теперь с вами делать?

— Пожалуйста, отправьте меня в Кырск... ну пожалуйста! Ну я очень вас прошу!

— И куда вы там пойдёте, в Кырске? По какому адресу?

— Я... не помню адрес... Но я найду! Там я обязательно найду! Вы только меня туда отправьте, а уж там я всё вспомню!

— Вы женаты?

— Да... кажется...

— Кажется? А дети у вас есть?

— Вроде бы есть... мальчик и девочка... кажется, так...

— Как их зовут?

— Н-не помню... я всё забыл... Но я всё вспомню! Я обязательно всё вспомню!

— Ладно, присядьте вон на тот диван. А я подумаю, что мне с вами делать. Придётся вызвать врача...

— Зачем? Не надо, товарищ сержант! Я совершенно здоров! Просто с памятью что-то случилось... Это всё потому, что я потерял свою сумку, где были и деньги, и документы... Вот я и разволновался... Но это пройдёт! Я вам обещаю!

— Помолчите немного. И успокойтесь. Хотите воды?

— Нет, ничего не хочу.

— Посидите, я скоро вернусь.

И сержант вышел, оставив меня одного. Я огляделся по сторонам. Портрет Путина (вот его я сразу узнал!), карта России, два письменных стола, красный вымпел на стене, круглое зеркало.

Я подошёл к зеркалу — и вздрогнул: на меня смотрел чужой, совершенно незнакомый мне человек. У него были рыжеватые волосы, усики, голубые глаза... Это был не я! Не я!

Как же так? Значит, я потерял не только сумку с документами и деньгами, и не только память я потерял — я потерял себя! В этом зеркале — совсем другой, совсем чужой человек! А где же я?

Мне стало так плохо, так плохо, что я потерял сознание и рухнул на пол.

— Что с вами, гражданин?! — вскричал сержант, вбегая в кабинет.

— Что с тобой, Серёжа?! — вскричала незнакомая женщина, прижимая к своей доброй груди мою бедную голову. — Тебе снился кошмар?

— Да, вероятно... — прошептал я, просыпаясь и со страхом глядя на неё. — Мне приснился плохой сон... чужой сон... совсем чужой сон... А вы — кто?

— Да ты что, Серёженька? — воскликнула плачущая женщина. — Я же твоя Настя, твоя жена... Не пугай меня, Серёженька! Зачем ты меня пугаешь?

— Я не Серёженька, — сказал я, отталкивая эту чудесную, но совсем незнакомую женщину. — И я не знаю никакой Насти... Оставьте меня, пожалуйста, в покое!

Ну и так далее.

ГЕЙ, СЛАВЯНЕ!

— Дорогие друзья! — воскликнул Ведущий. — Начинаем наше осеннее ток-шоу «Гей, славяне!». Тема сегодняшней дискуссии — однополые браки, которые, как вы знаете, уже легализованы в некоторых западных странах. Не секрет, что и у нас, в России, особенно среди так называемой креативной либеральной интеллигенции, идея однополых браков находит приверженцев...

— Позор! — выкрикнул багроволицый патриот Жердьяй. — Я бы всех этих пидоров душил собственными руками!

— Тебе дай волю — ты полстраны передушишь! — взвизгнула либералка Милованова.

— И передушу!

— Друзья, успокойтесь, — поднял руки Ведущий. — Мы живём в свободной, демократической стране, и каждый гражданин имеет право на своё мнение. Будем же взаимно толерантными...

— Да в гробу я видал вашу толерантность! — завопил Жердьяй. — Надо, пока не поздно, спасти Русь-матушку от голубой и розовой заразы!

— Совершенно с тобой согласен! — поддержал его бледнолицый радикал-консерватор Страшенко. — Долой однополые браки! Долой гей-парады! Мы должны защищать здоровье нации! Не дадим, понимаешь, всякой западной нечисти отнять наши традиционные ценности! Мало того, что Европа сама гибнет, — они хотят и нас утянуть за собой в это гнилое болото, в эту преисподнюю... Не выйдет! И мы не позволим...

— Да вы просто фашисты! — перебила его либералка Милованова. — Мракобесы, реакционеры! Для чего же тогда Пётр Великий прорубил окно в Европу?

— Вот и полезай сама в это окно, сучка белобрысая! — судорожно выкрикнул Страшенко. — Вали на свой любезный Запад! А я, понимаешь, за Русь православную любому пасть порву! И тебя, проститутка, с кашей съем! Ты сама небось лесбиянка — ну и вали в свою Европу!

— Тихо, тихо, друзья... — снова поднял руки Ведущий. — Очень жаль, но, боюсь, мы с вами ещё не готовы к подлинной демократии... — он печально вздохнул. — Наше косное сознание не созрело для принятия европейских ценностей, выработанных многовековым развитием западной цивилизации...

— Что вы хотите этим сказать? — нахмурился Жердьяй.

— Это я-то — не созрел?! — изогнулся в судорожном пароксизме Страшенко. — Да я, блин, уже перезрел давно! Да я, блин, всех этих пидоров терпеть ненавижу, как врагов народа!

— Ну всё, хватит! — строго сказал Ведущий, он же главный врач городской психобольницы имени Чехова. — Ток-шоу «Гей, славяне!» объявляю закрытым! Всем разойтись по своим палатам! Где старшая медсестра?

— Я здесь, Лазарь Митрофанович!

— Проследите за исполнением!

— Нет, позвольте! — закричал параноик Жердьяй. — А как же ваша хваленая демократия? А плюрализм? А свобода слова? В Конституции сказано...

— А у них демократия только для пидоров! — взвизгнул эпилептик Страшенко, закатывая безумные глаза. — А для подлинных патриотов у них, понимаешь, дурдом!

— Всех фиксировать, — негромко распорядился главврач. — И купировать. Каждому — по два кубика сульфозина в четыре точки... Припадочному Страшенко — ещё клизму с хлоралгидратом. А Жердьяю — тизерцин внутривенно медленно три кубика. А Миловановой — только сульфозин.

— А мне-то вообще за что?! — возмутилась либералка Милованова, страдающая маниакально-депрессивным психозом. — Разве я не созрела для демократии? Да я из-за своих демократических убеждений всю жизнь по психушкам пропадаю!.. За что же мне — сульфозин?

— А чтобы Родину крепче любила, — ласково объяснил Лазарь Митрофанович.

ЮНЫЕ ГОДЫ ОТЦА ДИМИТРИЯ

А вот ещё один недовоплощённый сюжет. То есть в жизни-то он вполне воплотился, а вот на бумаге, под моим усталым пером, — увы...

Речь о том, как этой осенью встретил я — совершенно случайно — своего бывшего ученика, некогда юного робкого поэта, а ныне — священника в православном храме, продолжающего как ни в чём не бывало писать стихи.

Это ж надо — такие метаморфозы! Я его помню застенчивым, закомплексованным двадцатилетним юношей, мучительно красневшим в беседах со мной и даже с друзьями-ровесниками — тогда, тридцать лет назад, на занятиях литературной студии «Парнас» в городском Дворце культуры. И вот недавно, оказавшись в краевой библиотеке на его творческом вечере (ей-богу, совершенно случайно), я увидел высокого, статного мужчину с аккуратной бородкой, в чёрном облачении священнослужителя, — и не сразу его узнал.

Но когда он начал декламировать свои стихи — прошлое вспыхнуло передо мной, и я увидел того, молодого Диму, который, заикаясь от волнения, читал нам свои трогательные наивные вирши:

Я — просто маленький усталый человек.
Я — рыба на песке,
бездумный грузный бег,
закладка в книге, выпавшей из рук.
Я — муха на цветке,
незавершённый круг
пустых мечтаний, рваные края.
Во мраке абрис — я,
бесплодная земля.
Я — спичка в коробке,
когда-то вспыхну я...
(Стихи отца Виктора Теплицкого)

Значит, вот какие бывают священники!

Я слушал, слушал, смотрел, смотрел. Но подойти к нему так и не решился. А вдруг он меня не узнает? И зачем я ему сейчас? И зачем он мне?

Публика принимала его хорошо. Отец Димитрий был явно доволен и не пытался скрыть этого. Аплодировали, дарили букеты цветов. Потом поэта в рясе окружили поклонники и поклонницы. А я потихоньку ушёл, исчез. Пусть прошлое остаётся в прошлом. Зачем ворошить? Зачем смущать батюшку?

Но прошло несколько дней — а я всё не мог забыть эту встречу. И всё больше хотелось мне вновь повидаться с отцом Димитрием.

И вот вчера я отправился в Свято-Никольский храм на окраине Кырска. Дождался окончания службы — и подошёл к алтарю.

— Добрый день, отец Димитрий, — произнёс я почти так же робко, как некогда он обращался ко мне. — Вы меня не узнаете?

— Извините, ради Бога... — смутился священник, потом внимательно всмотрелся в меня — и покачал головой: — Неужто это вы — Вадим Иваныч?

— Он самый, — кивнул я, обрадованный, что он меня узнал. — Значит, помните бывшего наставника?

— Ещё бы! — воскликнул отец Димитрий. — Я вас часто вспоминаю. Вы так меня поддержали в ту давнюю пору! Да если б не вы...

— Ну, не преувеличивайте, батюшка...

— Какой я батюшка? — рассмеялся священник. — Вы мне в отцы годитесь!

— И тем не менее, вы — отец Димитрий, а я — аз грешный... Хотя, если всерьёз, я бы рад был исповедаться перед вами... Мне есть в чём покаяться... — и я потянулся к его руке, чтобы поцеловать.

Но священник в испуге отдернул руку.

— Да что вы!.. — прошептал он. — Я недостоин...

— А ведь я помню, помню, — сказал я, — как лет тридцать назад вы мне исповедались... Помните? Как-то вечером, после занятия, когда все студийцы уже разошлись, вы мне наедине поведали о самых своих заветных мечтах и сокровенных тайнах... Помните?

— Конечно, помню, — со смущённой улыбкой кивнул отец Дмитрий. — Я вам тогда всю свою подноготную выложил... и про свои страхи, и про то, как мне трудно общаться с девушками, и про свою мечту стать поэтом... О стезе священника я в ту пору ещё и не помышлял! Но вы меня успокоили. Вы мне сказали...

— И что же я вам сказал?

— Вы сказали: «Оставайся самим собой. Доверься своему сердцу — и ничего не бойся!..»

— Как просто, — вздохнул я.

— Да, очень просто, — кивнул священник. — Но эти ваши простые слова меня тогда очень поддержали. И я вам так благодарен за вашу поддержку!

— Ну, это пустяки, — отмахнулся я. — Вы же сами выбрали свой путь. И твёрдо идёте по этому пути. Я могу вам только завидовать. Прихожане вас любят, это же видно. И супруга у вас хорошая, и трое детей...

— Да что вы, Вадим Иванович, — он ласково тронул мой локоть. — Насколько я знаю, у вас тоже всё в порядке: выходят книги, вас любят читатели, у вас дружная семья...

— Откуда вы знаете?

— Я всё про вас знаю, — почти без улыбки сказал он. — И я вами горжусь.

— Вы ошибаетесь, — возразил я. — Мне нечем гордиться. Но посыпать себе голову пеплом не буду, и рвать на себе волосы не буду тоже. Когда-нибудь в другой раз мы с вами поговорим более подробно и более откровенно... Если, конечно, вы не против.

— Разумеется! — воскликнул отец Дмитрий. — В любое удобное для вас время... Вот, возьмите мою визитку — здесь адрес и телефон. Со звонимся, договоримся.

— Спасибо, — я спрятал его визитку в карман, но свою давать ему почему-то не стал. — Конечно, договоримся. А сейчас я не смею вас больше задерживать...

— До свидания, Вадим Иванович, — он снова коснулся моего плеча. — Но мне почему-то кажется, что вы ещё о чём-то хотели меня спросить...

— Что? Ах да!.. — встрепенулся я. — Я хотел спросить... меня давно это смущало... Вроде пустяк, но всё же...

— А что именно?

— Ну... даже неловко... уж вы простите... — и я откашлялся. — В Евангелии от Матфея, там в самом начале... ну, где описано родословие Иисуса Христа... Ну, помните: «Авраам родил Исаака; Исаак родил

Иакова...» Ну и так далее, вплоть до Иосифа — «мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос»...

— Помню, конечно. И что же?

— А то, что мне непонятно: почему это называется «родословие Иисуса Христа»? То есть при чём тут его псевдоотец Иосиф, который, как сказано в Евангелии, «не знал Её», свою жену? Ведь она же была дева — и зачала не от него, а от Духа Святого! При чём же тут Иосиф? Дали бы лучше — родословие Девы Марии! И перечислили бы всех Её предков! Это было бы честно...

— Вас это и впрямь волнует? — нахмурился отец Димитрий, глядя на меня с острым сочувствием, как на безнадежно больного.

— А что?

— Да нет, ничего... Бедный вы, бедный, — и священник вдруг обнял меня и тяжело, прерывисто вздохнул. — Ну что я могу вам ещё сказать? Оставайтесь самим собой. Доверьтесь своему сердцу — и ничего не бойтесь... И храни вас Господь.

...Так мои слова вернулись ко мне.

Словно и не было долгих лет разлуки.

Юный поэт стоял передо мной в рясе священника.

За окнами храма сверкала золотая осень.

И это не стихи, это проза.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

А эта история только кажется невероятной. Сюжет, по сути, прост, как правда.

Президент много лет не был в родном городе. А ведь, кажется, совсем недавно он уехал из Кырска в Москву — покорять столицу. И ведь покорил. Поступил в престижный вуз, окончил его с красным дипломом, потом аспирантура, потом многолетняя служба за границей, потом карьерный взлёт — и вот уж он на вершине власти. Где только не пришлось побывать, весь мир объездил с официальными визитами. А в родной Кырск завернуть всё как-то не доводилось.

И вот — приехал, прилетел в разгар золотой осени, чтобы лично проверить, как город готовится к Всемирному экуменическому форуму, который впервые должен был состояться тут, в географическом центре России, весной будущего года. Из конфиденциальных источников поступила информация, что деньги, выделенные из федерального бюджета на подготовку форума, расходуются не по назначению, а проще говоря — разворовываются. И все эти факты следовало проверить, а виновных в коррупции — строго наказать, дабы другим неповадно было.

Самолет с президентом прилетел в Кырск рано утром, днём состоялась встреча с губернатором и прошла первая пресс-конференция

с участием зарубежных и российских журналистов под лозунгом «Христиане всех стран, соединитесь!». На завтрашнее утро наметили расширенное заседание в краевой администрации с участием представителей всех религиозных конфессий и преподавателей гуманитарных факультетов различных вузов. А нынче вечером президент решил прогуляться по родному городу без свиты и даже без охраны.

И вот он идёт через главную площадь, мимо памятника Ленину, мимо Центрального парка, сворачивает на улицу Радищева — и удивляется тому, что за полвека тут совсем ничего не изменилось. Ну, почти ничего. Ну, машин стало больше. Ну, люди одеты получше. А дома в основном — те же самые, деревянные, двухэтажные, ветхие, так ни разу и не отремонтированные.

А вот и дом номер тринадцать, где когда-то родился и провёл своё детство президент. И где сейчас должна проживать его старенькая, дряхлая мама. Надо зайти, поговорить. У мамы, кстати, как раз сегодня день рождения. Круглая дата — сто лет. Надо поздравить. Подарочек, жаль, не купил. Ну да ничего. Дам денег — пусть сама себе купит, чего захочет. А захочет — заберу её с собой, в Москву. Я и раньше не раз уж ей по телефону предлагал — отказывалась: мне и здесь хорошо.

А что тут хорошего?

Он огляделся — двор был запущенный, грязный, всюду мусор, битый кирпич, какие-то доски. Шныряют кошки, лают собаки, порхают голуби. Дети играют в футбол. А какая-то древняя старушка развешивает бельё...

Да это же мама!

— Мама! — воскликнул президент и подбежал к старушке. — Мама, это я, Петя! Я вернулся, мама! Ты что, не узнаёшь меня?

— Очень даже узнаю, — проворчала мама, отстраняя дрожащими от старости руками его дрожащие от волнения руки. — Явился, не запыхался... С Луны ты свалился, что ли?

— С днём рождения, мамочка! С юбилеем!

— Ну чего расшумелся-то? Я свои дни рождения уже полвека не отмечаю... А ты где пропадал?

— Как где? Да я же... Ты хоть телевизор-то смотришь, мама? Да я каждый день — на экране...

— Только мне и делов, что телевизор смотреть, — буркнула мама. — Ты лучше ответь: где наши собаки?

— Какие собаки? — растерялся президент.

— Ну... Ты же с собаками пошёл погулять. По моей просьбе. Пошёл — и пропал. И вот — сам вернулся... а где собаки?

— Да какие собаки, мама? О чём ты?

— «Какие собаки»... Мои собаки! Ты что, забыл? Ты же пошёл собак выгуливать — и пропал. Столько лет пропадал... А где собаки?

— Какие собаки, мама? Какие собаки?

— Японский хин Микки, тойтерьер Тузик, кокер-спаниельша Лайла, овчарка Дина, бульдожка Маруся... Где они все?!

— Господи, мама... когда это было?... все эти собаки давно уж издохли...

— А ты вот живой! — всплеснула руками мама. — Где-то шатался столько лет — и явился, не запылится... А собак — потерял!

— Да я их уже и не помню, мама... О чём ты? Ты будто и не рада, что я вернулся...

— Почему не рада? Я рада. Я очень рада. Пошли в дом, будем чай пить, с крыжовенным вареньем. Ты-то, я вижу, с пустыми руками пришёл?

— Я дам тебе денег, мама... Да мы с тобой прямо сейчас поедem в какой-нибудь супермаркет — и купим всего самого вкусного!..

— Ой, ой, расхвастался. Обойдусь и без твоих миллионов... А это что там за машина приехала? За тобой, небось?

— Нет... я один, без охраны... и без сопровождающих... Я специально пошёл — тебя навестить, мамочка.

— Ну как же, ведь я не слепая! Машина-то за тобой, Петька!

Президент оглянулся — и увидел большую белую машину с красным крестом. Дверца распахнулась — и выскочили два санитар в белых халатах.

— Господин президент! — крикнул один санитар. — Карета подана! Извольте садиться...

— В чём дело? — гневно спросил президент. — Кто вы такие?

— Мы за вами, господин президент, — сказал, явно кривляясь, второй санитар. — Зря вы так... И куда спешили? Ведь вас доктор уже и так к выписке готовил. А вы... Сами же всё испортили. Ну ничего. Там вас ваши друзья заждались...

— Какие друзья? — растерянно спросил президент.

— Ну как же... Господин премьер, господин спикер Госдумы... А ещё за вас очень переживал его святейшество патриарх — всё допытывался: «Где мой Петя? Где мой блудный сын Петя?..» Очень уж ему не по нраву был этот самый экуменический форум... Он на него и ехать-то отказался... А доктор его успокаивал: мол, всё образуется, ваше святейшество, блудный Петя, мол, непременно одумается и вернётся на путь истинный...

— О чём они говорят, сынок? — прошептала мать. — Ты куда сейчас?

— Ох, мама... не спрашивай. Я тебе потом всё объясню. Ты меня только дождись, мамочка!

— Нет, ты мне скажи: кто эти люди? Террористы?

— Что вы, мамаша, мы — санитары из психбольницы имени Чехова, — сказал тот, что помоложе.

— Нет! Вы террористы! — завопила мамочка. — Отпустите сейчас же моего несчастного сына! Он ни в чём не виноват!

— Эх, мамаша, — вздохнул санитар, который постарше. — Никто ни в чём не виноват. А мы — люди маленькие.

ХРУСТАЛЬНАЯ ДЕВОЧКА

Не роман, не повесть, не рассказ.
Грустная сказка о нашей жизни.
О моей жизни.

Август 1991 года. Крым, Ялта. Мне сорок лет, но выгляжу куда моложе. Может быть, потому, что ещё не женат. Впрочем, я и сейчас не женат. Я вообще никогда не был женат. Так уж исторически сложилось. А всё она виновата, хрустальная девочка. Нет, она ни в чём не виновата. Я сам во всём виноват. Да и я ни в чём не виноват. Вообще никто ни в чём не виноват.

Что я делал в Крыму? Как что? Отдыхал после тяжких трудов в своей безумной больнице имени Чехова. Поехал на море дикарём, без путёвки. Снял комнату в Ялте, недалеко от моря. Там ещё рядом маяк. Хозяин — таксист, хмурый такой, ворчливый. Вроде не хохол, русский. Впрочем, не всё ли равно? Вдовец, пропахший бензином. Дочка — Лариса, на вид лет шестнадцати, в десятый класс перешла. Мне она сразу понравилась — худенькая такая, загорелая, волосы тёмные, глазки светлые — как льдинки. Голосок нежный, звонкий. Бренчит на фортепьяно, хотя музыке вроде нигде не училась, и тихонько поёт — ангельским таким голоском. И улыбочка на лице сияет. Чудо-девочка! И кокетливо на меня поглядывает.

— Что вам сыграть? — спрашивает.

— Сыграй Шопена...

— А может, лучше Брамса?

— Валяй! — говорю и декламирую нараспев: — «Мне Брамса сыграют, я вздрогну, я сдамся...»

— Ваши стихи?

— Пастернака... Сыграй что хочешь. А лучше — спой!

И я поощрительно похлопал её по плечу.

— Вы с ней поосторожнее, — вмешался насупленный отец. — Девчонка больная...

— А что с ней?

— Хрустальная девочка...

— В каком смысле? — не понял я. — Слишком нежная, что ли?

— Хрупкая... Кости у неё очень ломкие... От рождения такая. Чуть что — перелом!

— Фу ты, Господи... Как же так?

— А вот так. Вы же врач — должны понимать. Она за свою короткую жизнь уже раз двадцать в больницах лежала. Врачи так и говорят: хрустальная девочка. Врождённый порок. И в кого она такая — уж и не знаю. У жены моей, матери её покойной, ничего такого не было. У меня тоже — кости крепкие. А у Лариски... от любого пустяка — руки-ноги ломаются... Недотрога.

— Прямо принцесса на горошине!

— Да уж... Вы разве с такими не сталкивались?
— Не приходилось. Я же психиатр, совсем по другой части. Лечу хрупкие души... А у неё, вероятно, генетическая патология?..
— Во-во! Врачи так и говорят: повышенная ломкость костей наследственного происхождения. А в кого у неё эта наследственность? Может, она вовсе и не моя дочь?! А? Теперь уж и не проверишь — мамка давно в могиле...
— Папа, перестань! — воскликнула Лариса. — Я твоя дочь... честное комсомольское!
— Ты-то откуда знаешь? Только мамка твоя могла бы сказать...
— Но ведь можно провести генетическую экспертизу... — заикнулся я.
— Никаких экспертиз! — рявкнул отец. — Чтоб над нами соседи смеялись? Ещё чего! И хватит об этом... Лариска — моя дочь, моя кровиночка... и я её никому в обиду не дам! Так и усвой!
— А я — что? — растерялся я. — Я ничего... Я для неё уже старый.
— И забудь! И не трогай её!
— Да кто её трогает-то? Вы о чём вообще?
— Дураком не прикидывайся... Я ж не слепой — вижу, как ты на неё поглядываешь... облизываешься, как кот!
— Да вы, папаша, бредите!.. Извините, но мне пора идти на пляж. Не нужна мне ваша хрустальная девочка.
— И очень хорошо. Держись от неё подальше.
Вот старик вредный какой. Испортил настроение.
И я отправился на пляж.
Купался, загорал, гулял по набережной. Но продолжал думать о Ларисе.

В тот день мы с ней больше не виделись. А на следующее утро я сразу пошёл на пляж — и там встретил Ларису. Она выбежала, как в сказке, из пены морской — и со смехом подскочила ко мне:
— Наконец-то явился! Засоня! Ну и долго же вы спите... Вы на море, что ли, спать приехали? Айда купаться!
— Ларисочка, я только пришёл... Дайте хоть оглядеться.
— Не надо оглядываться! Пошли со мной!
— Куда? — я отдёргнул руку.
— Поплыли до буйка! А ну — кто первый? — и она со звонким хрустальным смехом потянула меня за собой. — Шнеллер, шнеллер!
И вот мы плывём, и она меня обгоняет — и первая доплывает до буйка, а потом поворачивает назад.
— Догоните! — кричит. — Соня! Копуша! Сибирский медведь!
И я пытаюсь её догнать, и уже у самого берега хватаю её за плечо — и круто поворачиваю к себе.
И тут она вдруг страшно, пронзительно вскрикивает, всплещивает руками:
— Ах, как больно!.. Зачем вы так?!..

И я подхватываю её тонущее тело — и тащу к берегу. А она стонет, всхлипывает и потом, уже на пляжной гальке, теряет сознание.

—... А ведь я тебя, гад, предупреждал, — с тихой ненавистью прохрипел отец, когда мы отвезли её в неотложку. — Я тебя по-хорошему, гнида, просил... а ты...

— Да я ничего! Я же только к ней прикоснулся!

— С такими больными надо соблюдать предельную осторожность, — сказал дежурный хирург после первичного осмотра. — Ей и купаться-то опасно... Придётся накладывать шину, гипсовую повязку...

— Но что с ней, доктор? — воскликнул я.

— Похоже, закрытый перелом... Или — трещина плечевой кости... У неё же несовершенный остеогенез, повышенная ломкость костей... А вы разве не знали?

— Да всё он знал! — рявкнул отец. — Я его предупреждал... — и он схватил меня за ворот рубахи: — Чтобы завтра же духу твоего здесь не было! Понял? Не нужен мне такой жилец! Убирайся!

— Папа, не надо... Он же ни в чём не виноват... — прошептала очнувшаяся Лариса. — Не гони его, папочка... Он хороший... он добрый, он умный... Пожалуйста, папа... Он мне так нравится!..

— Как же! Снюхались уже?! — и отец снова повернулся ко мне: — Чего стоишь? Пшёл отсюда! Чтоб завтра же... нет, сегодня же — чтобы прямо сейчас убрался из моего дома!

— Хорошо, хорошо, хорошо, — бормотал я, направляясь к выходу. — Я вас понял... я сделаю всё, как вы хотите...

И в тот же вечер я улетел в Москву.

Отпуск был испорчен. Но возвращаться в Кырск не хотелось.

Остановился у друга, бывшего земляка. Выпили с ним за встречу. Потом я выспался. Гулял по столице, посетил выставку в Манеже, купил в книжном на Горького двухтомник про масонов, вечером ходил в театр на Таганке. Зашёл в центральный телеграф, отправил телеграмму Ларисе, беспокоясь о её здоровье. Но лучше б я её не посылал, эту телеграмму! Потом уж я понял, что хрустальная девочка расценила моё послание как прозрачный намёк приехать ко мне в Москву... Но зачем бы я стал её звать?! Зачем? Я ж не сошёл с ума! Или — уже сошёл? И я сам уж не осознавал до конца, что Лариса завладела моим сердцем, извините за пошлое выражение... Ну а как иначе?!

А девятнадцатого августа начался тот самый путч, то самое ГКЧП, когда по московским улицам тарахтели танки и бронетранспортёры, на перекрёстках и площадях возникали стихийные митинги, а возле Белого дома появились баррикады защитников российской демократии.

И на этих дурацких баррикадах я вновь повстречал Ларису!

Да-да, её, хрустальную девочку, с гипсовой повязкой на руке, сбегавшую от обезумевшего отца, от врачей и примчавшуюся в общем вагоне в Москву — специально, чтобы отыскать меня. Переночевала на вокзале, а днём — бродила по городу. И она меня нашла — на этих самых баррикадах!

Господи, какая пошлятина... Какой р-р-романтический сюжет — о том, как встретились после недолгой разлуки двое влюблённых — врач-психиатр и несовершеннолетняя девчонка (почти нимфетка... ах, Набоков!), хрустальная девочка, принцесса на горошине, влюблённая дурочка и влюблённый старый дурак, прости Господи...

В те безумные августовские дни было нетрудно сойти с ума. И я окончательно спятил. Я тоже в неё влюбился. Но я боялся не то что интимной близости — я боялся даже обнять её, приласкать, я боялся к ней прикоснуться.

— Между нами никогда ничего не будет, — бормотал я, целуя её тёплые ладони, её заплаканные солёные щёки, её глаза-льдинки, её растрёпанные душистые волосы. — И я должен немедленно уехать — к себе, в Кырск...

— Один? Без меня?!

— Конечно, один. Не могу же я рисковать твоим здоровьем, твоей жизнью... Не могу. Не хочу... Не имею права!

— Но я люблю тебя! И я вижу: ты меня тоже любишь! — отчаянно вскричала она. — Мы же можем соблюдать осторожность... ты не бойся, мой милый... ты ничего не бойся... мы потихоньку... мы не сразу... мы постепенно... А моя болезнь — пройдёт, вот увидишь. С годами у меня это пройдёт... косточки окрепнут... врачи обещали! Честное комсомольское! Надо только потерпеть, подождать... И я окрепну, я стану нормальной... И мы будем счастливы!

— Нет, мы не будем счастливы, — возразил я. — Я должен тебя оставить. Я не имею права.

— Ты просто боишься! Но если любишь — не бойся! Ну — тихонечко, вот так, обними меня... Ну пожалуйста! Ну! Ну!

— Нет, милая. Нет, моя драгоценная девочка. Нет. Нет. Нет.

И я улетел из бурлящей Москвы в свой провинциальный Кырск. Оставил Ларисе конверт с деньгами — на самолёт до Кырма.

Но уже через три дня она примчалась вслед за мной в Кырск. На поезде, так как оставленных мною денег ей бы не хватило на столь дальний рейс. Кстати, я мог бы и сам предвидеть подобный вариант.

В первые же дни она меня нашла — это было нетрудно, зная мою профессию. Лариса быстро устроилась работать санитаркой в нашу же больницу, поселилась в общежитии, но я избегал с ней встречаться. Хотя это было, конечно, трудно. Вообще стало очень трудно жить.

Она не оставляла меня в покое ни на один день, среди ночи являлась ко мне домой, приходилось её выставлять за дверь моей холостяцкой

гостинки. Не хотела уходить, ломилась в двери, рыдала, стонала, пугая соседей. Могла до утра просидеть на ступенях. Потом бесконечно звонила по телефону, подлавливала меня в больнице, хотя мы работали в разных отделениях.

Этот кошмар продолжался примерно полгода. Потом — как отрезало. Лариса внезапно исчезла с моего горизонта. И я вздохнул с облегчением. Свободен, свободен, наконец-то свободен!

Но, оказавшись как бы свободным, я с ужасом обнаружил, что продолжаю о ней думать. И не просто думать... Она снилась мне каждую ночь! И во сне я любил её, да — любил, страстно любил свою хрустальную девочку — и никак не мог избавиться от этого наваждения.

Прошёл год, и два года, и пять лет... А я всё мечтал, фантазировал — как мы с ней будто бы снова встретились, поженились, и я отправил её на лечение за границу, скорее всего — в Германию, и она там вылечилась — и вернулась совсем здоровая, и у нас с ней родились двое детей, сын и дочь, Руслан и Людмила (да, мы оба решили дать им эти сказочные пушкинские имена!), и мы были счастливы, счастливы, счастливы, не могли прожить ни дня друг без друга... Но это были только мои мечты.

А позднее, потом, спустя много лет, я узнал, что все эти мечты сбылись — только не со мной, а с другим мужчиной... И узнал обо всём этом я спустя четверть века, весной 2014 года, когда встретил её, свою хрустальную девочку, постаревшую и погрузневшую (но не погрустневшую!), — в родном Кырске, на митинге, посвящённом воссоединению Крыма с Россией, где Лариса была с мужем, добродушным белобрысым дядькой, и двумя детьми, которых звали, конечно же, Руслан и Людмила... Ну и встреча!

— Привет, Лариса... А у тебя, я вижу, всё хорошо, — сказал я, чуть не плача. — Как ты здесь оказалась?

— Я тут живу, совсем рядом, на Стрелке, — сказала Лариса, глядя на меня с улыбкой. — Старалась тебя не беспокоить... Ты же просил оставить тебя в покое? Вот я и старалась не попадаться тебе на глаза...

— Ты слишком хорошо старалась, — кивнул я. — Рад за тебя... честное комсомольское! — и мы оба рассмеялись. — Значит, ты вылечилась? Косточки окрепли?

— Да, слава Богу.

— А я думал — это неизлечимо.

— Ты думал... А ещё врач! Да ты просто боялся. Ты всего и всегда боялся. Боялся меня обнять. Боялся ко мне прикоснуться. А другие не боялись, — и она оглянулась на мужа. — Ладно, не будем об этом... Ну а ты сам — как ты живёшь?

— Плохо, — сказал я.

— А что так? Не женился?

— Нет.

— Почему?
— Потому что люблю тебя...
— Да брось ты! Сколько можно?.. И как ты можешь обходиться без женщины?
— Мне нужна была только ты...
— Да-а... Ты такой же, совсем не изменился.
— А ты изменилась, очень...
— Ты так ничего и не понял,— и Лариса горестно покачала головой.— Протри глаза! Ведь ты же меня просто придумал! Ты меня сочинил!
— Нет... это правда... Ты моя хрустальная девочка.
— Чушь всё это! Я обычная баба. А вот ты — ты хрустальный мальчик!.. Ну чего ты? Чего ты? Ну что ты, ей-богу?! Ты плачешь, что ли?
— Лариса, оставь человека в покое... Нам пора! — потянул её за рукав хмурый муж, чем-то вдруг напомнивший мне её отца.
— Да, кстати!.. — спохватился я. — А как твой папа?
— Папа? Да он же ещё тогда, в августе девяносто первого, помер от инфаркта... — почему-то смутилась Лариса. — Разве я тебе не рассказывала?
— Нет, конечно. Ни слова не говорила. Царствие ему небесное.
— Ты просто забыл... У нас там, в Крыму, домик... Папа мне его завещал...
— Ну Лариса! — снова вмешался муж. — Пошли! Там уже митинг начался! Пошли!
— Крым — наш! — закричали хрустальными голосами Руслан и Людмила. — Крым — наш! Крым — наш!
Ваш, деточки, ваш. Конечно, ваш.

Лето 2017

Сергей Кузнечихин

История болезни

Русь моя! Жена моя! До боли...

Александр Блок

Жена отговаривала ехать с ней в поликлинику, впрочем, не очень уверенно, без всегдашней категоричности, но Владимир Иванович увязался в провожатые, слишком слабою казалась она, да мало ли какая помощь может потребоваться, и самому спокойнее, когда под присмотром. Не догадывался, что ожидание перед кабинетом врача спокойным не бывает, особенно если ожидание затягивается. Записанные на приём начинали роптать:

— Сколько можно? Больше часа сидит, будто она единственная...

Вполне объяснимое раздражение только усиливало его тревогу, хотя можно было и уточнить нетерпеливым, что часа ещё не прошло. Но задерживалась всё равно подозрительно долго. Чужое волнение только усиливало тревогу. Наконец дверь открылась, но вышла не жена, а худая крашеная блондинка с хрящеватым носом. Некрасивость врачихи не гарантировала её знаний, и всё-таки несколько успокаивала. Ожидающие очереди разом повернули к ней головы, но она, не глядя ни на кого, зашпешила в глубь коридора. Возвратилась минут через пять, семена впереди грузного мужчины в расстёгнутом белом халате. И началось новое ожидание. Через какое-то время Владимир Иванович обратил внимание, что раздражённый ропот сидящих вдоль стены полностью исчез, и его беспокойство стало ещё сильнее.

Он пожалел, что не прихватил с собой книгу, хотя и понимал, что вряд ли смог бы читать в таком состоянии. Чтобы как-то отвлечься и не смотреть на страшную дверь, он пересел к другой стене. Теперь перед его глазами был кабинет УЗИ, а возле него — другие люди со своими болезнями, чужими для него, а потому вроде как и не очень страшными.

Медсестра в коротком и тонком халате, сквозь который просвечивало нижнее бельё, склонилась над мужчиной в тёмной рубашке с розовым галстуком.

— Ну что, появилось желание? — спросила завораживающим и соблазняющим шёпотом.

— Да вроде как бы уже, — виновато ответил он.

— А может, ещё подождём?

— Нет, нет, — и привстал от нетерпения.

— Тогда спешите за мной. И галстук-то зачем надели — не к министру же? — всё так же соблазнительно, словно приглашала уединиться для любовных утех.

Шла перед ним с прямой спиной, покачивая выпуклым крупом, на котором топорщился лёгкий халатик. Медсестричка или издевалась над мужчиной с переполненным мочевым пузырём, или забавлялась, а может, просто привыкла к такой манере общения. Молодая, знающая цену своим прелестям — почему бы и не поиграть, не скрасить однообразные будни? Скучно же каждый день смотреть на унылые физиономии.

Когда жена вышла из кабинета, к раскрытой двери, доказывая что-то друг другу, рванулись сразу трое заждавшихся.

— Завтра надо ложиться на обследование, — голос у неё был безразличный и тихий.

Владимир Иванович был уверен, что жена заболела уже давно. Задолго до изнуряющих недомоганий у неё стал портиться характер. Всю жизнь воспринимал её как жену-сподвижницу, терпеливую и понимающую, и вдруг увидел, что рядом с ним сварливая старуха. Может быть, превращение зрело постепенно, и он его не замечал, но ему казалось, что всё обрушилось как-то разом, в считанные дни. Она или замыкалась в себе, или становилась раздражительной — и начинались придирки к неопрятности, лени, косорукости, упрёки в неумении зарабатывать деньги, в неблагодарности, и уж совсем непонятно откуда брались обвинения в неверности. Оставалось только гадать, копилось ли это долгие годы или пришло вместе с болезнью. Владимир Иванович силился разобраться, но ответа не находил.

Когда врач пригласил его в кабинет и сказал, что пребывание в больнице затянется на долгое время, Владимир Иванович поймал себя на том, что почувствовал нечто вроде облегчения. Разумеется, он не желал ей зла, но пауза была весьма кстати. Заметил ли это доктор? Скорее всего, не обратил внимания. По крайней мере, вида не подал. Своих забот хватало. Лицо усталого человека. Речь без нахрапа и без сюсюканья. Провожая из кабинета, легонько взял за локоть и уже возле двери, словно только что вспомнил, сказал, что потребуются дорогие препараты.

— Напишите какие.

Врач снисходительно усмехнулся:

— Написать нетрудно. Вопрос, как их найти. Я готов помочь, но потребуются деньги.

— Хорошо. Я принесу. Сколько?

— Двадцать четыре тысячи.

Серьёзность суммы Владимир Иванович осознал уже на улице. Таких денег у него не было, и где их доставать, он не представлял, но безысходность почему-то не давила.

Круг близких знакомых в последние годы сузился, точнее сказать — скукожился чуть ли не до точки. Родной институт, в котором проработал всю жизнь, безвольно умирал. Специалисты разбежались, которые поэнергичнее — пытались открыть своё дело, но ни один из них не преуспел. В условиях мало кому понятной экономики производственникам, с их более универсальным опытом, было всё-таки попроще, а выходцы из НИИ оказались людьми без специальности. Переучиваться, когда тебе далеко за сорок, а то и за пятьдесят, тяжело и, главное, унижительно, хотя унижений хватало всегда — тяжело постоянно от кого-то зависеть. Особо амбициозные в НИИ не задерживались. Владимиру Ивановичу подобное положение тоже не нравилось, но как-то притёрся. В коллективе, где больше половины работников — женщины, мужик, умеющий что-то делать руками, всегда на видном месте, особенно если братья по полу больше склонны к теоретическим разговорам. Если начинал барахлить какой-нибудь прибор, шли к нему, попутно несли и собственные часы, фотоаппараты и даже электрические мясорубки просили посмотреть. Когда исследовательских тем не стало совсем, а проектные заказы превратились в случайные везения, решительные стали увольняться, нерешительных стали вытеснять, но его не трогали и даже уговаривали не спешить. Он понимал, что его незаметно превращают в завхоза, но терпел, утешая себя слабенькой надеждой, что всё как-то утрясётся, да и попытки бывших коллег не вдохновляли на поиски лучшей доли.

Единственный из них пусть и не высоко взлетел, но уверенно барахтался на поверхности, всё-таки сменил «запорожец» на джип и купил сыну квартиру. Встречались они редко, но выпившего Игоря неизменно тянуло поболтать по телефону. В своё время он беззастенчиво грузил Владимира Ивановича просьбами: случалось, и по работе, но чаще всего — по хозяйству, пока строил гараж, потом дачу. И он не отказывался помочь, с удовольствием копал, пилил, строгал; простая мужская работа скорее бодрила, нежели утомляла.

Особой надежды не было, однако надо с чего-то начинать, и он позвонил. Игорь сказал, что у него серьёзная встреча, разговаривать он пока не может, но к вечеру сам заедет в гости. Владимир Иванович принял обещание за шаблонную отговорку, а тот возьми и заявись. Плюхнулся в кресло и забегал глазами в поисках сигарет. В компаниях он всегда предпочитал курить чужие, не из жадности, а по привычке извлекать хоть какую-то выгоду из любой ситуации. Владимир Иванович достал из кармана полупустую пачку и положил перед ним. — Что творится? Куда катимся? В одичание. Выхожу утром из дома и возле соседнего подъезда вижу мусорный бак, набитый книгами. Не удержался, заглянул и выдернул «Опыты» Монтеня в «Литпамятниках», правда, второй том, но всё равно... Помнишь, сколько он стоил на книжной барахолке?

— Помню, что много.

— Копаться в баке постеснялся, да и времени не было, а сверху лежала педагогическая литература — наверное, мама-училка умерла, а благодарные потомки поспешили избавиться от пылесборников.

— Скорее всего, — вяло согласился Владимир Иванович, придумывая, как бы перевести разговор в нужное русло. — Может быть, чаю?

— С удовольствием. Я бы и водочки тяпнул, но, к сожалению, за рулём. Помню, ко мне норильская тётка приезжала и дико удивлялась, зачем в квартире столько книг.

Владимир Иванович слышал эту историю, но перебивать не стал. Даже подыграл:

— Норильчанки — народ специфический, хотя встречались весьма интеллигентные.

— Только не моя тётка. Она всё мерила рублём. И я, соответственно, перешёл на язык цифр. Показал книжку Тэффи, госцена около рубля, а на барахолке, говорю, за неё можно получить на бутылку водки. «За такую потрёпанную», — удивляется тётка. Так если бы в хорошем состоянии, говорю, и на литр можно потребовать. Тётка не поверила, но задумалась.

— Да, были времена.

— А потом вообще сразил. Достая с полки Цветаеву, помнишь, в «Библиотеке поэта» выходила, показываю и объясняю, что если вдруг на старости лет захочется пораспутничать, подойду к магазину, высмотрю самую красивую и самую задастую, пообещаю подарить книжку — и девица побежит за мной без колебаний и будет делать всё, что захочу. А про зад я специально сказал, потому как тётушкина корма была весьма обширна, и она ей очень гордилась. И убедил: попросила написать список дефицитных книг. Только жена всё равно пилила, что трачу деньги на макулатуру.

— А моя радовалась. У меня была самая читающая в мире жена.

Сказал чуть ли не афоризм и осёкся. Откуда в него проскользнуло торопливое словечко «была»? И почему так легко слетело оно с языка? Не рановато ли? Отметил, но не устыдился, списал на погоню за хлётской фразой: ну, оговорился, и что с того, бывает.

Игорь пропустил оговорку мимо ушей, его переполняли свои соображения.

— Помнишь, как на книжную барахолку ездили? Я вот о чём подумал: вся эта спекулянтская братия, разложив товар на полиэтиленчик, вальяжно прогуливалась по периметру поляны, любопытствовала, кто что привёз, кто что просит. И ни один не боялся, что украдут товар. В России воровали всегда, это ещё Карамзин заметил, и всё-таки на книжной барахолке воры были более интеллигентными.

— Особенно тот мужик, торгующий суперами от «Всемирки».

— Я его тоже запомнил. Уникальный случай, но в изобретательности человеку не откажешь. Надо же догадаться, чтобы содрать суперобложки с двухсоттомника и продавать по рублю.

— Самое смешное, что покупали.

— Вот именно. Я когда подошёл к нему, долго не мог понять, сначала хотел рассмеяться, а потом сообразил и сам, точно не помню, но штук пять взял, чтобы своему собранию товарный вид придать. Оно же к тому времени сильно подорожало, особенно если в комплекте. Я подсуетился, добыл недостающие тома, охмурил директоршу библиотеки, она даже транспорт организовала. Потом немного добавил, и хватило на «запорожца».

— Хорошая была машина, работающая.

— По тем временам... Между прочим, она себя сторицей окупила. Всё-таки была в те годы неповторимая романтика...

В другой ситуации Владимир Иванович с удовольствием поддержал бы эту ностальгическую прогулку, но надо было задавать главный и самый неприятный вопрос. Выдохнул и обрушил на приятеля свои беды.

— Об-наг-ле-ли! Двадцать пять тысяч!

— Двадцать четыре.

— Какая разница? И самое противное, что с ними не поторгуешься. А денег таких, как я догадываюсь, нет.

— Как ни странно.

— Извини. А сыну звонил?

— В первую очередь. Но он без денег.

Владимир Иванович обманул. Он даже не знал, есть ли у сына телефон. Парень возмнил себя художником и бросил медицинский институт, не доучившись полтора года. Если бы имелись хоть какие-то признаки таланта, он бы смирился. Но он не понимал, как может человек, не умеющий рисовать, считать себя художником, приводил пример Сальвадора Дали, который, при всех вывихах, оставался первоклассным рисовальщиком. Сын не желал слушать и, хуже того, не желал или не мог объяснить своё право на профессию. После тяжёлого и нервного разговора он уехал в Москву. Владимир Иванович постоянно искал, не мелькнёт ли где-нибудь его имя, даже «голоса» начал слушать, но никаких следов не проявилось. Где мыкается неприкаянный сын, в Москве или в любимой им, но неласковой к чужакам Европе, он не знал. Плохому художнику везде плохо. Но в родном доме всё-таки теплее.

— А я думал, что художники гребут лопатами. Будем надеяться на будущую славу. А сейчас продать нечего...

У самого Игоря было что продать: и дача, и гараж, и машина — весь джентльменский набор. Владимир Иванович вспомнил, как строили гараж. Погреб копали вручную, когда коробка уже стояла. Он, как самый работающий, стоял в яме, насыпал вёдра, а Игорь поднимал их на верёвке и вываливал за воротами. Когда вылез на поверхность, не смог найти рубашку. Раздевался возле гаража. Игорь уверял, что засыпать её землёй он не мог, оставалось грешить на случайного

прохожего. От гаража добирался по пояс голый, а домой поехал в рубашке Игоря, которую потом вернул. И хозяин взял. В строительстве дачи тоже пришлось поучаствовать, и довольно-таки активно. Лень и косорукость Игорь с лихвой перекрывал умением подсуетиться, добыть, организовать встречу с нужными людьми и, само собой, накрыть щедрый стол для помощников. Он умел просить, не нагеля и не унижаясь, словно заранее был уверен, что ему не откажут в такой мелочи. И почти всегда получал, что хотел. Владимир Иванович никогда ему не отказывал, а сам попросил в первый раз.

— Есть у меня кое-какие соображения, — сказал Игорь. — Постараюсь определиться до обеда.

Объяснять ничего не стал, водилась за человеком привычка «сыграть в тёмную».

В институте уже год как перешли на четырёхдневку. Пятницу неофициальным приказом превратили в дополнительный выходной. Но ждать дома ещё тяжелее. Потерянное время. И надежда с каждым часом всё слабее и слабее, особенно после того, как перевалило за обещанный срок. Взял недавно купленную книгу Андрея Платонова, открыл на «Котловане», осилил две страницы и отложил — сходная ситуация усугубляла маету неопределённости, для взвинченного состояния подошёл бы какой-нибудь французский детективчик, но подобного чтива в квартире не держали. Включил телевизор, развернул газету с программой и наткнулся на рекламу нового букинистического магазина. Позвонил почти машинально, ещё не зная, что хочет предложить им и готов ли расстаться с книгами, которые они с женой собирали много лет. Ответил приятный женский голос — торговые работники в последние годы научились быть вежливыми. Владимир Иванович слегка замялся, но после необязательных вводных извинений и приветствий испугался, что трубку могут положить, и, как ему показалось, чётко сформулировал:

— Можете ли принять собрания сочинений?

— Смотря какие.

— Сервантеса, например, Мопассана. Очень большая подборка ЖЗЛ.

— Извините, я сейчас директора позову, и он всё прояснит.

Пока искали директора, он начал быстро перебирать в уме, чем можно пожертвовать, потом одёрнул себя: какие могут быть сомнения и колебания, если надо спасать жену?

— Какие у вас авторы? — сухо спросил директор, давая понять, что на подготовительные разговоры у него нет времени.

Владимир Иванович стал наугад перечислять содержимое полка, но начал с многотомников, полагая, что подписные издания заинтересуют в первую очередь.

— Понятно, — оборвал его директор. — Вас устроит, если завтра мы приедем в первой половине дня, чтобы избавить вас от таскания

сумок туда и обратно?— и, не дожидаясь ответа, приказал помощнице: — Ритуля, запиши адрес клиента.

Можно было сказать, что первый шаг сделан: робкий, неуверенный, сомнительный — но тем не менее. Владимир Иванович остановился возле стеллажа, занимающего всю длинную стену спальни от пола до потолка. Книжный шкаф с парадными собраниями стоял в передней, его открывали редко, а в спальню допускались книги для души. Библиотека была гордостью жены. Она вступила в общество книголюбов, завела блат в книжных магазинах, собирала макулатуру, чтобы получить талоны на Дюма, а потом обменивала «Мушкетёров» на книги любимых поэтов: Цветаевой, Павла Васильева, Клюева... Перед каждой командировкой она давала ему список обменного фонда, в который наказывала брать по несколько экземпляров. Они хранились в картонных ящиках. Владимир Иванович хорошо помнил происхождение стеллажа. Доски добыл Игорь, договорился на заводе за составление инструкций, но конструировать должен был он — и себе, и ему. При этом Игорь дождался, когда Владимир Иванович сделает себе, пришёл, посмотрел, и уже с учётом обнаруженных мелких просчётов приступили ко второму. Получилось и красиво, и вместительно.

Владимир Иванович снял с полки пяток томов. Обои за стеллажом ни разу не менялись. Голубое поле превратилось в серое, а к синим цветам добавились чёрные разводы. На верхних торцах книг ровным слоем лежала пыль. Почему-то вспомнилось, как на базаре восточный человек обрызгивал помидоры из пульверизатора, придавал продукту товарный вид. Книги тоже не мешало бы протереть или хотя бы пройтись пылесосом. За пару часов можно управиться. До болезни о них заботилась жена. Вспомнил о жене и сразу представил, какое впечатление произведут на неё грязные обои вместо родных говорящих корешков. Увидит и сразу потребует доктора, если будет в состоянии прошептать хотя бы слово. Ещё не поздно было позвонить и отказаться или не открыть дверь, когда приедут букинисты. Но денег от такой верности не появится, и жена может вообще не вернуться из больницы. Разумнее всего разобрать стеллаж и переклеить обои.

Игорь не позвонил, но приехал и, не раздеваясь, озадачил:

— Ты ещё не выкинул свою диссертацию?

— Лежит. С какой стати выкидывать?!

— Я нашёл на неё покупателя.

— Какого покупателя? — не понял Владимир Иванович.

— Нормального придурка из нуворишей.

— А почему ты решил, что я продам?

— Разве деньги уже не нужны?

— Нужны.

— Значит, доставай.

— Да какой прок с неё в наше время? Кому нужна степень, если кандидаты наук в киосках бананами торгуют?

— Таким, как мы, она теперь действительно без надобности, а тем, кто просочился в серый дом, она далеко не лишняя. Надбавка к зарплате их не волнует, с их взятками никакое жалование не сравнится. Зато престиж...

— Ты думаешь, если бы я успел защититься, моя жизнь сейчас текла бы по другому руслу?

— Я ему про Фому, а он про Ерёму. Тебе бы даже докторская степень не помогла, потому что нуль в любой степени остается нулём. А пять в квадрате — уже двадцать пять. Человек этот при серьёзной должности. Диссертацию при его связях и состряпать, и защитить можно, не выходя из бани, но он хитрый и осторожный. Ему надо, чтобы никто не подкопался. У него и диплом по той же специальности, как у нас с тобой. Добыл себе перчатки канареечного цвета, теперь и пальтецо в тон им подобрать захотелось.

— Почему канареечного?

— Это к слову. Был когда-то в моде. Помнишь песенку: «...А на мне пальто канареечного цвета, и на подошве толстый каучук...»? Правда, теперь в моде вороний цвет или грифовый. Но ты согласен?

— С чем?

— Ты отдаёшь ему диссертацию и забываешь о её существовании, а он тебе — двадцать косарей.

— Как-то неожиданно.

— Понимаю. Ты можешь оставить её в семейном архиве или положить в гроб жены. Или она в твой положит, если переживёт тебя.

— Но мне двадцати не хватит.

— Ничего не поделаешь, остальное придётся в других местах искать, но это очень хорошая цена. Я с четвертака торговаться начал, но такого не проведёшь, ушлый, гад.

— Подумать бы.

— Ты ещё скажи, что с женой посоветоваться надо и с юристом.

— Когда отдавать?

— Сейчас, а завтра вечером будут деньги, если он не передумает.

Владимир Иванович прошёл в комнату и достал из стола красные папки. Все четыре экземпляра.

— Пакет дай, чтобы до машины донести. И учти, что я за посредничество не беру по старой дружбе,— он покачал папки на руке и вздохнул.— Тяжёлая. Мне бы свою кому бы продать, да кому она, засвеченная, нужна?

— Спасибо. Я, кстати, договорился на завтра с букинистом.

— На сколько?

— Первая половина дня.

— Жаль, что не смогу подскочить, весь день занят. А передвинуть на вечер нельзя?

— Они уже с машиной будут.

— Обдерут тебя как липку. Хотя книги уже перестали быть товаром. Их надо было раньше реализовать. Помнишь, как я красиво избавился?

— Помню.

— Даже потрёпанные по два номинала ушли. Рынок надо чувствовать. Ну ладно, до завтра.

Прибежал, взбудоражил, обнадёжил и убежал.

Владимир Иванович задвинул ящик стола, в котором лежали папки, потом снова выдвинул, заглянул в него и возвратил в прежнее положение. Пустой ящик вошёл без усилия. Была диссертация — и не стало. И как будто не было никогда. А сколько крови она перепортила, сколько нервов вытянула.

Первым о защите заговорил Игорь: чего, мол, время терять, другие делают, а мы что — тупее их, прорвёмся, а там, глядишь, и стабильная законная прибавка к жалованию, и необременительные приработки, в любой вуз почасовиком с руками и ногами не побрезгуют. Игорь упоённо рисовал светлое будущее, а он слушал и посмеивался. Других, может, и не тупее, но какой из Игоря учёный? Все его извилины выгнуты в противоположную от науки сторону. Насчёт собственных способностей он тоже не заблуждался, но когда рассказал жене об очередном авантюрном проекте приятеля, его ирония наткнулась на неожиданную серьёзность. Неглупая и в общем-то холодноватая женщина впала в романтический пафос. Честолюбивые нотки всегда проскакивали в её рассуждениях, всегда хотелось иметь то, чего нет у подруг и соседок, причём иметь не случайно найденное или, не дай Бог, украденное, а добытое честным трудом. Премия, полученная за принятую и внедрённую разработку, значила для неё намного больше, чем деньги, заработанные по вечерам на строительной шабашке, вне зависимости от суммы. Она без оговорок встала на сторону Игоря, хотя всегда недолюбливала его, а может, и презирала, считая суетным и недалёким. Мнение не изменила, а идею одобрила. Загорелась женщина. Благословила на подвиг и пообещала всяческое содействие.

И началась подготовка к сдаче кандидатского минимума, мучительное написание статей для отраслевых журналов, потом проталкивание их в печать. Без навыков и, главное, без особого желания трудно добиться заметных результатов. День за днём тупо топтался на месте. Стесняясь новой роли, ругая себя за слабость характера, он несколько раз порывался бросить безнадёжное дело и бросил бы, если бы не напористость компаньона и настойчивое давление жены. Но постепенно втянулся и вошёл во вкус, даже честолюбие появилось. Если Игорь старался сляпать диссертацию побыстрее и основные силы тратил на поиски коротких и надёжных путей к защите, ему хотелось сотворить нечто действительно стоящее, разумеется, в силу своих возможностей. Искал, проверял, переделывал. Первые

три года у них был общий руководитель. Игорь быстро наладил с ним тёплые, чуть ли сыновние отношения, а он ходил в пасынках. Прохладность была взаимной. Он зачастую сомневался в подсказках и указаниях шефа, спорил, пытался доказать свою правоту. Шефа молодое упрямство раздражало. Игорь как мог урезонивал неслуха, напоминал, что плетью обуха не перешибёшь. А потом вдруг сам взбунтовался на ровном месте, спровоцировал пустяковую ссору и заявил, что уходит, чем крайне обескуражил руководителя. Подвёл старика, он его холил и лелеял, тратил на него драгоценное время, надеялся воспитать преемника, а тот, неблагодарный, упорхнул, не успев опереться. Учитель жаловался, а ученик благополучно приземлился на заранее подготовленной площадке, под крылышком у авторитетного столичного светила. Банальнейшая история. Но ещё банальнее оказалась подготовка к перемене места. Он отказывался верить, когда Игорь по секрету признался ему, что поделился с будущим боссом горячей обладательницей спортивной фигуры. И этого хватило? Не слишком ли опереточно? Трудно поверить. Но с другой стороны, чем ещё Игорь мог заслужить высокую благосклонность? Явно не выдающимися способностями. И денег на достойную взятку у него не было. Сам пристроился и пообещал похлопотать за товарища, но предложение прозвучало слишком неуверенно, скороговоркой, не требующей ответа. Он промолчал, а уже потом задал себе вопрос: если бы Игорь настоял и надо было решать — как бы он поступил? Но задним числом очень легко проявлять и верность, и благородство, и даже безрассудную смелость.

Игорь целый год постоянно летал в Москву, возил осетрину, медвежью желчь, облепиховое масло, золотой корень, кедровые орехи и благополучно защитился.

А он примирился с руководителем, жена купила машинку «Эрику», три раза перепечатывала диссертацию, не считая отдельных страниц с опечатками. Когда многострадальный труд был наконец-то завершён, оказалось, что за попытку защититься надо платить деньги, которых в семье не было, а следом и звание кандидата технических наук потеряло даже моральный вес.

Владимир Иванович вытащил из темнущки пылесос, нашёл удлинитель, чтобы достать до самых верхних полок, но хватило его минут на десять, не больше. Завывающий звук слишком напоминал вой брошенного на привязи пса. Уговорил себя отложить неприятную работу на утро и выдернул вилку из розетки

Работающий пылесос заглушил дверной звонок, и Владимир Иванович не сразу услышал, что явился букинист. Открыл дверь и узнал. Имени его он не помнил, а может, и не слышал никогда, но улыбка застряла в памяти — широкая, крепкозубая, не сходящая с лица, даже когда ругался. Впервые он увидел букиниста, тогда ещё молодого

книголюба, в магазине с полками книгообмена. Два книголюбца, мужчина и женщина, одетые в дублёнки, дефицитные по тем временам, торговались возле окна. Дублёнка на женщине была достаточно опрятная, а на нём — засаленная, видимо, купленная с рук. Мужчина был напорист, а она — из разряда хищных дамочек, любящих прикидываться простушками. Владимир Иванович из любопытства задержался рядом и ухватил обрывок разговора. Торг шёл о томах «серого» и «голубого» Чехова, потому и запомнился. Потом несколько раз видел его на книжной барахолке, всегда в модной, но неряшливой одежде и с замороженной улыбкой, похожей на оскал.

Сколько лет прошло, а зубы по-прежнему белые и крепкие. И профиль занятий не сменил. Даже карьерку сделал, из рядового спекулянта выбился в директора, грузчика при себе содержит.

— Ну и что у нас ценного? Показываем.

Начал с порога, не церемонясь, уверенный, что клиенту нужны деньги, поэтому никуда не денется. Бегло глянул на шкаф, забитый собраниями сочинений, и повернулся к хозяину, усталый и якобы разочарованный, хотя наверняка знал, что собиратель библиотеки понимает и без его брезгливого взгляда, что когда-то модный товар перележал своё золотое время, но надо было не только сбить цену — показать превосходство.

— Раритетов нет?

— Каких?

— Раритетом называется редкая книга.

— Я знаю.

— Тогда почему спрашиваете? Меня интересуют дореволюционные издания или хотя бы довоенные.

— Таких нет.

— Сочувствую, за них бы я хорошо заплатил.

Он подошёл вплотную к стеллажу, вздохнул подчёркнуто разочарованно и провёл пальцами по корешкам. Плотно набитые на полках книги стояли неподвижно, словно держали оборону. Букинист потянул на себя одну из них и надорвал верх корешка.

— Аккуратнее, пожалуйста! — не сдержался Владимир Иванович.

— Нечего было так запрессовывать, — в голосе ни нотки вины. — Коли так вышло, я её беру, — и небрежно бросил на пол.

Дальше повёл пальцем вдоль полки, бормоча:

— Чушь, чушь, чушь...

Томик Бабеля вытащил довольно-таки бережно, заглянул в оглавление.

— Кемеровская? Московская была полнее, но и это сойдёт. А «Мелкого беса», случайно, нет? Его тоже в Кемерово издавали.

— Случайно, есть.

— Что-то не вижу.

- Выше смотрите, сейчас табуретку принесу,— сходил на кухню и поставил к его ногам.
- Нет уж, сам, а то снова претензии возникнут.
- Владимир Иванович, не спускаясь с табурета, протянул ему книгу.
- Ага, с библиотечным штампом! Приворовывал?
- Не обязательно. Можно было выменять на модный роман или детектив.
- Да, в те годы они были в цене. Зато сейчас наиздавали, как грязи. Кстати, опять же о том времени: библиофилы поговаривали, что если в личной библиотеке обнаружат книгу со штампами, конфискуют всю библиотеку.
- Слышал, но сомневаюсь, что у кого-то конфисковали.
- А я знал двух пострадавших. Пугливая интеллигенция подчищала штампы бритвочкой или наивно выдирала семнадцатую страницу, надеясь, что проверяющие глупее их.
- Можно было изолентой.
- Интересно, это как?
- Наклеиваешь на штамп, потом аккуратно сдираешь.
- И уходит?
- В зависимости от качества бумаги.
- Век живи — век учись. А там, на верхней полке, зелёный, случайно, не Леонид Андреев?
- Он, пятьдесят седьмого года, в оттепель издали. Тогда много интересного появилось.
- В курсе. А рядом кто?
- Аксёнов.
- Ещё до отъезда в Штаты? Возьму.
- У меня и Гладилин с Анатолием Кузнецовым имеются.
- Нет, этих уже забыли. К тому же там махровый соцреализм. Вообще, не понимаю, чего им в России не жилось, всё у них было, как сыр в масле катались.
- Но из библиотек после бегства изъяли.
- Ладно, уговорил, может, найдутся ключющие на эмигрантскую экзотику.
- Голос, в котором зазвучали доверительные ностальгические нотки, снова обрёл деловую твёрдость.
- Не пойдёт, балласт, макулатура.
- Разобрался с русскими книгами, сместился к переводным. Бросал к ногам всю японскую и американскую прозу, из немцев и французов выбрал меньше трёх десятков. Отбраковывал, почти не комментируя. Когда потянулся к полке с «Большой библиотекой поэта», Владимир Иванович предупредил:
- Это остаётся дома.
- Не понял?! — оглянулся и смерил удивлённым взглядом.
- Любимые книги жены, всю жизнь собирала.

— Ценная серия была. Хотя и мусора хватало. А здесь Анненского вижу, Андрея Белого, Марину Ивановну...

— Прошу прощения, но...

— А если поторговаться?

— Исключено.

— Хозяин — барин. Тогда будем подбивать бабки. Есть два варианта. Первый: я сажусь за стол, беру ведомость и каллиграфическим почерком переписываю всё, что отобрал, — надеюсь, за пару часов управимся. Второй: считаем и складываем в сумки. По десятке штука.

— По десятке? Всего-навсего? Это же два автобусных билета.

— Зато деньги прямо сейчас. Или будете полгода ездить ко мне в магазин и получать по частям. На автобусы разоритесь. А потом ещё и неликвиды вывозить на собственном горбу. Рюкзачок, надеюсь, имеется?

— Турист, но в далёком прошлом.

— Всю жизнь завидовал туристам. Чистый воздух, пейзажи, рассветы, закаты, искры над ночным костром.

— Но это грабёж.

— Бизнес, уважаемый, обыкновенный бизнес.

— Некоторые из них покупал за два, а то и за три номинала.

— Хорошо помню тот период. Можете ждать до следующего книжного бума. Авось и цены взлетят. Лично я не против. Но сомневаюсь, что доживу.

— Жена ночами в очереди стояла, чтобы подписаться на Достоевского.

— Я не стоял, но охотно верю. Только из уважения к вашей интеллигентной жене подписные возьму по двадцатке за том, а «Литпамятники» — по тридцатке, — он сделал паузу и добавил: — При условии, что отдадите пяток книг из «Библиотеки поэта».

Владимир Иванович видел, что над ним издеваются. Надо было плюнуть в рожу и гнать из дома пинками, а потом ещё и с лестницы спустить, но директор магазина беспечно улыбался, не усматривая во взгляде хозяина ничего угрожающего.

— Ну что, начинаем считать или расходимся?

— Читайте, — выдохнул Владимир Иванович и присел на табурет.

— Константин, — букинист повернулся к скучающему помощнику, — складывай подписные и неси в машину, а на обратном пути резервные сумки не забудь.

Увезли книги. Опустевший шкаф выглядел довольно-таки безобидно. Спрятал пустоту за стеклянными дверцами и скромненько ждал в своём углу. А смотреть на разграбленный стеллаж было больно. Казалось, что голые полки стонут от стыда. Доски, выкрашенные раствором марганцовки, потому что не смог достать морилки, были плохо проструганы и посерели от въевшейся пыли. Стараясь не смотреть на запущенные обои, Владимир Иванович расставил забракованные

букинистом книги, чтобы пустоты не бросались в глаза, но замаскировать убогость всё равно не удалось. Раздражающий запах пыли с примесью плесени вгонял в тоску. Первый раз он чихнул без желания, чуть ли не умышленно, а потом уже не мог остановиться: третий, четвёртый, седьмой — до слёз. Прочихался и, называя себя по имени-отчеству, пожелал себе здоровья. Не оглядываясь на сиротскую стену, отступил на кухню, а там придумал, что надо в ближайшее время убрать один пролёт и заполнить оставшиеся пустоты какими-нибудь безделушками. Возвратился в комнату и решил, что напрашивается демонтаж половины стеллажа, а если заменить обои, то визит букиниста выветрится намного быстрее.

Вспомнил, как оживился книжный жучок при упоминании о библиотечных штампах; скорее всего, тащил всё, что имело цену. Большим грехом это не считалось даже у порядочных людей. Да и сам он слукавил, рассказывая о «Мелком бесе». Книгу он не выменял. Для разведки, в качестве отвлекающего манёвра, попросил у библиотекарши сборник Василия Белова в обмен на Юлиана Семёнова. Если мерить по спекулянтскому курсу, то предлагал намного больше, чем просил. Но наткнулся на возмущение: у них, мол, не магазин, и настоящую литературу на макулатуру не меняют. И пришлось пристраивать «Мелкого беса» на спину под ремень. О нём он даже не заикнулся, чтобы потом, если вдруг хватятся, не появилось подозрений. Оправдывал себя тем, что выбора не оставили. Запомнилось лицо библиотекарши, довольно-таки симпатичное для начитанной дамы. И вырез на кофточке был завлекательно откровенен, а Юлиана Семёнова почему-то не уважала.

Книжка была не зачитана. Сологуба в школе не изучали, и мало кто знал о нём. Но нашлась-таки заинтересованная читательница. Роман настолько возмутил её, что не удержалась, оставила комментарии на полях библиотечной книги: «Свиньи, негодяй, подонок...» — и на последней странице окончательная оценка: «Мерзость». Однако почерк, даже в возбуждённом состоянии, оставался каллиграфическим. Владимир Иванович пытался представить эту темпераментную особу — судя по чернилам, из шестидесятых годов. И почти не сомневался, что откровения выплеснула одинокая старая дева из учительниц. Но больше всего в этой воровской истории запомнилось, как радовалась жена, когда он вернулся из командировки с книгой, о которой она мечтала.

А теперь перед глазами — пустые грязные полки и пять тысяч рублей на столе, точнее, четыре тысячи восемьсот сорок два рубля.

Игорь появился около семи вечера. Начал с унылых извинений, что не позвонил, оправдывался, что не мог найти укромного телефона, но не выдержал и крикнул:

— Доставай пузырь, будем обмывать сделку!

— Неужели договорился?

— Более того, деньги привёз.

— Прекрасно! Бегу в магазин.

— Не надо, я подозревал, что у тебя сухо и, на всякую случку, прихватил. Я без руля и свободен, как ветер.

Он достал из сумки бутылку и только потом, словно спохватившись, деньги.

— На, пересчитай, должно быть двадцать. Снова пытался торговаться, но этих ребят не прошибёшь и не объедешь. Извини.

— Какие могут быть извинения? Я, кстати, только что продал библиотеку. Можешь поздравить.

— И сколько выручил.

— Почти пять.

— Продешевил. Но, исходя из реальной ситуации, не так и плохо. Всё надо делать вовремя, я уже говорил тебе.

— Спекулянт то же самое сказал.

— Ничего удивительного. Каково предложение, таков и ответ. Давай сочини закусить, голодный, как дикая собака динго. А я гляну на стеллаж — любопытно, какой товар теперь в ходу.

— Картошку жарить?

— Не надо. Глазунью, сало и фрукты, типа солёных огурцов.

Початая банка с огурцами успела подёрнуться плесенью. Радуюсь, что гость в другой комнате, он снял верхний слой, выбросил в мусорное ведро и прикрыл обрывком газеты. Яиц в холодильнике нашлось всего три штуки, но сала оставался добротный шмат. Жена в последнее время его не ела, но для него продолжала покупать на базаре свежее, умела выбрать и засолить. Она никогда не заморачивалась изысканными блюдами, зато будничная пища получалась и сытной, и вкусной. Пока Владимир Иванович резал сало, Игорь учуял чесночный дух и явился, не дожидаясь приглашения.

— За что поднимем первый тост — за диссертацию или за библиотеку? Какая потеря больнее?

— Не знаю, даже сравнивать не пытался.

— Кокетничаешь. Можно понять. А я, когда свою распродал, глянул на пустой стеллаж, и такая тоска взяла, так захотелось напиться, но было нельзя, утром ехал покупать машину. Я и трезвый-то не совсем уверенно чувствовал себя за рулём, а с похмелья... Боялся разбить заработанную кровь, чуть ли не в прямом смысле.

— Я тоже смотрел на пустые полки, только у меня несколько другая ситуация.

— Понимаю. Только у тебя хоть что-то осталось, а я подчистую загнал. Всё продал. И покупали. И переплачивали. Интересные были времена. Загадочные. Сейчас, к примеру, я понимаю, что хочет то или иное физическое лицо. В принципе, все хотят одного, разница лишь в количестве. А тогда?! Зачем какой-то Марье Алексевне покупать книги,

которые она не читает? А она покупает. Даже переплачивает. Собирает макулатуру, чтобы за двадцать килограмм получить талон на том Дюмы. Зачем он тётеньке, далеко ушедшей из романтического возраста?

Владимир Иванович согласно кивнул. Болтовня Игоря вроде и отвлекала от мыслей о болезни жены, непонятном диагнозе, недоговаривающем докторе, но мысли эти наваливались на него, и становилось невыносимо слушать про какую-то абстрактную Марью Алексевну, становилось стыдно за себя, что слушает, вместо того чтобы выпроводить гостя и остаться наедине со своей бедой, попробовать уговорить её отступить. Но слушать приятеля было намного легче. — Теперь давай диссертацию помянем.

— Да что её поминать?

— Не скажи. Пойми меня правильно. Не подумай, что цену себе набиваю, но сделку надо признать удачной.

— Согласен. И своевременной.

— Вот именно. С книгами я, допустим, угадал, прочувствовал конъюнктуру рынка, а с диссертацией, получается, пролетел. Суетился, унижался. А в итоге? Лежит у меня ксива, что я кандидат наук, но какой с неё прок? Где дивиденды?

— Так откуда бы знать, куда мы повернём и что за поворотом?

— Получается, что я — жертва перестройки.

— Преуспевающая жертва.

— Не так чтобы очень, но это уже другой вопрос. Обидно, что не успел попользоваться благами и положением в обществе. Это всё равно что получить дворянский титул перед революцией.

— Дворян после семнадцатого года всё-таки преследовали, а вас, так называемых учёных, травить не собираются.

— Сдаюсь, преувеличил в полемическом задоре, но ты верно заметил: «так называемых». Я знаю своё место в науке. Его там нет и быть не должно. Только я не один такой трезвый. Самые сообразительные из «так называемых» сразу кинулись в политику, прочувствовали, где пахнет рябчиками с ананасами. Вспомни первых депутатов, сколько было среди них «остепенённых». Я тоже примерялся, прикидывал хвост к носу, выискивал щель, в которую можно протиснуться, и понял, что не подхожу. Дело не в совести, с ней бы я как-нибудь договорился по-свойски. Всё-таки не я ей подчиняюсь, а она мне. Смог бы молоть с трибуны любые обещания не хуже какого-нибудь Егора Тимуровича.

— Так он вроде больше ругал.

— Да какая разница? Дело в другом: внешность у меня неподходящая.

— До Немцова, конечно, не тянешь, но по сравнению с Гайдаром ты красавец.

— Я не об этом. Можно быть косноязычным горбуном. Главное — уметь брызгать слюной. Одни это делают зажигательно, другие — неопратно.

Я не умею. Я слишком смешлив, а политик должен быть серьёзен и монументален, даже если он карлик.

— Бонапарт, Ленин, Джугашвили?

— И на районном уровне тоже. Моё место в купеческом собрании, там бы я сошёл за своего.

— А меня бы и там заклевали.

— Правильно, потому что ты ремесленник, в самом хорошем смысле этого слова. Ты и в науке смог бы что-нибудь сделать, пусть не великое, но вполне достойное, потому и защититься вовремя не смог. Потому и смогли мы выгодно продать твою работу, а от моей — никакого проку. Вот за это и выпьем.

— Сколько нервов и времени потрачено.

— Жалеешь?

— Наверное, должен, но пока не понял.

— Не знаю как ты, но я отлично понимал, что гоню туфту, но тоже переживал, нервничал, очень хотелось получить звание. Хотя уже в то время над кандидатами потешались все сатирики не меньше, чем над слесарями-сантехниками.

— Как теперь над депутатами.

— Нет, депутатов чихвостят намного злее. Так и поделом, при их-то зарплате.

— Если честно, мне сейчас не до них.

— И мне тоже. Извини, друг, могу я попросить тебя о помощи?

— Зачем спрашивать? Ты же мне помог.

— Брось ты. Я о другом. Понимаешь, замотался сегодня, нужен расслабон. Не мог бы ты погулять полтора часа, а я девушку приглашу? Погода хорошая, проветришься, целый день дома сидел, пыль глотал. Заодно и свежую бутылку возьмёшь.

Он достал из сумки газету и кивнул на телефон, вроде как попросил разрешения, чего за ним раньше не водилось. Владимир Иванович поднялся, чтобы не мешать разговору, и не удивился, оказавшись перед стеллажом. «Преступника всегда тянет на место преступления,— с издёвкой подумал он и выдавил из себя натужный смешок.— Опаснейший преступник». Достал с полки записки Екатерины Дашковой. Все мемуарные книги букинист забрал, а эту оставил, потерял навар, а он недосчитался двадцати рублей.

— Ты куда пропал? — крикнул Игорь.

— Стеллажом люблюсь.

— Грустную думу наводит стеллаж. Что-то теряем, а что-то находим. Ничего не поделаешь. А моя девушка прибывает через пятнадцать минут.

— Я в темпе одеваюсь.

— Не суетись. У нас ещё в запасе, как в песенке про космонавтов. Но возникла другая проблема. Цены поднялись, и у меня не хватает сотни. Выручи, я завтра отдам.

— Да какой разговор, почему отдам?..

— Деньги у меня есть, но американские, а это слишком жирно, потому что сдачи с них, так же как с твоих докторов, не потребуешь. И тысячи свои со стола убери, чтобы потом недоразумений не возникло.

Вынужденная прогулка оказалась весьма кстати. Организму действительно не хватало свежего воздуха. Недалеко от дома был детский бульварчик с лестницами, горками и качелями, успевший к вечеру опустеть. Тишина и монотонное покачивание успокаивало. Он даже глаза прикрыл. Лёгкая благостная полудрёма — и никаких дум о книгах и диссертации, всё это осталось дома. Когда почувствовал, что стал замерзать, поднялся и, умышленно удлиняя путь, пошёл в магазин. Без раздражения переждал, пока привередливая старуха выберет дешёвую колбасу, и возвращался домой уверенный, что Игорь успел проводить девицу. Дверь была не заперта, вошёл и уперся глазами в обнажённую брюнетку. Она стояла спиной к нему и разговаривала по телефону. Естественный порыв воспитанного мужчины подталкивал шагнуть назад и захлопнуть дверь, а естественный порыв ещё не одряхлевшего мужчины удерживал на месте. Глаза самовольно ласкали густые кудрявые волосы, рассыпанные по плечам, тонкую талию и круглые ягодички, на одной из них он успел заметить аккуратный овальный синячок. Услышав скрип двери, она опустила руку с телефоном и повернулась к нему, словно продляя праздник его глазам. Появление нежданного гостя её ничуть не смутило, разве что немного озадачило. Дала себя рассмотреть, а потом всё-таки вскрикнула: — Володя!

Владимир Иванович опешил, в голосе девушки ему послышалась интонация узнавания. Но с какой стати? Он её видел впервые, запомнить не мог, такие красотишки не забываются. Может, она его с кем-то спутала?

На её вскрик из кухни выбежал Игорь. Без трусов. С волосатым животом. Голый, начинающий жиреть мужик был жалок и нелеп. — Это ещё кто?

— Не волнуйся, законный хозяин квартиры.

— Вас двое, что ли?

— Говорю тебе, не волнуйся. Ему сейчас не до этого.

— Мне-то какая разница. Продлять будете? — но обращалась не к Игорю, а к Владимиру Ивановичу, забавляясь его смущением.

Он потянулся к дверной ручке, но Игорь замахал рукой, указывая на кухню:

— Она уже уходит.

— Значит, одеваюсь? — сказала с некоторым вызовом, стоя перед Владимиром Ивановичем, не стесняясь наготы.

Но он уже совладал с жадностью. Отвёл взгляд, но всё-таки отметил, что лобок у неё выбрит. Не снимая куртки, прошёл на кухню,

выставил на стол бутылку и плюхнулся в кресло. Игорь остался с девушкой. Собралась она быстро. Он слышал, как открылась и долго не закрывалась дверь, понял, что Игорь стоит у порога и поджидает прихода лифта. Вернулся он уже в брюках и в рубашке.

— Чего сидишь? Наливай.

Дождался, когда он откроет бутылку, подставил рюмку и, словно спохватившись, спросил:

— Может, не надо было отпускать её и переоформить на тебя?

— В смысле?

— В прямом. Признайся, что хороша Кристина.

— Да, красивая,— буркнул он и почувствовал, что краснеет.

— А ты ей понравился.

— С чего ты взял?

— Видел, как смотрела и улыбалась весьма призывно.

— Чуть городишь. Ты лучше скажи, почему она Володей меня назвала?

— Да пока знакомились, я твоим именем представился. Нечаянно с языка сорвалось. Всё, пора домой, чтобы супружница лишних вопросов не задавала.

Владимир Иванович кивнул на почти полную бутылку.

— Подожди, чуть не забыл. Ты книжку Монтеня тоже букинисту сплавил?

— Попалась под руку, и в запарке отдал, не подумав.

— Можно считать — в зачёт долга, но я о другом. Представляешь, кувыркаюсь в постели с красивой бабой, а в голову приходит лит-памятник. Вот они, плоды просвещения. Ладно, давай граммულку на посошок — и разбегаемся.

Доктор увидел пакет апельсинов в его руках и, не ответив на приветствие, огорошил нотацией:

— С ума посходили, грамотные вроде люди, а тащат в больницу чёрт-те что! С чего вы решили, что эти сомнительные фрукты можно предлагать больной?

— Так витамины...

— Какие витамины? — закричал доктор. — Торгаши нашпигуют их чёрт-те чем, и всё лечение псу под хвост. У вас что, медицинское образование, чтобы решать, чем кормить больную?

— Техническое.

— Вот и лечите свою технику. Мы с диагнозом не можем определиться, а вы хотите апельсинами все проблемы снять. Требуются дополнительные анализы, — раздражённо выговорил доктор и резко замолчал.

Владимир Иванович покорно выслушивал неожиданные и потому вдвойне обидные обвинения. Он специально выходил за остановку до больницы, чтобы купить эти целебные цитрусовые, обошёл три магазина, выбирал непобитые, чтобы они больному человеку глаз радовали. Старался и получил за старания. Когда доктор замолчал,

осмелился поднять голову и натолкнулся на вопросительный взгляд. Спohватившись, торопливо достал деньги и положил на стол. Доктор лениво посмотрел на них и небрежно опустил в карман, ничего не сказав.

— К ней можно пройти?

— Можно. Только если спит, не будите. И апельсины ни в коем случае. Загадала ваша супруга загадку, голову сломать можно. Боюсь, что этими лекарствами не обойдёмся. Впрочем, не будем забегать вперёд, новые анализы покажут,— первоначальная агрессия начисто исчезла из голоса.

Владимир Иванович на всякий случай извинился. Доктор молча кивнул и положил перед собой стопку карточек.

Жена лежала с закрытыми глазами, но сразу поняла, что пришёл именно он.

— Присаживайся на краешек.

— Ну как ты?

— Неважно. К боли притерпелась, но слабость не нравится, до столовой еле доплелась, шатает. К доктору заходил?

— За апельсины отругал, нельзя, говорит.

— А деньги?

— Отдал, всё нормально,— и поспешил объяснить: — Авантюру с Игорем провернули.

— Надеюсь, не посадят,— вымученная улыбка не оживила лица, оно оставалось серым и неподвижным.

— Ничего противозаконного, потом расскажу во всех подробностях.

— Жалко, что апельсины нельзя.

Сказала без намёка на сожаление. И о добывании денег не стала допытываться, даже это ей стало неинтересно или не было сил говорить. Вероятнее всего, одно накладывалось на другое. Когда она прикрыла глаза, Владимир Иванович еле удерживал себя, чтобы не отвернуться: некрасивая, постаревшая, чужая до неузнаваемости,— и всё-таки продолжал смотреть на неё, боялся обидеть.

— Ты иди, а я поплюю немного.

И он с облегчением встал.

Водка, недопитая с Игорем, стояла на столе. Даже в холодильник забыл убрать. Положил рядом с ней пакет с апельсинами. Посмотрел на странноватый натюрморт и покачал головой: не сочетались эти яркие дары юга со знаменитым русским напитком. Вспомнил напористую нотацию доктора, и рука машинально потянулась к бутылке. Рюмка налилась со «стогом», даже через края побежало. Закусывать апельсином не стал, запил холодным чаем прямо из носика заварника. Раздражённый голос доктора не переставал напоминать о больнице. Ну принёс человек апельсины, так не наркотики же! Не тянут они на серьёзное нарушение, недостойны они истерического крика. И ему

подумалось: а не было ли это психологической атакой перед тем, как взять деньги? Версия показалась Владимиру Ивановичу весьма правдоподобной и даже понравилась ему своей простотой, объяснила и успокоила. Денег было не жалко. Воевать с поборами в его ситуации рискованно и нелепо. Правила устанавливал не его врач, а вся система, создавшая неразбериху, чтобы выгодно использовать её в своих целях. Деньги можно простить, лишь бы только помогло. Наволочка на больничной подушке была зеленоватого цвета, и на её фоне лицо жены казалось совсем измученным. Он помнил, что перед уходом жена помыла голову, а волосы уже слиплись. Облик жены мелькнул и торопливо исчез. Или сам он убрал его, как убирают с видного места фотографию, смотреть на которую не только неприятно, но и больно. Куда приятнее любоваться вчерашней гостьей Кристиной. Даже если захочешь убрать её портрет, он вернётся сам, не спрашивая разрешения, выставив напоказ и яркие губы, и родинку между грудей, и акkuratный синячок на крутом бедре.

Владимир Иванович первый раз в жизни отметил, что никогда не видел обнажённую жену. Руки хорошо знали её тело, а глазам оно было недоступно. Жена не то чтобы стыдилась его, да и нечего было стыдиться, всё было при ней, но она считала, что выставлять наготу неприлично. Даже спину, когда принимала ванну, не звала потереть. А к нему, когда просил, приходила и тёрла, но без вольностей. Всё оставляла для спальни с выключенным светом.

Владимир Иванович налил ещё одну рюмку. Яркие апельсины снова напомнили о себе. Он достал из пакета самый маленький и даже почистил, но закусывать им не стал. Праздничный фрукт намекал на другую компанию. Догадка явилась незамедлительно и очень смутила Владимира Ивановича своей бесхитростной простотой. Смутила, но не испугала. Измотанному нервоотрёткой последних дней, ему было лень прислушиваться к себе и к своим желаниям, не было сил сортировать или оценивать их. Взбрела в уставшую и не совсем трезвую голову неожиданная блажь, и он безропотно подчинился. Словно Игорь рассказал интересное кино, которое захотелось посмотреть самому.

Ночные встречи с женой с начала её болезни прекратились, и всё-таки желание созерцать было сильнее желания обладать.

Газету с номерами телефонов Игорь оставил на столике, это он заметил ещё вечером, однако номеров было на полстраницы. Оставалось гадать, иного выхода в голову не приходило. Владимир Иванович закрыл глаза и ткнул пальцем. Выпавший номер не понравился обилием нулей, но рядом с ним рассмотрел вмятину, прочерченную ногтем, и это обнадежило, что он на верном пути. Ему ответила женщина явно не юного возраста, и, застеснявшись, он спросил, зачем-то изменив голос:

— Мне бы Кристину позвать.

— Адрес?

— Я не знаю адреса.

— Ваш адрес?

Он продиктовал, но для надёжности решил на просьбу:

— А к телефону её можно?

— Её здесь нет, но я свяжусь, и через полчаса она приедет.

Всё оказалось обыденно просто. Даже вызов слесаря-сантехника требовал более длительных переговоров, а порой и дипломатии, а здесь хватило десяти дежурных слов. Владимир Иванович прошёл на кухню, вытер стол, почистил апельсины и разложил их на тарелку. В холодильнике, кроме сала и шей, приготовленных женой перед уходом в больницу, ничего не было. Щи напомнили о жене и болезни, но безотносительно к ожиданию гостя. Никаких посягательств на совесть. И жена, и Кристина — две разные реальности.

Да и он в этих реальностях разный. Владимир Иванович ни разу не изменял жене, она была первой и единственной женщиной. Ему казалось, что знает её с рождения. Период знакомства и ухаживания стёрся в памяти, оставив уютную версию, по которой они, проснувшись однажды в общей постели, посмотрели друг на друга и решили, что по-другому и быть не могло. Слово «любовь» отсутствовало в их разговорах, но он не мыслил себя отдельно от неё. Она воспринималась посланницей судьбы, единственной, как мать. Даже в периоды затяжных размолвок и недовольств ощущение неотделимости не пропадало. Нельзя же иметь двух матерей.

Вместо ожидаемой Кристины явились две незнакомые женщины. Высокая, с курносим лицом, одетая в чёрную спортивную куртку и чёрную вязаную шапочку, встала перед Владимиром Ивановичем, заслоняя напарницу своей мощью.

— А где Кристина?

— Я Кристина, — гордо заявила вторая девица и шагнула из-за спины спортсменки.

— А вы кто? — спросил он у высокой.

— А я Жека, — весело и немного насмешливо ответила она. — Зашла проводить скромную девушку и посмотреть, нет ли в квартире лишних людей. Случаются иногда и скелеты в шкафах, и трупы на кроватях.

Вроде и пошутила, но всё-таки заглянула в комнату и на кухню.

— Но я приглашал другую Кристину.

— Прошу прощенья, она в единственном экземпляре.

— И что же делать?

— Снять штаны и бегать, — хохотнула Жека. — Короче, давай денежку и наслаждайся. Ты заказывал, я доставила. Время — деньги, бензин дорогой.

Подменённая Кристина заученно улыбалась, словно речь шла о ком-то другом. Шубка на ней была распахнута, глубокий вырез на кофточке подсказывал, что проблем с клиентами у неё не бывает.

Владимир Иванович достал из нагрудного кармана рубашки заранее приготовленные деньги. Их забрала Жека.

— В вашем распоряжении ровно шестьдесят минут. Кстати, я там книги видела. Можно что-нибудь взять?

— Берите,— сказал, удивляясь непонятной лёгкости прощания с книгой, и радостно добавил: — Любую.

Кристина изящно выбралась из шубы, сама повесила её на вешалку и стала снимать сапоги, демонстрируя литые бёдра, тяжеловатые для хрупкого тела. Он был уверен, что замедленное разувание придумано в отместку ему за ожидание другой девушки. Разогнувшись, она невинно прощбетала:

— А туалет в этом доме имеется?

И этот вопрос ему показался намеренным. Он включил свет для неё и прошёл на кухню. Девушка не спешила. Он наполнил рюмки. Когда она прошла мыть руки, не удержался, выпил, но предательская водка попала не в то горло, он закашлялся, и девица застала его вытирающим слезы. Она постукала его по спине и промурлыкала, успокаивая: — Не переживай, всё будет хорошо.

— С чего ты решила, что я переживаю?

— Это к слову. Видишь, я улыбаюсь, и ты улыбайся. Надеюсь, и мне выпить можно?

— Конечно, можно, извини.

— А закурить?

— Пожалуйста.

— Все сто четыре удовольствия. А почему такой скромный? Первый раз, что ли?

Врать было глупо. Он застеснялся своей якобы целомудренности и, усмехнувшись, утвердительно кивнул. Она сама налила в его рюмку и, чмокнув воздух, пообещала:

— Сейчас выпьем и пойдём исправлять ошибки молодости. Мне прошлым летом попался мальчик, аттестат зрелости только что получил. Прыщавый, тоненький, но работал, как пулемёт. Кончает, а через пять минут снова лезет — сопит, рычит. Мне смешно стало, так он взъелся, зверёныш, по роже обещал врезать, если не перестану, и послушалась как миленькая, молодёжь крутая растёт.

Раздевалась она медленно, поддразнивая, разжигая жадность в его глазах, но Владимир Иванович оставался всего лишь зрителем, любопытствующим, но не более. Ни возбуждения, ни желания он не чувствовал.

Жена в таких ситуациях обходилась без прелюдий и заигрываний, ложилась в темноте под бок, крепко обнимала, и непонятно было, что скрывается за её объятиями: страсть, нежность или требовательность.

Оставшись совсем обнажённой, девица подошла к нему, прижалась и начала теснить к дивану. Сначала лежала на нём, потом рядом. Помогала руками, губами, в дежурных ласках появился неподдельный

азарт, он чувствовал, как участились толчки её сердца, но его любопытство не хотело перерасти в возбуждение.

—И давно с тобой такое?

—Последний раз было всё нормально, по первому требованию.

—С женой?

—Я же говорил, что никогда не изменял.

—Странно. Я наверняка моложе и аппетитнее. Посмотри, какая у меня попа.

—Впечатляет. Я сам удивляюсь, почему так, извини. Хотя, насколько я понимаю, для тебя это не обязательно, может, даже и лишнее?

—С одной стороны так, я своё честно заработала, но ты зацепил мою женскую гордость. Я привыкла, чтобы меня желали. Любой старик, дотронувшись до меня, пашет, как молодой жеребец, а ты ещё не старик.

Постельные тонкости Владимир Иванович не обсуждал даже в мужской компании, считал, что незачем выставлять на свет то, что происходит в темноте. Впрочем, и с женой он не выходил за язык жестов. Вопросы иногда возникали, но озвучить их он стеснялся, уверенный, что жене это не понравится.

Когда он зашёл в палату, жена спала. Продавленная больничная койка скрывала её тело: казалось, что под одеялом ничего нет, только голова на подушке. На полу валялась книга. Владимир Иванович поднял её — имя автора его крайне удивило. Раньше жена никогда не опускалась до Агаты Кристи и относилась к её читателям не просто брезгливо, но и воинственно. Книгу, видимо, взяла у соседки по палате. На койке слева лежала круглолицая розовощёкая женщина. Румянец её казался странным и неуместным, но мало ли как могут проявляться признаки болезни? Женщина повернула голову на его приветствие, но не ответила, занятая своей болью и страхом; не хотелось её беспокоить, но Владимир Иванович всё-таки спросил:

—Давно она спит?

—Не очень. Может, полчаса, может, меньше.

—Не буду будить, — сказал он женщине, словно оправдывался перед ней. Показывал, что не хочет нарушать сон, который для больного человека — дополнительное лекарство. Искал оправдания выдоху облегчения, желанию спрятаться, сбежать от поиска ободряющих слов.

И разговор с доктором отложил до следующего раза.

Иронизировать над собой проще, чем укорять себя, а главное — безопаснее. Лучший способ отгородиться от вопросов о больной жене и чужой женщине в её постели.

След от ногтя вывел на ложную Кристину, и с ней ничего не вышло. Случись подобный конфуз на свидании с нормальной женщиной, извёлся бы, места себе не находил, а тут ни паники, ни

стыда — непредвиденный казус, и не более. Владимир Иванович весь день прятался в иронию и плавно подготовил себя к решению повторить эксперимент, чтобы убедиться в собственной мужской состоятельности.

Вслепую выбранный номер снова не понравился, но на этот раз он приказал себе повиноваться жребию. И опять заказал Кристину. Когда открывал дверь, всё-таки надеялся на счастливый случай, но, увидев незнакомую девушку, не удивился и ничего не стал спрашивать у сопровождающего, да и пасмурный взгляд здорового мужика подсказывал, что ничего утешительного от него не добьёшься. Провожатый потоптался у порога, чавкая жвачкой, взял деньги, спрятал их во внутренний карман и ушёл.

— Что-то ваш поводёрь должностную инструкцию не выполняет.

— В каком смысле?

— Квартиру не осмотрел: может, у меня в шкафу ещё один желающий прячется.

— А ему до фени, хоть пятеро. Он даже к нам не пристаёт. Морда у него суровая, вот хозяйка и держит для острастки.

— Кого?

— Клиентов, конечно. И нас на всякий случай. Типа евнуха в гареме.

Только не похожа она была на обитательницу гарема. Скорее — на передовую колхозницу, ударницу труда или комсомолку-активистку. Красный платок повязать — и плакат рисовать можно: круглое лицо с распахнутыми глазами, крепко сбитое тело и, главное, деловитая уверенность в каждом жесте.

— А почему тебя так назвали?

— Как? — не поняла девица.

— Кристиной.

— Я откуда знаю? Наверное, в честь дочки Пугачихи. А тебе что, не нравится?

— А как тебя по-настоящему зовут? — весело спросил он, внезапно догадавшись, что у неё другое имя.

— Какая тебе разница? Зови как хочешь, я не обижусь. Хоть горшком, только в печку не ставь.

— Из деревни приехала?

— Чего привязался? Если тебе хочется деревенскую, считай, что из деревни.

— Что-то ты не очень разговорчивая, — её манера ничуть не раздражала Владимира Ивановича, но он готовился к другому.

— Так не для разговоров же на меня потратился.

— Весьма трезвое уточнение, за него непременно стоит выпить.

— А я на работе не пью.

— Прости, я и не подумал, что ты на работе.

— Напрасно остришь, каждый зарабатывает чем может. Главное — сколько. Пить не пью, а закусила бы с удовольствием. У тебя колбаса есть?

— Колбасе я не доверяю, туда всякую пакость гонят, — выкрутился он. — Глазунью могу предложить, яйца свежие, сегодня покупал.

— Давай глазунью, она быстро готовится, и делом заняться хватит времени, не беспокойся.

Владимир Иванович наблюдал, как тщательно вытирает она сковороду куском хлеба, и, вопреки всей этой обыденности, чувствовал, как растёт в нём нетерпеливое желание.

Предыдущую Кристину он провожал с облегчением, а эту захотелось оставить ещё на час.

Но не было денег.

Когда Игорь спросил о здоровье жены, он понимал, что это в лучшем случае дань вежливости, а следом прозвучит какая-нибудь просьба или предложение. При постоянном желании где-нибудь что-нибудь урвать он не стеснялся подключать знакомых, если от них была польза, но никогда не забывал поделиться добычей. Теперь ему понадобился рН-метр. Пускаться в подробности по телефону он не стал, просто сказал, что подъедет девушка и ей надо помочь с прибором, детали она растолкует при встрече.

Девушка оказалась молодежкой улыбочивой брюнеткой с ямочками на щеках, одетой в короткую дорожную шубку. Такси она не отпустила, поэтому объяснялась чётко и сжато, да и схема, предложенная Игорем, не требовала лишних слов: она оставляет испорченный рН-метр, а он отдаёт исправный, новый и с паспортом. От себя добавила, что прибор нужен срочно и до зарезу, а Игорёк гарантировал, что ей обязательно помогут.

Подвести старого товарища он не мог, сходил на склад и принёс новёхонький, ещё не распакованный. Брюнетка благодарно улыбнулась и достала из сумочки конверт без марки, но с деньгами.

И деньги эти появились очень кстати, потому что дома было пусто. И уже совсем произвольно он прикинул, сколько новых Кристин можно позвать на них.

Самым накатанным тактическим ходом Игоря было умение внушить напарнику, что авантюра затевается исключительно ради него, а сам Игорь в ней почти не заинтересован. Владимир Иванович давно просчитал эту маленькую хитрость, но получалось, что с прибора приятель не имел никакого прямого наvara. Бескорыстная помощь. Или почти бескорыстная, если не считать улыбочивую брюнетку с ямочками на щеках.

Вспомнил о предыдущей Кристине, с её забавной деловитостью и неподдельным энтузиазмом в постели, которую считала рабочим местом. Появилось искушение повторить встречу, но удержался, а уже потом нашёл объяснение, понял, какому зову он подчинился, на чём выросла его неожиданная тяга, понял, чего ему не хватало.

Прописную истину, что не мужчина выбирает женщину, а наоборот, он вычитал в ранней молодости, но никогда не примерял к себе. И благодаря этим случайным женщинам понял, что всю жизнь лишал себя возможности выбора. Прожил под диктовку жены, согласный с любым её советом, выполняющий любой её каприз. Случались и сомнения, и недовольства, но никогда не возникало желания бунта, потому что всегда воспринимал себя и её как нечто неделимое.

Даже вызывая очередную Кристину.

Потребовал обязательную возможность выбора и предупредил, что спустится к подъезду, не хотелось поднимать лишний шум на своей лестничной площадке.

Выбирать предстояло из четырёх, три из которых усиленно старались понравиться. Четвёртая стояла с безразличным лицом и рассматривала свою варежку на правой руке, которую почему-то забыла снять. Владимир Иванович сразу вспомнил знаменитое ахматовское стихотворение, в котором взволнованная дама на правую руку надела перчатку с левой руки. Но у этой красотишки ни намёка на волнение, а вместо перчатки — пёстренькая варежка. И дама явно не из благородных. А следом подоспел совсем уже каверзный вопросец: не прячется ли под варежкой протез? Владимиру Ивановичу стало весело, и он указал на неё.

Не только руки у девушки оказались на месте — ноги, грудь и прочие интересные части тела присутствовали в приятных пропорциях.

Спросил, давно ли она этим занимается.

— Со школьной скамьи, — ответила если не с гордостью, то явно без малейшего сожаления.

— Как? В школе на парте?

— Это я так выразилась. После девятого класса. Мамка в одиночку меня растила. Потом отчим появился. Жил у своей матери, а к нам ночевать приходил. Можно сказать, хахаль, а не отчим. Но и не совсем хахаль. По хозяйству помогал, продукты приносил, школьную форму один раз купил. Водкой не увлекался. Крепкий дядька. Плечи тяжёлые, ручищи волосатые. До него к мамке похаживали некоторые любители, так он их быстро отвадил. А я в девятом классе уже пухленькая была, аппетитненькая, ну такая же, как и теперь. Рядом с городом у нас проточное озеро было. Пошли с подружкой искупаться. Парень знакомый на лодке подплыл и покататься позвал. Подруга с радостью, а я вроде как и лишняя. Они меня позвали, но с такой мордой, что лучше отказаться. Возвращаюсь одна, мотоцикл догоняет; там и оставалось-то меньше километра, а я зачем-то махнула рукой, с ветерком прокатиться захотелось. Мужчина не сказать что знакомый, но городишко маленький, в лицо почти всех знаешь. Чуть проехали, вижу — целый луг ромашек, попросила остановиться. Пошла букет рвать, он за мной увязался. Обещал помогать, а сам стоит и подглядывает, как я за цветами наклоняюсь. Мужик женатый, а удержаться

не смог. Прямо среди ромашек и завалил. Среди ромашек, среди белого дня, недалеко от дороги. Я так перепугалась, что и крикнуть не смогла. Но в поле не бросил, довёз до города. Дома стала купальник застирывать, мамка глянула и всё поняла. Деваться некуда, рассказала ей. А она — отчиму. Тот велел помалкивать, чтобы не позориться, и пошёл разбираться. Виновного по мотоциклу высчитал. Как там они беседовали, не знаю, но только этот самый мотоцикл переехал в ограду отчима. Понятно, что лучше с мотоциклом проститься, чем срок заработать, да и не последнее отдал, мужчина зажиточный, у него и машина в гараже стояла. Никаких сплетен, никакого позора. Вот и получается, что я этим делом с первого раза начала зарабатывать. Через полгода, когда я уже и забывать стала, он подошёл ко мне на улице, прощения просит, объясняет, что помутнение случилось, голову от моей красоты и запаха ромашек потерял. Кается вроде, а по глазам видно, что хочет, наверняка считает, что за новый мотоцикл одного раза маловато. Только я себе цену знаю, отшила и отчиму пожаловаться пообещала.

— Пожаловалась?

— Нет. Зачем, если он всё понял? Мне лишние переживания не нужны.

Интересная история, а девушка — не очень: громкие поддельные стоны, механические движения. Но выбирал сам, и предъявлять претензии было некому. Оставалось надеяться на следующую, более удачную попытку.

Голос у доктора ещё напористее, чем в первую встречу. Говорил стоя, словно подчёркивал, что его отрывают от серьёзного дела. Не тратя времени на дипломатические предисловия, жёстко объявил, что у больной запланированный кризис, но ситуация держится под контролем, и в ближайшие сроки пациентка пойдёт на поправку. Его напор и обилие медицинских терминов не давали сосредоточиться и подавляли. Из длинной тирады Владимир Иванович усвоил только две фразы: «появилась возможность достать немецкие лекарства нового поколения» и «если не хотите остаться вдовцом, нужны ещё восемнадцать тысяч». Он покорно кивнул и повернулся к двери. Доктор вышел вместе с ним, запер кабинет и удалился в противоположную сторону коридора.

Озвученная сумма его не пугала. Где искать деньги, он не знал и даже думать об этом не находил сил.

Жена не спала, но посмотрела на него равнодушно, как на чужого. Освобождая место, неохотно сдвинула ноги на край койки.

— Как ты?

— Не знаю, спать всё время хочется, — голос тихий, безвольный, голос равнодушной ко всему женщины.

— Боли не мучают?

— Говорю же, спать всё время хочется, — ответила так же бесцветно, только по лицу промелькнула гримаса раздражения.

— Потерпи, доктор обещал... — начал и осёкся, понимая, что говорит слова, которые никому не нужны.

В палату вошла женщина с ведром и шваброй. Немолодая, но работала энергично и на удивление бесшумно. Владимир Иванович даже залюбовался ею, сразу решив для себя, что она выросла в деревне, потому что городские уборщицы всегда стараются подчеркнуть, что они заняты важным делом, а все остальные мешают им.

Посмотрел на жену, надеясь, что она о чём-нибудь спросит, но она молчала. Лежала чужая и безучастная.

— На работе особых новостей нет, да по нынешним временам без новостей спокойнее, потому что хороших ждать неоткуда, — и снова замолчал, увидев, что жена прикрыла глаза. — Ты слышишь меня?

— Слышу.

— Может, тебе что-нибудь принести? Скажи, что хочешь, я приготовлю.

Она не ответила. Санитарка закончила уборку, но перед уходом задержалась возле койки жены, и ему показалось, что кивнула на дверь.

— Может, бульон приготовить? Я умею, ты же знаешь, только скажи, — не дождавшись ответа, добавил наугад: — Или мёду с базара.

Сказав про базар, вспомнил, что в молодости ездил с приятелем на Алтай добывать мумиё, спасающее от всех болезней, и чуть ли не закричал от радости:

— Слушай, а может, мумиё на базаре купить?

— Ничего не надо. Иди, а я посплю.

Санитарка мыла пол в коридоре и сразу же окликнула его:

— Мужчина, подожди!

Приставила швабру к стене и ждала, когда он подойдёт.

— Жена?

Он кивнул.

— Угробят они тётечку. Слышала, что диагноз не могут найти. А чего его искать? Кровь ей надо чистить. Испорченная кровь. С переживательными женщинами такое случается, а врачам этого не понять. Им бы только деньги с больного человека стясти. Денег им не давай.

— Отдал уже.

— Ну и дурак. Деньги её не вылечат.

— Обещали какие-то суперновые немецкие таблетки.

— Не верь. Не помогут.

— А что поможет?

— У меня мать и старшая сестра травы и коренья понимают. Давай отправлю к ним. Они спасут.

— Кто же её отпустит?

— Лишь бы ты отпустил.

— А врачи?

— Этих бесов и спрашивать не надо. Не тюрьма всё ж. Выйдет вечером на прогулку... и поминай как звали. Да и поминать долго не станут.

А у меня племянник в гостях, приехал запчасти для мотоцикла купить. Завтра в деревню уезжает. Вот и заберёт её. А эти точно угробят.

— И сколько вы хотите за лечение?

— И ты, что ли, спятил? Какие деньги? Не лечат они.

— Извините, пожалуйста.

— Ладно, не винись. Пройдохи эти всем головы задурили. К жене-то я давно приглядываюсь. Она тоже сначала им верила, вот и заблудилась в себе от хитрых обещаний. Не о том думала, не о том страдала, а пустые страдания в первую очередь кровь портят и голову мутят. А теперь и себя не помнит, и тебя не узнаёт.

— Мне тоже показалось, что не всегда узнаёт меня. А вы считаете, что травы помогут?

— Если жить захочет — помогут.

— И что же делать?

— Отпускай с моим племянником в деревню. Мать и сестра вы́ходят.

— Мне надо вещи её в дорогу собрать.

— Не надо ей ничего. Вечером отведу к себе, а на рассвете они уедут. Деревенские рано встают.

— Ладно, пойду поговорю с ней. Может, и согласится.

— Не надо. Чего пустоту молоть? Она и со мной соглашается, и с доктором. Не в себе тётечка.

— Но попрощаться-то надо.

— Зачем? Не на век расстаетесь. Выздоровеет, тогда и наговоритесь.

— Не могу же я уйти просто так.

Он понимал, что его упрямство может рассердить бескорыстную помощницу, понимал, что не было никакого смысла в его упрямом желании увидеть измождённую болезнью спящую жену, и всё-таки вернулся в палату. Но жена не спала, сидела на койке, опустив босые ноги на пол, и пила минералку прямо из горлышка. Увидев его, она торопливо спрятала бутылку под койку и легла.

— Женщина сказала, что нашла тебе новых врачей.

— Ты почему вернулся?

— Прощаться.

— Зачем прощаться? Я ещё не умерла. Иди домой, я спать хочу.

Прогнала. Помогла приглушить чувство вины.

Беспокойство проросло на другой день, запоздалое и оттого капризное. Доверил жизнь жены незнакомым людям: ни имени, ни адреса, ни названия деревни, в которой живут люди, обещавшие вылечить больную. Не слишком ли упростил себе жизнь? Даже своего телефона не дал. Впрочем, как его найти, санитарка может узнать у жены. А если с женой случится худшее, где он будет её искать?

Он не знал, по какому графику работает санитарка, но предположил, что, скорее всего, с утра. Поехал не откладывая. Так накрутил себя, что терпеть неопределённость было невозможно.

Найти укромное место в больничном коридоре невозможно, а торчать на виду он опасался: мог появиться доктор, и пришлось бы объясняться. Недалеко от подсобки висел плакат о вреде курения с инструкциями, как избавиться от пагубной привычки. Он встал лицом к плакату и наблюдал. Медлительных больных обгоняли торопливые медсёстры, степенно проплыла вальжная докторша, а санитарка с ведром и шваброй почему-то не появлялась. Владимир Иванович не исключал, что она взяла отгул и уехала в свою деревню сопровождать больную. Более удобного варианта для самоуспокоения в голову не приходило, но в него почему-то не верилось. Терпение быстро иссякло, и он заглянул в палату жены. Ее койка пустовала, но была не заправлена. Значит, ещё не хватились, хотя могла оставаться в больнице и лежать на каких-нибудь процедурах. Владимир Иванович возвратился к плакату, но изображать из себя озабоченного курильщика не хватило терпения: потоптавшись пару минут, развернулся и постучался в подсобку. Санитарки расслабленно пили чай. Его знакомая сразу поднялась и вышла в коридор.

— Уехали. Зачем лишний раз глаза мозолишь? Если доктор поймает, что будешь говорить?

— Я даже имени вашего не знаю. А вдруг что случится? Вот номер моего телефона. А как вам позвонить?

— У меня его нет.

— А живёте где?

— У дочери. Внук подрастёт, и назад уеду.

— Адрес-то на всякий случай можете сказать?

— Улица Чапаева, двенадцатый дом и квартира двенадцатая.

— Хорошо, что не тринадцатая.

— Да хотя бы и так. Нечего верить во всякую дурь. Только не надо приходить ко мне, зять, чего доброго, подумает, что мужиков вожу.

— Доктор ещё не хватился?

— Откуда мне знать? У меня спрашивать не будут. Ладно, иди, мне работать пора.

Вроде и сварливая, но не злая. И глаза добрые, которым хочется верить.

Если хочешь подумать о себе хорошо, значит, не надо противиться приятному желанию. Утренние страхи постепенно затихли и плавно переросли в чувство исполненного долга. Он вырвал жену из хищных лап больничных шарлатанов и отдал в надёжные руки. Совершил поступок, возродивший надежду, поэтому имеет право на заслуженный подарок.

Насколько он заслужен — вопрос из параллельной плоскости. Другое дело, что подарок нечем оплатить, все карманы давно выворочены, а желание этого не понимает, оно уже оккупировало душу и ведёт

себя как беспощадный победитель, требует немедленной расплаты, не желая выслушивать посулы и жалобы.

Оставалось просить в долг. Пока набирал номер Игоря и ждал, когда подойдет к телефону, в голове выстроился чёткий план заработка. Безболезненно прошедшая операция с рН-метром навязчиво напрашивалась на продолжение. На складе бесполезно пылились десятки дорогих приборов, которые в ближайшее время никому не потребуются: весы, газоанализаторы, фотоэлектрокалориметры и т. д. и т. п. Игорь с его энергией и связями всё это может превратить в деньги. Но приятель не спешил брать трубку. О том, что он собирается предложить компаньону превратиться в подельника, Владимир Иванович догадывался, но большого риска не видел, надеясь на бардак, царивший вокруг. К телефону наконец-то подошла жена Игоря и сказала, что он в трёхдневной командировке.

Но желание уже вцепилось в него и не отпускало, любопытство превратилось в потребность.

Владимир Иванович перелистал записную книжку: имена, фамилии, буквы инициалов, которые память отказывалась расшифровывать. С кем-то созванивался относительно недавно, только денег у них не было — пёстрая инженерная братия, не вписавшаяся в слепой поворот судьбы. У кого-то, может, и были, но инфляция и рынок отучили от взаимовыручки. Он ещё раз пробежался по номерам и наткнулся на женское имя, которое пропустил, высматривая кредитора среди мужчин.

Аня проходила у них преддипломную практику, а защитив диплом, работала с ним в одной лаборатории. Способности у девушки были средние, но подкупали исполнительность и лёгкий характер. Сначала он вёл её диплом, а потом опекал как ученицу. Когда институт стал пробуксовывать в работе, а почти символическую зарплату младшего научного сотрудника стали ещё и задерживать, Аня взяла отпуск и съездила челночницей в Китай. Молодая крепкая деваха с открытым лицом и бойкая на язык за считанные дни освободилась от привезённого товара и пришла на работу с бутылкой рисовой водки, завёрнутой в заявление на увольнение. Начальство не отговаривало, коллеги не осуждали. Заглянуть на чашку чая в родной институт, выкроить пару часов не получалось, но первое время поздравляла Владимира Ивановича с Днём Советской армии. Не хвасталась, но в разговорах промелькнуло, что купила подержанные «Жигули», потом двухкомнатную квартиру и вышла замуж. В общем, нашла себя, но уважения к бывшему наставнику не потеряла.

—Иваныч, если б ты знал, как я рада тебя слышать.

Ему показалось, что девушка настроена благодушно, и, чтобы не забалтывать главного, спросил без подготовки:

—Ты можешь выручить деньгами? На неделю, максимум две.

Называя срок, он надеялся, что Игорь успеет сбить его приборы.

— Без проблем, — она даже сумму не спросила. — Для тебя хоть на год, но с одним условием.

— Каким? — напрягся он.

— Ты срочно приезжаешь ко мне и налаживаешь свет в ванной. Лампочка перегорела, а на ней идиотский колпак, который не могу снять. Вернулась из поездки, грязная как свинья, просто зла не хватает, — а потом умоляющим голосом: — Приезжай. Запиши адрес.

Оказалось, что жила она почти рядом, даже на автобус можно было не тратиться, пятнадцать минут ходу. Взял набор отвёрток, пассатижи, фонарик, решил прихватить и лампочку, но запасной не нашёл и вывернул из настольной лампы. По дороге появилась догадка, что Аня успела развестись, иначе бы зачем «вызывать слесаря»?

Года четыре не виделись, а она ничуть не изменилась, даже помолодела и постройнела. Труд челночницы явно пошёл на пользу.

— Иваныч, спаситель мой, — она коротко обняла его и чмокнула в щёку, — пойдём покажу. Только я, дурёха, забыла предупредить, чтобы ты инструменты прихватил, а то после бегства моего раздолбая не знаю, где чего искать.

— Я это предусмотрел.

— Знала, к кому обратиться. Ты же у нас в лаборатории самый-самый. Ты понимаешь, что имею в виду. Если я тебе не нужна, пойду что-нибудь на стол накидаю. Потребуется лампочка — выверни из люстры в большой комнате.

— Да я с собой принёс.

— Я же говорю, что самый-самый.

Со светильником он провозился минут десять. Не успел щёлкнуть выключателем, а хозяйка уже стояла за спиной.

— Иди открывай консервы, режь всё, что найдёшь на столе и в холодильнике, а я быстренько под душ. Извини, не могу, измаялась, ненавижу этот липкий дорожный пот.

Она взяла его за плечи, развернула лицом к кухне, а сама юркнула в ванную и закрыла за собой дверь. На еде она явно не экономила, некоторые консервы он не пробовал уже много лет, а иные видел вообще в первый раз и даже не подозревал об их существовании. Он порезал ветчину, яблоки, открыл шпроты и решил, что если не хватит, добавить можно и после. Вода в ванной продолжала шуметь. Владимир Иванович сложил инструменты в сумку и понёс её в прихожую. Передняя была забаррикадирована огромными клетчатými баулами. Он приподнял крайний. В нём было не меньше полутора пудов. Так если бы один — четыре, набитые до отказа. Диван и стол завалены пёстрыми разнокалиберными пакетами, приготовленными, скорее всего, для разовых покупателей.

— Я готова, теперь можно выпить за встречу и хорошенько пожрать.

— Нелёгкий у тебя труд.

— А куда деваться одинокой женщине с высшим техническим образованием? Разве что на панель.

— Зачем наговариваешь на себя? — смутился он.

— Шучу, конечно. Раньше у тебя с юмором проблем не было. Кстати, пока трезвые: сколько тебе надо? Много не смогу, пока товар не сбуду.

— Три сможешь? — сказал наугад, не совсем понимая, что значит «много» для неё, и всё-таки надеясь, что с Игорем он заработает никак не меньше. — Верну дней через десять.

— Три — это не проблема. А что за нужда?

— Жена заболела.

— Вернёшь, когда сможешь, — она достала из сумочки деньги. — И пошли наконец за стол, умираю, жрать хочу.

На ней было японское кимоно чёрного цвета с белым журавлём на спине. Мокрые волосы убраны под чалму из полотенца. И никакой усталости на розовом лице.

Сели, выпили по рюмке коньяка. И — вдогонку — ещё по одной. — Вот так и живу. Мерзавец мой сбежал. Ладно бы к молодой и красивой... К старухе, на шесть лет старше его. Толстой и коротконогой. Но богатой. Работает у неё личным водителем. Он всегда на «мерсе» покататься мечтал. Бабёнка под себя три магазина подмяла и останавливаться не собирается. Ладно, прости, что разнылась, давай ещё по одной, — она протянула руку к бутылке, и небольшая, но крепкая грудь выглянула из-под кимоно чуть ли не до соска. — Выпьем, Иваныч! Хорошо было с тобой работать, спокойно. Я ведь тоже кандидатский минимум сдавать нацелилась, на курсы английского ходила. А на теперешних челночных курсах два десятка китайских слов усвоила и польский, можно сказать, понимаю, а чего-то не хватает, если сравнивать с той жизнью. Вроде и квартиру купила, и машина под задницей уже вторая, а что дальше будет — боюсь загадывать. Когда с тобой работала, этого страха не знала. Вот Игорь, твой дружок, совсем другой: суетливый мужичок, всё норовил по пятой точке шлёпнуть. Он и теперь шустрит. Встретились год назад в ресторане, с девицей сидел, но и мне на ушко шепнул, что не прочь пообщаться. Это ты у нас верный семьянин.

— Болеет жена. Тяжело болеет, — промямлил он.

— Извини. Я тут со своими глупостями.

— Пойду, пожалуй.

Что-то жалкое было в её взгляде. То ли виноватое, то ли испуганное. И грудь под тонким шёлком японского халата была беспокойна. — Давай на посошок — и завалюсь спать, устала как собака.

Открыв квартиру, Владимир Иванович, не раздеваясь, шагнул к телефону. Поставить условие о непременном выборе он забыл, но привезли полную машину. Последняя из них ещё не успела выбраться на показ, а он уже определился. Подобных женщин он никогда не

видел с близкого расстояния, словно привезли её из другой эпохи: барыня, выгнанная революцией с шумного бала и брошенная в бордель. Огромные глаза, впалые щёки, надменный рот. Поглядывая с усмешкой на нервных конкуренток, она держалась за неприкрытую дверцу машины, дожидаясь, когда можно будет нырнуть в тёплое кресло иномарки. Отдаться работе она явно не жаждала и не сразу поняла, что выбрали не кого-то из молоденьких и наглых, а её.

В лифте он успел рассмотреть, что в бальзаковском возрасте она пребывает не первый год, но именно это и придавало ей особый шарм.

Увидев на столе водку, она презрительно скривила губы:

— Пойло?

— Извините, в следующий раз возьму что-нибудь поблагороднее.

— Надеетесь на продолжение отношений?

— Всякое может случиться.

— Не обольщайтесь, бесплатно я не раздеваюсь уже давно.

Презируемый напиток не застоялся на столе. Рассеянно вылила водку в себя и молча уставилась в пустую рюмку. Бледное лицо стало совсем неподвижным. Большие тёмные глаза были открыты, но казалось, что она спит.

— Может, ещё по одной? — осторожно спросил Владимир Иванович.

Гостя вздрогнула, мутно и неузнаваемо посмотрела на него. Водку она запивала водой, закуску словно не замечала, но он уже понимал, что виновата в этом не скудность его стола. Беглый портрет вырисовывался, но хотелось заглянуть поглубже, туда, где пряталось самое потаённое.

— И как давно не раздеваетесь бесплатно?

— Возраст пытаетесь вычислить? Не советую. Пожалеете потраченные деньги.

— Жалей не жалей, всё равно не разбогатеешь, — изображая из себя бесшабашного кутилу, отмахнулся Владимир Иванович. — И всё-таки: чем до этого занимались? Были актрисой?

— Спала бесплатно. Сначала с одним мужчиной, потом с разными. Но это были настоящие мужчины, из тех, которые не покупают женщин, а завоёвывают. Покупают только слабаки вроде вас.

Оскорбление совсем не задело его. Оно пролетело мимо и ударило по каким-то другим мужчинам, могло зацепить и его, но не сегодняшнего, а того, который писал диссертацию. А теперь оно его только развлекало. Он не жалел, что выбрал именно эту женщину, обозлённую и кичливую. Выслушал обличительную тираду и жестом показал, что надо идти раздеваться. Ему даже хотелось, чтобы у неё было дряблое тело, и это предчувствие возбуждало.

Телефонный звонок застал их в постели. Дама, забыв недавнюю спесь, заискивающе предложила продлить встречу. Дальше стало неинтересно, и он сослался на пустой карман, чтобы к несчастной

возвратилось чувство превосходства: пусть тешится. Хотелось, чтобы ушла аристократкой.

Проводив её, вспомнил, что единственное слово, которое она произнесла с теплотой, было её собственное имя: Таисия.

Обсуждать предложение по телефону Игорь отказался, обещал заглянуть вечером, а приехал через неделю, замотанный, не в настроении. Выслушал без интереса. Владимир Иванович протянул ему список приборов, заранее составленный и даже отпечатанный. Бегло глянул и положил в сумку.

— И как ты себе это представляешь? Буду кататься по предприятиям и предлагать: а не купите ли вы у меня лабораторные весы или фотоэлектрокалориметр? — длинное и не всем понятное слово «фотоэлектрокалориметр» он выговорил с особой интонацией, смакуя его неблагозвучную громоздкость.

— Товар всё-таки ходовой.

— Заблуждаешься. Ты здесь мохом оброс и не учиываешь главную тенденцию: производство сегодня не расширяют, а сворачивают. И вообще, разовые сделки — это постоянная трата нервов, бензина и времени.

— Значит, ничего не получится? — обречённо вздохнул Владимир Иванович: удачно сложенная конструкция, в которую он успел уверовать, рухнула ещё до испытаний.

— Почему же? Будем пробовать, надо помогать товарищам.

— Особенно бедным родственникам, — поюродствовал он, чтобы скрыть бурную благодарность, сознательно принижая себя.

— Да ладно тебе. Завтра я приеду на машине и какую-то часть увезу в свой гараж, но надо выбрать время, чтобы не светиться.

— Приезжай после работы.

— А сторож?

— Отправлю его за бутылкой.

— Нет, слишком примитивно и ненадёжно. Лучше приходи завтра с утра, примерно за час до работы, и с чистой совестью отпуская сторожа. Бутылку сэкономишь. А я подскочу к подъезду. До явления начальства ты успеешь вымыть руки и заварить валерьянки.

— А это зачем?

— Чтобы успокоиться. Совсем чувство юмора потерял.

Владимир Иванович боялся, что Игорь проспит или вообще не приедет, но тот явился вовремя. А если учесть, что всё было упаковано загодя, на погрузку хватило десяти минут. Дальше от него ничего не зависело.

Срок возвращения долга уже прошёл. Деньги, взятые у Анны, суматошно, не найдя желаемого, потратил на Кристин. Называть их проститутками или падшими женщинами у него язык не поворачивался. Щадил себя, а не их.

Игорь на связь не выходил, а сам Владимир Иванович не хотел ему надоедать, терпел, попеременно одолеваемый страхом, совестью и даже чувством собственного достоинства. И всё-таки не выдержал, позвонил.

Игорь, опережая неудобные вопросы и претензии, сам повёл разговор:

— Пока ничем конкретным порадовать не могу, но кое-какие подвижки наблюдаются, почти договорился насчёт дистиллятора. Если не сорвётся, сразу же привезу деньги.

Привёз через три дня. Без предварительного звонка заявился на работу в обеденный перерыв, знал, что Владимир Иванович экономит на столовой и обходится китайской лапшой.

— Прямо от клиента! Передаю, можно сказать, из рук в руки, пока инфляция не сожрала. Мои двадцать процентов. Надеюсь, не в обиде?

— Да хоть тридцать.

— Неправильно мыслишь, чужого нам не надо. Хотя побегать пришлось. Но это ещё не всё. Надыбал заказ на второй экземпляр. Неожиданный интерес. Полагаю, что используют как самогонный аппарат.

— Давнишня рацуха советских химиков. Но где я второй экземпляр достану?

— Последний отдал?

— Есть рабочий, но нельзя же оставить лабораторию без него.

— Жаль. Я уже обещал. Может, выкрутишься?

— Не знаю.

— Ну, тебе решать. И последнее. Набери коробку посуды, народ интересуется. Товар копеечный, но курочка по зёрнышку наклёвывается. Вечером я заскочу.

О дистилляторе он не напомнил, но когда приехал, увидев упакованный аппарат, не удивился. Видимо, был уверен, что Владимир Иванович не устоит. Уже не осторожничая, взяли по коробке и вынесли в машину. Впрочем, сторож сидел в приёмной и смотрел телевизор.

О долге он помнил постоянно, но обещанный срок прошёл, Анна не беспокоила, и Владимир Иванович, не без колебаний поругав и пристыдив себя, мысленно попросил у неё прощения. Пока была молодой специалисткой, денег у девушки постоянно не хватало, и он частенько выручал её. Возвращая долг, она обязательно цитировала афоризм, услышанный от него: «Берёшь чужие и на время, а отдаёшь свои и навсегда».

Теперь в безденежье завяз он. Завяз глупо и безнадежно. Корил себя, искал оправдания и даже находил: если бы, к примеру, имелись деньги, желание вызвать Кристину было бы не таким навязчивым, и засыпал бы легче, и спалось бы спокойнее.

Зашёл в магазин купить вина и каких-нибудь продуктов. Выбирал что подешевле, и это был очередной «плюс» одноразовых отношений, ещё одна степень свободы: не только полное отсутствие обязательств

перед партнёршей, но и отсутствие необходимости приукрашивать себя и свои возможности. Пусть принимают такого, какой есть. Для него важнее всего, какой запомнится она, а о нём пусть думают что угодно или вообще не думают.

Но на первом месте всё-таки — бодрящее волнение игрока. И здесь уже проклятая стеснённость в средствах не только угнетает, но и придаёт особый градус напряжения. Человек с набитым карманом этого ощущения лишён. Он уверен, что если промахнётся сегодня, легко повторит попытку завтра. Не с пятого, так с десятого раза обязательно найдёт нужное. Впрочем, даже после удачного выбора не пропадает желание попробовать ещё раз в надежде на очень удачный.

Девушек было две, невысокие, с невыразительными лицами. Пока он в растерянности соображал, не потребовать ли замену, горбоносый шофёр взял его за руку выше локтя и, пригнув к себе, шепнул:

— Бери рыжую, не прогадаешь, огонь девка, заездит.

И он покорно кивнул на рыжую. Было что-то властное в напоре этого коренастого мужика, исключаящее любое слушание. Да и сама девица держала себя свободно и уверенно, шагнула вперёд ещё до его кивка.

Уже дома проявились и некоторые достоинства, незамеченные возле машины: освободившаяся от шапки густая рыжая грива и скрытое под курткой гибкое тело.

— Я сейчас быстренько налажу стол, а потом...

— Знаю, что потом, но лучше наоборот. Сексом приятнее заниматься натошак, но перед этим обязательно принять душ, чтобы не прилипнуть друг к другу.

Мурлыча вполголоса «Бесамо мучо» и не прикрыв дверь, стала раздеваться. Почти безгрудая, но с крутыми выпуклыми бёдрами и крепкими ногами, не обращая внимания, что на неё смотрит мужчина, легко шагнула через борт ванны и включила воду. Придерживая рукой волосы, чтобы не замочить, блаженно подставляла тело под тугую струю. Мелодия утонула в шуме воды и вынырнула, когда девица повернула кран. Вытиралась тщательно и долго, а потом уверенно, словно хозяйка, прошла в комнату, где стояла кровать.

— Что застыл? Раздевайся и ложись на спину, я буду над тобой колдовать.

Кристины, которых выбирал до неё, выглядели вроде и соблазнительнее, но эта излучала какую-то необъяснимую притягательность, подчиняющую не красотой, а именно своей необъяснимостью. Он лежал с закрытыми глазами, давно готовый доказать свою силу, а она всё ещё продолжала колдовать губами, руками, ногами... а когда, наконец, оказался на дороге, влекущей пройти по ней как можно дальше, появилось неожиданное препятствие, которое и для неё оказалось сюрпризом. Она соскользнула с кровати и, стоя к нему спиной, достала что-то из себя.

— Во, блин, опростоволосилась, прости Господи,— потом жадно прижалась к нему и шепнула: — Не бери в голову, теперь будет очень хорошо.

И не обманула. Там, внутри, нечто тёплое и нежное обнимало и тягивало его в себя.

Когда отдышались, ей потребовался перекур.

— Издержки профессии. Предыдущий клиент, недоносок, разгорячился и потерял со своего мизинчика. И ведь не признался, сморчок. Но ты не переживай, если проштрафилась, значит, возьму.

— Интересно, каким образом?

— В твоём распоряжении моя попа. Без всякой доплаты. Я девушка честная.

Зарплату в институте в очередной раз задержали. Игорь с деньгами за оторванный от сердца дистиллятор в очередной раз потерялся.

Не вытерпел, позвонил.

— Бывают несмешные анекдоты,— хохотнул компаньон,— вот и с твоим дистиллятором приключился. Сразу от тебя отвёз по адресу. Деньги обещал на следующий день. Человек с виду солидный, поверил.

При этих словах Владимир Иванович приготовился к самому худшему: ни денег, ни дистиллятора,— однако Игорь вывернулся и если не порадовал, то успокоил.

— День жду, два жду. На звонки не отвечает. Еду сам и узнаю, что бедолага попал в больницу с острым отравлением.

— И что делать?— сорвался с языка банальный вопрос.

— Молиться и ждать.

— С каких это пор ты уверовал?

— А ты не иронизируй, вот припрёт жизнь к стенке — и в церковь побежишь.

— Так не тебя вроде припёрла, а меня.

— Это с какой стороны посмотреть.

Хотелось высказать, что вместо религиозной демагогии искал бы желающих купить приборы, но промолчал, дослушал, даже подкакивал маловнятным «угу».

Он был уверен, что Игорь темнит, но какой прок с неуместной уверенности? Испорченное настроение и нарастающая потребность в новой Кристине. Неправедные денежки ускользнули из рук, но продолжали дразнить своей близостью. Требовалась какая-то срочная замена. В голове мельтешили варианты, один безнадежнее другого, вплоть до самой смешной подсказки: выйти на улицу и подкараулить убогоного пенсионера. Так ведь, опять же, с пенсионера ничего не возьмёшь, грабить надо женщину, идущую в магазин через школьный скверик. Представил себя с кухонным ножом, цедающего сквозь зубы: «Кошелёк или жизнь»,— и внутренняя усмешка переросла в насадный

неестественный смех. Однако мысль о магазине напомнила, что рядом с ним недавно открыли ломбард.

Слабости к золоту и камушкам у жены не было. В загсе они обошлись без обручальных колец. Году на третьем ей всё-таки захотелось обозначить статус замужней женщины, и она купила себе кольцо, которое носила постоянно, а в последние годы и снять не могла. На десятилетие семейной жизни он подарил ей браслет. Был в командировке, подсказал местным технологам простенькое, но эффективное изменение в схеме, которое быстро оформили как рацпредложение и неожиданно хорошо заплатили. Вот и захотелось порадовать жену подарком к юбилею. Продавщица ювелирного посоветовала взять браслет. Он вспомнил романтическую повесть Куприна и с радостью согласился. Тонким ценителем себя не считал, но доверился приветливой женщине и не ошибся. Жену подарок растрогал.

Браслет лежал в шкатулке с документами. Он успокаивал себя, что выкупит его сразу, как только Игорь принесёт деньги.

Сколько ломбардов было в городе в советское время, он не знал. Может — один, может — пять, сколько-то было, но вывески он ни разу не видел. Теперь они красовались чуть ли не на каждом углу. Быстрее их плодились разве что аптеки, но их вывески выглядели поскромнее.

Шёл, сжимая в кармане коробочку с браслетом, и старался настроить себя на уверенный, независимый лад. Ничего страшного вроде не ожидалось, но чувство причастности к какому-то мелкому воровству не исчезало. Возле двери остановился. Не хотелось, чтобы внутри оказались люди, пусть такие же несчастные, но всё-таки лучше бы обойтись без свидетелей позора.

Хозяин ломбарда явно сэкономил на арендной плате. Помещение было тесным. Для посетителей оставлен узкий короткий коридорчик. В глухой перегородке небольшое окно, а в окне вместо ожидаемого упыря — молодой парень с нормальным человеческим лицом и наушниками на шее.

— Браслет примете? — спросил как можно безразличнее, но в голос предательски вползла просящая интонация.

— Паспорт есть?

— Дома забыл.

— Без паспорта не принимаем.

— А может...

— Не принимаем, — отрезал парень и скрылся в глубине своей каморки.

Он извинился перед пустым окошком и отправился домой. Во рту пересохло. Паспорта среди документов не оказалось. Выпил стакан холодной воды, попытался вспомнить, когда брал его в последний раз, и не смог. Повода предъявлять паспорт давно не случалось — выпал из активной жизни. Стал осматривать карманы и нашёл в куртке, которую не надевал с весны.

Возле автобусной остановки был ещё один ломбард, но Владимир Иванович решил повторить попытку, чтобы приёмщик не подумал, что браслет ворованный.

— Пожалуйста, паспорт с моей фотографией.

Его ирония до приёмщика не дошла. Раскрыв коробочку, но не доставая браслет, сразу вернул его.

— Ты хочешь сказать, что он золотой?

— Покупал как серебро,— на слове «покупал» сделал ударение, ещё раз подчёркивая, что принёс не чужое.

— Серебро не принимаем.

А он переживал, сомневался, мучился.

В ломбард возле остановки входил уже без волнения. Спокойно переждал, когда обслужат женщину, сдающую кольцо. Протянул в окошко раскрытую коробочку, но браслет не приняли, не захотели размениваться на серебро.

Запас решительности иссяк. Нарываться на очередной отказ не было смысла. Когда возвращался домой, увидел на другой стороне улицы ещё одну вывеску. Сказал себе: «Хватит, с меня довольно»,— прошёл метров пять и остановился. Уломал сомневающегося заглянуть для очистки совести, но продолжая иронизировать, не без издёвки напомнил себе, что при попытке сдать в ломбард украшение, которое когда-то подарил жене, нежелательно лишний раз тревожить совесть. Чтобы перейти дорогу, надо было сделать длинный крюк, но время позволяло любые пустые траты.

На приёмке сидела женщина с типичным лицом торгашки: есть лица, с которых клеймо профессии невыводимо. Глянув на браслет, она бросила, что серебро не принимает, но отдавать не спешила, долго крутила его в коротких пальцах, раздвигала края, словно прикидывала, влезет ли запястье в разъём, и наконец ошастливила: — Ладно, выручу.

Принимая мятую купюру, Владимир Иванович был уверен, что она не последняя, а когда понял, возмутился:

— Вы знаете, сколько он стоил в магазине?

— И знать не хочу. Иди поищи, кто больше даст.

— Пойду и поищу. Давайте его.

— Чёрт с тобой! На — и катись отсюда, пока милицию не вызвала,— но протянула не браслет, а вторую купюру и захлопнула окно.

Он злился на себя, порывался возвратиться, однако продолжал идти в сторону дома. Забрала без квитанции, значит, выкупить не удастся. При желании можно было заставить себя признаться, что надежды на выкуп изначально обречены. Но гораздо проще свалить вину на хамоватую приёмщицу. Добытых денег хватало на литр водки. Кристина стояла дороже браслета, купленного в подарок жене.

Не только украшения, но и одежда почти не заботила жену: не стыдно надеть — и уже хорошо. Свободные деньги предпочитала

тратить на путешествия: Прибалтика, Молдавия, Дальний Восток... И вдруг в Самарканде ей захотелось шубу. Возбудило примитивное женское соперничество. В туристической группе оказалась одинокая тридцатилетняя дамочка, и жене показалось, что она слишком навязчиво кокетничала с Владимиром Ивановичем, постоянно приставала к нему с вопросами по истории Средней Азии, восхищалась его начитанностью и ставила в пример другим мужчинам. Саму дамочку все эти восточные тонкости интересовали только для приличия, зато, прогуляв экскурсию в медресе, она добыла себе рыжую шубу. Вечером, накинув её поверх пижамы, ходила по гостинице и хвасталась: «Смотрите, какая красавица, в нашем городе такую не достать, и всего семьсот рэ, ну прямо как украли...» И жена загорелась желанием догнать и перегнать. Два дня потратила на поиски. Моталась по рынкам в одиночку, но когда поехала выкупать шубу, потребовала сопровождение. Муж должен был, во-первых, оценить выбор, ну и деньги немалые, а город чужой и люди, говорящие на чужом языке. Шуба ему понравилась: богатая, почти до земли, блестящий мех глубокого чёрного цвета. Потом выяснилось, что рукава вшиты неправильно, и тесновата она, и тяжеловата, но в этом жена призналась намного позже. Зато цену покупки почувствовали уже на другой день, и до конца отпуска пришлось отказывать себе даже в арбузах.

Дома жена еле дождалась первого похолодания, а для того, чтобы придать моменту особую торжественность, купила билеты в театр.

Неудобная для повседневной носки шуба неделями безвылазно висела в шкафу, но постоянно грела её самолюбие.

Адрес комиссионного магазина Владимир Иванович знал только потому, что ходил мимо него в свой институт. Оставалось упаковать шубу. Подходящего пакета в квартире не нашлось. Обиженный в ломбарде, он нервничал и ничего не мог придумать. Для начала плотно свернул шубу и перевязал пояском от халата. Потом достал из дивана пыльный рулон обоев. Старая бумага ломалась на сгибах, и оборачивать пришлось в три слоя. Появляться на людях с бесформенным неопрятным свёртком ему показалось неприличным, вспомнил, что на антресолях с давних туристических времён лежит рюкзак. Пока вытаскивал, зацепился ремнём за коробку с ёлочными игрушками и сам чуть не упал с табуретки. Коробка со звоном шмякнулась об пол. Хотел убрать её, не открывая, но всё-таки не удержался, заглянул. В месиве блестящих осколков углядел уцелевший фонарик, подержал его на ладони, и вроде как легче стало. Выцветший рюкзак с дырой, проеденной мышами, не очень соответствовал дорогой шубе, но не зря же пострадали хрупкие игрушки. В боковом кармане наткнулся на тюбик от зубной пасты, начинённый мазью от комаров. Автором этой модернизации являлся он, молодой учёный. Упаковка пасты была прочнее, и он передавливал туда мазь, попутно смешивая с дёгтем.

Игорь советовал запатентовать изобретение или хотя бы написать статью в туристический журнал, но он так и не собрался, к тому же дёготь от комаров стали добавлять задолго до него, русская голь всегда была хитра на выдумки.

Время приближалось к семи. Чтобы не напороться на закрытые двери, он нашёл в справочнике телефон магазина и позвонил. Ему не ответили. Он ещё не положил трубку, а глаза без его ведома заползли в газету с Кристинами. Если бы не эта сволочная баба из ломбарда...

Рюкзак с шубой он прихватил на работу и, высидев не больше часа, отправился в магазин, заранее ненавидя приёмщицу. Но встретили его приветливо, намного теплее, чем извлечённую шубу.

— Состояние удовлетворительное, но теперь такое никто не носит, — сказала девушка и сочувственно покачала головой.

Молодая, аккуратная, вызывающая доверие.

— Может, найдётся дама в возрасте, которая мечтала о такой шубе?

— Дамы в возрасте, если при деньгах, в наш магазин не ходят, а пенсионерам не до нарядов. Могу принять на комиссию, но честно скажу: надежды мало.

— Мне деньги срочно нужны. Жене на лекарства, — потерянно промямлил Владимир Иванович, искренно веря, что просит действительно на лекарства.

— Срочно у нас не получается, только при большой удаче, но здесь не тот случай. Могу подсказать вариант, у меня знакомая в меховом ателье работает. Она возьмёт эту шубу, но только как сырьё, поэтому много не даст, заранее предупреждаю.

— Мне деваться некуда.

— Понимаю. Если хотите, могу с ней переговорить.

Она позвонила какой-то Ирине Аркадьевне, предупредила, что придёт хороший человек, потом сама упаковала шубу в большой пакет и объяснила, как добраться до ателье.

Предварительный звонок упростил переговоры. Встретила его сама хозяйка ателье, сама же распаковала шубу и окончательно расслабила Владимира Ивановича тем, что похвалила качество выделки. Так что и за малые деньги он был благодарен.

Из машины вышла девушка с красивым, но недобрым лицом. Владимир Иванович ждал следующую, но других не было.

— Почему в единственном числе? — чуть ли не сорвалось: «экземпляре». — Она не совсем в моём вкусе.

— Разобрали. Пятница, банный день, — лениво посетовал водитель и протянул руку за деньгами.

Было желание подняться в квартиру и перезаказать по другому номеру, но победило нетерпение: слишком долго и унижительно добывались деньги на этот вызов. В лифте поднимались молча, даже имя забыл спросить. Закрыв дверь, он машинально предложил раздеться,

имея в виду куртку и сапоги, но гостя поняла его буквально. Одежду не вешала, а сбрасывала на пол возле порога, не без вызова, с безразличной миной, не стесняясь безвольно висящих полупустых мешочков грудей. На поясище у неё синела треугольная татуировка, уходящая острым углом в ущелье между малозаметными холмиками таза.

— Интересная картинка.

— Любовник подарил.

— Расплатился, что ли?

— Расплачиваются клиенты, а любовники дарят. На всякий случай предупреждаю, что это не стрелка, указывающая на вход в злачное место.

— Я и не думал.

— Любовник — от слова «любовь». Любовь не продается.

— Кто бы спорил.

— Думаешь, я не слышала, как ты говорил сутенёру, что я не в твоём вкусе?

— Извини, не разглядел в темноте, — попытался примириться он, поняв, откуда её агрессивность и неуместные рассуждения о любви.

— А теперь разглядел и сменил гнев на милость? Не надо ля-ля. Сам-то кто такой, чтобы иметь собственный вкус? Неказистый стареющий мужичонка. Кто на тебя позарится? У тебя, наверно, и писька-то поднимается раз в полгода? В квартире свинарник, а туда же, интеллигента из себя корчит.

Она делала всё, чтобы отбить у него желание, но оно, на его удивление, только распалось.

Игорь явился в день зарплаты. Владимир Иванович успел сходить в магазин и собирался навести порядок в квартире, хотя бы относительный. Гость явился под серьёзным градусом, без предупреждения и не ко времени. Увидел ведро с тряпкой и закричал, театрально воздев указательный перст:

— Не царское это дело! Грех великий — мыть полы в религиозный праздник.

— Какой праздник?

— Деньги привёз!

— Почему религиозный?

— А кому молимся мы по новой религии? Золотому тельцу, а если с поправкой на курс нашего рубля — деревянному. А деревянный телец — это идол. По большому счёту, мы были и остаёмся язычниками. Или я что-то путаю?

— Есть немного.

— Ты всегда был образованнее меня, но я не в претензии, потому что я умный. Сегодня провернул шикарную сделку. Три месяца паутину плёл. Но я и о тебе не забыл. Умный — это не значит, что обязательно непорядочный, как думают некоторые современники.

— Ты о ком?

— О других, а им нет числа. Но не будем о грустном. Спешу доложить, что деньги за дистиллятор выцарапаны, рН-метр и посуда реализованы.

Он раскрыл сумку, в первую очередь извлёк бутылку, которой не забыл пристукнуть о столешницу, деньги появились тоже не без эффекта: вытащил пригоршню тысячных и прихлопнул к столу. Потом по одной прижимал пальцем и двигал к Владимиру Ивановичу, приговаривая:

— Дистиллятор, бюретки, пипетки, колбы...

Остатки денег смахнул в сумку и бросил её к ногам.

— Надеюсь, ты не в обиде?

— Какие могут быть обиды? Спасибо великое! Но лучше бы они появились чуть-чуть пораньше.

— Извини, как получилось. Наше купеческое дело не терпит суеты.

— Понимаю.

— Мне кажется, не совсем. Прости за прямоту, но ты в этой низшей математике профан. Она примитивна только на поверхностный взгляд.

— Может быть.

— Не может быть, а точно. Я бы назвал её психологической математикой, в которой и дважды два — не четыре, и единица в квадрате может оказаться пятизначным числом. Вот за это мы сейчас и выпьем, а потом, я полагаю, заслужил право попросить у тебя приют для короткого романтического свидания.

Когда Игорь отошёл к телефону, Владимир Иванович увидел на полу четыре ассигнации, пролетевшие мимо зева сумки, когда купец смахивал их со стола. Три лежали рядом, а четвёртая скользнула глубоко к стене: чтобы дотянуться до неё, пришлось опускаться на четвереньки. Деньги сунул в карман машинально и только потом засомневался. Оставить себе было стыдно, а доставать из кармана — трудно.

— Давай хлопнем по рюмахе, и я, с твоего позволения, нырну в омут грязной любви.

Деньги можно было ещё вернуть, но они уже перемешались в кармане с его заработанными. Пришлось бы отсчитывать на ощупь, потом что-то объяснять... Выпил стоя и поспешил оставить его настраиваться на погружение в омут, а вернее сказать, поторопился скрыться с места преступления.

Ни у родителей в детстве, ни у жены он никогда не воровал денег, которые имел какое-то право считать своими. А эти были чужие. Украл в самом прямом смысле. И с удивлением отметил, что угрызения совести не спешат с жестокими терзаниями. Зато оправдания прилетели по самому первому зову. Он не сомневался, что Игорь продал приборы намного дороже, да и процент за посредничество мог бы взять пониже. Как ни крути, а вся ответственность лежала на нём, на Владимире Ивановиче, и если в институте хватятся, Игорю ничего не

грозит. А если, протрезвев, хватится Игорь? Логичные оправдания поджидали и на этот случай. Он никогда не подумает на проверенного друга, все подозрения достанутся случайной проститутке.

Когда посмотрел на часы — удивился, что срок его прогулки давно закончился. Не рвался возвратиться к человеку, у которого могли возникнуть неудобные вопросы, оттого и время быстро пролетело. Он нервничал, а Игорь, уже одетый, спал, уронив голову на стол. Открытая молния на сумке окончательно успокоила Владимира Ивановича.

Будить не пришлось. Игорь проснулся от его шагов.

— У-у-у! Загулялся парень. Надо бежать.

Выскочил из кухни, забыв сумку.

Напоминать он не стал, дождался, когда хватится сам, чтобы отвести даже малейшие подозрения. Он к этой сумке не прикасался.

Выпил лишнего и впал в сентиментальность, захотелось чистоты и нежности. Среди тех, что привозили раньше, таких юных не было. Да он и не искал таких, чтобы не перегружать совесть.

Она сидела, положив ладони на колени, словно прятала их от взгляда мужчины. Владимир Иванович поднял её руку. Девушка вздрогнула от прикосновения, но не отшатнулась, покорно ждала. Красивое округлое колено, стесняться его и прятать не было нужды. А рука детская, с пухлыми коротенькими пальчиками, без маникюра. Озябшая детская ручонка.

— Может, выпьешь для смелости?

— Я не умею. Она у меня назад просится, пробовала несколько раз — и всегда одно и то же.

— Не переживай, это не самый большой недостаток, хотя в вашей профессии без этого трудно.

— А может, как-нибудь обойдёмся без этого?

— Без водки? Запросто.

— Я о другом.

— О чём?

— О постели, — пролепетала она.

— Интересный поворот. Первый раз, что ли?

— Шестой. Простите меня, дяденька, но у меня там всё болит.

Сидела, заглядывая ему в лицо. Глаза голубые, вздрагивающие ресницы короткие и не накрашенные. Бледная и напряжённая. Ждала.

— И чем же мы будем заниматься?

— Можем поговорить.

— О чём?

— О чём хотите.

— Давай попробуем.

Владимир Иванович задумался. Говорить с ней было не о чем, полное отсутствие общих интересов. Кроме одного (который у неё болит). В голову пришли соответствующие стихи: «Хочу быть дерзким,

хочу быть смелым, из сочных гроздей венки свивать, хочу упиться роскошным телом, хочу одежды с тебя срывать...»

— Тебе Бальмонт нравится?

— Это американский актёр?

— Русский поэт Серебряного века. Ты любишь стихи?

— Я Резника по телевизору видела. Красивый, в белом костюме.

— Понятно. А чем ты занимаешься? Работаешь или учишься?

— В аграрном университете.

— Деревенская, что ли?

— Городская, но туда поступить легче.

— Ну, расскажи про аграрный университет.

— А чего рассказывать? Полгода ещё не проучилась, ни одной сессии не сдавала. Лучше вы что-нибудь расскажите.

Владимир Иванович налил водки.

— Не пейте, пожалуйста.

— Боишься, что изнасилую?

— Нет, я вам верю. Вы добрый. Вы только моим не рассказывайте, а то меня с работы выгонят.

При ней пить не стал, но когда выпроводил, налил несколько раз подряд. Нравилось считать себя добрым и благородным. Денег было не жалко, пусть и ворованные, но пошли на помощь бедной студентке. И совсем некстати закралось подозрение: а не разыграло ли это невинное создание дешёвую мелодраму перед простодушным добряком? И он вызвал новую Кристину.

Наутро смог вспомнить, что она была очень красивой, самой красивой из всех побывавших в его квартире. А дальше — провал в памяти. Судорожно осмотрел карманы. Деньги были целы.

Сколько он ни успокаивал себя, но отделаться от мандража не мог. Даже болезненная страсть пропала. Но это его не удивляло, потому что без оговорок укладывалось в теорию: Кристину хочется потому, что нет денег, а стоило появиться приличной сумме — и тяга исчезла. Промаялся неделю и, придумав простенький повод, позвонил сам. Оказалось, что зря паниковал. В воровстве его не заподозрили. Звонок был воспринят как напоминание о фотоэлектрокалориметре. Плакаться об украденном Игорь не стал. Может, постеснялся, а может, и не заметил пропажу: денег было много, а сам изрядно выпивши — мало ли куда они могли разлететься? Удостоверился — и полегчало, словно и не было причин для беспокойства. Страхи ушли, а теория, придуманная для самооправдания, оказалась несостоятельной. Проводив очередную Кристину, он думал о следующей. Продолжая подтрунивать над собой, он трезво сознавал, что страсть его даже с натяжкой нельзя обозвать поиском идеала. Каждая Кристина была словно билет лотереи «Спринт», купленный без надежды на сказочный выигрыш, а только ради момента вскрытия этого

билета. Пограничного момента ожидания. Только ради него, но не выигрыша, который ему не нужен, даже опасен. Случись такое, он не знал бы, что с этим идеалом делать: у него есть жена, которую он любит и которой он верен. Но появилась возможность вызвать Кристину — и он не в силах отказаться.

Деньги, как всегда, кончились неожиданно, да и не столь велики они были. Когда сидел в лаборатории, постоянно ловил себя на том, что глаза помимо его воли постоянно ищут очередную жертву, но ничего подходящего не осталось. Надо было придумывать новые источники. Но не придумывалось.

Дома заваливался на диван и тупо пялился в телевизор. Никогда не любил эту «жвачку для глаз», но пристрастился, спасаясь от свалившегося на него свободного времени.

Когда через заросли телеговорильни пробился звонок, он был уверен, что объявился Игорь. Не без надежды схватился за трубку, но услышал женский голос.

— Говорила тебе, что поднимем.

— Что поднимете? — раздражённо спросил Владимир Иванович.

— Как что? Жену твою. Окрепла уже. По хозяйству старухе помогает. По воду ходит.

— Зачем по воду?

— Так без водопровода живут, вот и ходят на колодец.

— Не может быть.

— Всё может, если чужие доктора не мешают. Завтра к обеду жди.

Первое, что он почувствовал, — испуг. Потом принялся стыдить себя за эту слабость, но получалось неубедительно. Радость от чудесного исцеления жены блуждала на дальних подступах. Робкая, виноватая радость.

А перед глазами стояли пустой стеллаж, грязная стена, которую так и не собрался оклеить новыми обоями, и шкаф без шубы, исчезновение которой предстояло объяснить.

Выход подсказали сериалы, просмотренные за последние дни: надо имитировать ограбление. Владимир Иванович открыл ящик с инструментами, достал молоток и выдергу, которая могла заменить воровскую фомку. Заперев дверь снаружи, приставил выдергу чуть выше замка и ударил молотком. Когда надавил на рычаг, стандартная клееная дверь поддалась без особого сопротивления. Спрятал выдергу под ванну, разбросал по полу вещи из шкафов и посчитал, что этого достаточно, уверенный, что ограбление бедной квартиры милиция расследовать не будет, а приписывать величину ущерба он не собирался. Оставалось продумать и выучить свои показания. По радио шла литературная передача. Трагический мужской голос читал: «Русь моя! Жена моя! До боли...» Надо было сосредоточиться, и он выключил радио.

Геннадий Соловьёв

Разбойник или герой

Из цикла «Волчьи истории»

Окончен охотничий сезон. Охотники совхоза вышли из тайги. Встречаясь иногда в конторе или другом месте, обговаривали, что надо конец сезона отметить где-то основательно. Решили собраться после сдачи пушнины. Обозначили место, у кого собираться, и кто что должен принести на закуску. Сдача пушнины! Для охотников этот день особый. Это тот случай, когда человек результаты своего труда выставляет на всеобщее обозрение. За этой ухоженной и тщательно вычищенной горкой разноцветной пушнины стоят отчаянье и радостные взлёты, горячий пот и бессонные ночи, тяжелейшие переходы по болотам и захламлённой тайге. Да всего не перечислишь!

Ревниво осматривает охотник пушнину своих товарищей. Сколько? Какое качество пушнины и как она обработана? Хотя на лице — маска равнодушия. Подходит его очередь. Встряхивая, чтобы ость стояла на соболе, начинает выкладывать на приёмный стол драгоценные шкурки. Наверх лёг чёрный, как уголь, и пушистый кот, который сразу притягивает внимание. Какой бы он ни был красавец, охотник знает, что у него есть маленький дефект. Хоть он её и вырезал, эту небольшую плешь, но разрежённость волоса вокруг осталась. Сейчас, перед сдачей, хозяин его тщательно распушил в надежде, что приёмщик просмотрит. В груди замерло ожидание. Вот сволочь старая! Рассмотрел. От этого стоимость дорогого соболя упала на десять процентов. Вроде и не сильно велик убыток, а неприятный осадок остаётся. И дело вовсе не в деньгах. Это пятно на профессионализме охотника: не сумел убрать дефект, довести дело до конца. Сам виноват — поленился переделывать.

Сдав пушнину и по традиции обмыв сдачу с заготовителем, охотники разбрелись по домам. Надо доделать вечерние домашние дела и в назначенный час уже собраться своим кругом, чтобы отвести душу за разговорами. Всё-таки месяцы, проведённые в одиночестве, дают о себе знать.

В жарко натопленной избе не чувствуется, что за стенами за тридцать мороза. Сдвигаются два стола, и на них выставляется сибирско-таёжная закуска: рыба в любом виде — и солёная, и жареная, мороженая ягода и солёная черемша, кусками отварная лосятина в тазике средних размеров, а на улице дожидается своего часа строганина из сырой печёнки и свежей рыбы. В общем, к мероприятию

подошли серьёзно, на всю ночь. Это подтверждает тускло поблёскивающая из-под лавки батарея заиндевевших бутылок.

Первый тост — за то, что живы-здоровы и собрались вместе. Второй — «за лося», чтоб пилося, жилося и так далее. Гулянка была на самом подъёме, когда неожиданно, без стука, широко распахнулась входная дверь. Холодный воздух радостно ворвался в тёплое помещение и белыми лентами, извиваясь, пополз по полу. За столом замолчали, выжидаяще смотрели на дверной проём, расположенный сбоку от столов. Нога, обутая в солидный серый валенок, вынырнула из темноты и нависла над полом. У хозяина ноги не хватало силы придавить валенок к полу, и тот медленно поплыл обратно в темноту. Все замерли в ожидании грохота неизвестного тела в тёмных сенцах, но тяга к обществу оказалась сильнее, и нога устремилась снова к свету и теплу. За ней появилось круглое крепкое пузо в расстёгнутой телогрейке, а потом и круглая раскрасневшаяся физиономия в лохматой шапке. Собственной персоной пожаловал на огонёк бригадир трактористов.

Сказать, что он был пьян, — это ничего не сказать. Человек был в таком состоянии, когда мозг уже отключился, а душа требовала продолжения банкета. Было видно, что он не понимал, куда попал и что за люди сидят за столом, молча его разглядывая. Удивление было обоюдным. В деревне знали, что трактористы с утра погнали трактора вывозить сено на центральный участок, который находился на сотню километров ниже по Енисею. И вот уехавший утром в командировку на несколько дней бригадир стоит здесь в очень странном состоянии.

Непонимающие глаза тракториста, метавшиеся по лицам, наконец-то приобрели осмысленное выражение. Говорят, что лучшая защита — это нападение. «А-а-а, охотнички! Сидите?! Пьёте?! А там волки, волки вокруг деревни! А они сидят, пьют, а там волки, стая!»

Это было похоже на бред в белой горячке. Мужики стали усаживать и успокаивать неожиданного гостя, но тот гнул свою линию про волков и какого-то лося, которого те задавили.

После кружки горячего чая и внушительного куска мяса, который тракторист умял с большим удовольствием, наконец-то кое-как выяснили причину его появления в деревне.

...Они гнали по Енисею два трактора, шли, выдерживая расстояние метров двести-триста друг от друга. Задний трактор забарахлил, и его водители остановились устранить неполадку. Трактористы на первом тракторе назад оборачивались редко и скрылись за мысом. Провозившись с полчаса и устранив неполадку, отставшие поехали дальше. Заскочив за мыс, за которым скрылся первый трактор, они увидели какую-то странную большую черновину. Подъехали ближе — на снегу лежал лось, который ещё дёргал ногами. Вокруг была вырванная шерсть и виднелось множество волчьих следов. Недолго думая, они стали обдирать тушу, вернулись уехавшие. От такого

подарка грех отказываться! После того как разделали, первый трактор продолжил путь, а бригадир с напарником вернулись в деревню с мясом. Завтра они поедут обратно.

Его спросили, много ли было волков. Бригадир ответил, что самих волков не видели, а по количеству следов думает, что пять или семь штук. Тракториста после чая и еды свалил сон, его уложили на диван, и он больше о себе не напоминал.

Долго обсуждали этот случай, стали вспоминать другие, давние. Оказывается, практически у всех были обиды на этих серых разбойников. Фёдор не принимал участия в воспоминаниях, сидел, обдумывал ситуацию. На свои вопросы вразумительного ответа от бригадира он не получил. Но было ясно одно: рано утром эту стаю можно попытаться проредить. Была проблема с напарником — одному несподручно. Фёдор предложил мужикам утром съездить обойти волков и сделать загон, но его стали отговаривать, что волки, подъев остатки отобранной у них добычи, ушли. Было понятно, что никому не хотелось после застолья, не спавши ночь, ехать по морозу хрен знает зачем. Как мужики ни уговаривали остаться, не разбивать компанию, Фёдор ушёл домой.

Утром, ещё по темноте, стал собираться. У него был план в одиночку попытаться испытать охотничью удачу и, если Бог даст, остаться в выигрыше. В десятилитровую канистру налил солярки и прихватил из дома чей-то старый шерстяной свитер, надеясь, что обойдётся без ворчанья со стороны жены. Из оружия решил взять карабин СКС, всё-таки десятизарядный, а это много значит на предстоящей охоте. План был такой. Волк — зверь осторожный и в тайге свежую лыжню сразу не переходит, делает несколько подходов, прежде чем решится её перескочить. А если стаю окружить лыжнёй, пахнувшей соляркой, то они будут искать выход из круга. Вот там-то и решил Фёдор их караулить.

С погодой подфартило, к утру мороз спал, отмякло. «Так что, дядя Федя, флаг тебе в руки — и вперёд», — сказал себе охотник. Не доезжая обговоренного мыса, Фёдор увидел старый какой-то след на пабереге, который вёл в ручей. Было хорошо видеть тянувшуюся канавку, промятую по снегу. Развернувшись, стал разбираться: след был волчий, но в снегу было не понять, спустился он на Енисей или, наоборот, зашёл в тайгу. Стал тщательно исследовать надувной твёрдый снег на реке. Разобрал отпечатки когтей. Это был одиночный волчий след, который уходил с реки в тайгу. «Что-то они разбродились нынче: там стая, тут какой-то одиночка», — подумал он. К мысу подъехал, прижимаясь к берегу. Заглушив снегоход, пешком потихоньку поднялся на выступающий надув снега и осторожно выглянул, ожидая увидеть зверей на убоине. Ничего не было видно — ни волков, ни чёрной отметины.

Вернувшись к снегоходу, Фёдор поехал дальше. Метров через семьсот он наткнулся на указанное место. Везде волчьи следы, раскиданная

и припорошённая шерсть, еле заметные пятна крови и содержимое желудка — всё, что осталось от лесного великана.

На высокий увал уходила волчья тропа. Фёдор прошёл рядом с тропой, пока она шла по чистому месту, стараясь понять, сколько примерно было волков. Дойдя до торчавшего корня, увидел, что кобель сделал обильную метку. Она была с кровью. Видать, нелегко досталась такая крупная добыча. Метить к корню подходил один самец, других подходов не было. «Наверное, здесь не стая, а всего пара — самка с кобелём», — решил Фёдор. Для стаи всё-таки следов маловато. Проследив взглядом волчью набитую тропу до леса, Фёдор вернулся к снегоходу. Положив канистру и свитер в рюкзак, стал на лыжах потихоньку подниматься к лесу в стороне от тропы.

Зайдя в лес метров на двести от тропы с приготовленным к выстрелу карабином, осторожно пошёл в её сторону. Фёдор боялся, что волки, вернее всего, устроили лёжку на самой кромке леса, чтобы просматривался Енисей. Если это так, то они уже далеко от этого места. Подойдя к тропе, обрадованно увидел, что она уходит в глубь тайги. Достав свитер и привязав его на длинной верёвке к поясу, чтобы он тащился по лыжне, полил его соляжкой и пошёл на круг.

Пройдя вдоль берега метров пятьсот, повернул под прямым углом. Через полтора километра в этом направлении повернул снова вдоль Енисея в сторону тропы. Через какое-то время наткнулся на выходной след. Озадаченный Фёдор попробовал след рукой. След был застывший, вчерашний. Отвязав тащившийся, воняющий соляжкой потаск и скинув рюкзак с канистрой, решил пройти по следу и посмотреть, будет ли кто из волков ложиться. Ведь лось одного сильно ударил, раз он мочится с кровью. Пройдя по следу метров двести, увидел метнувшуюся серую тень. Сперва даже не понял, что это волк, который уходил на коротких махах и сразу скрылся в подростке. Фёдор рванул за ним что было сил. Проскочив кусок густого подростка, впереди увидел скачущего зверя. Снег был рыхлый, и волк вскакивал на валежины, на которых снег был плотный, и быстро уходил. Фёдор поднажал, но толку было мало — расстояние не сокращалось.

Волку было нелегко в рыхлом снегу, но и Фёдор хватал воздух полным ртом. Когда зверь вскочил на следующую валежину, Фёдор решил стрелять, до цели было метров сто пятьдесят — для хорошего стрелка и хорошего карабина это не расстояние, но воздуха в груди не хватало, и ствол ходил ходуном. Улучив момент, выстрелил два раза подряд. Волк спрыгнул с валежины и понёсся куда-то вбок с удвоенной скоростью. Подойдя к валежине, с которой спрыгнул волк, увидел срезанные пулей длинные остевые волосы — крови не было.

Рядом проходила старая засыпанная лыжня. По ней-то и ушёл на хороших махах догоняемый. Немного отдышавшись, Фёдор пошёл в пяту по волчьему следу — посмотреть, где он лежал и где были другие, разбежались или это был отставший из-за удара. Подойдя к лёжке,

Фёдор увидел, что волку сразу повезло. Рядом проходил сохатиный след, он высочил на него и потому так резво скрылся с глаз. Без этой сакмы Фёдор, вернее всего, его догнал бы. Благо, она после чащи уходила в сторону. Сделав вокруг лёжек круг, Фёдор понял, что волк был один. Это он за ночь натоптал тропу и сделал несколько лёжек. Да, на полкилометра бы больше сделал круг, и зверь оказался бы в окладе. Да-а, если бы не бы.

И тут Фёдора осенило, что, вернее всего, это тот волк, который пришёл с левой стороны Енисея, и большая вероятность, что пуганый зверь будет уходить своим старым следом. Только успеть бы к снегоходу, пока он не пересёк Енисей. Фёдор снова побежал. На берег высочил удачно, напротив снегохода. Весь мокрый от пота, надев на себя запасную куртку задом наперёд, чтоб не продуло грудь, помчался назад к следу. Выжимал из техники всё, что можно. Мотор возмущённо визжал. Фёдор, не обращая на это внимания, шарил по широкому белому простору глазами: не замелькает ли где-нибудь между торосов чёрная точка.

Выходного следа не было. Отъехав от следа метров пятьдесят, поднялся на снегоходе к кромке леса. Загнав снегоход за заснеженный куст, стал ждать возможного выхода зверя из тайги. В пропотевшей мокрой одежде долго в засаде не просидишь. Фёдор покрутился на месте, поводит плечами, но это мало помогало. «Придёт — не придёт, а я тут точно окочурюсь,— подумал он.— Погода мягкая, снег сильно не скрипит, пойду-ка я ему навстречу»,— решил он.

Попив из термоса чая и сунув кусок хлеба за пазуху, он осторожно пошёл по следу волка в надежде с ним встретиться. Пройдя с километр, он вышел на сохатиное стойло. Волк закрутился по лосиным следам. Фёдор уже с интересом: «Что будет?» — шёл за ним. Побродив по застывшим лосиным следам, волк побрёл в сторону, проваливаясь в снег. Перейдя широкую пойму ручья поперёк, он вышел на днёвку трёх лосей и закружил вокруг них. Обеспокоенные лоси встали и топтались на месте. По следам было видно, что волка смущал глубокий снег. А может, это было сделано специально? Он кружил вокруг лосей, пока они не вытоптали в снегу площадку. Получив твёрдую опору, волк в два прыжка достиг цели и вцепился в бок сохотому. Лось громадными прыжками, с повисшим на нём хищником, кинулся бежать. На снегу чётко отпечатался при прыжках лось контур висящего на нём волка. Даже форма хвоста на нём отпечаталась. Фёдор никогда не поверил бы этому, если бы не увидел всё своими глазами. Читатель, попробуй укусить себя за ладошку! У волка была примерно та же возможность.

Удивляясь силе волчьих челюстей, Фёдор шёл по следам дальше. Лось, проскакав со страшным грузом метров двадцать, сунулся к ручью, где по берегам рос густой ольшаник. Там он его с себя и сбил. На снегу валялся комок сохатиной шерсти с кровавой пеной.

Дальше волк пошёл по этому следу спокойно. Крови на лосином следе не было, и он, проскакав галопом ещё метров двести, двинул шагом в сторону Енисея. Скоро его следы повели в гору. Гонные лоси почти всегда стараются бежать вдоль склона — там снег рыхлее, и поэтому зверю бежать легче, но на этот раз лось полез дальше на сопку. Поднявшись на неё, пошёл дальше к Енисею. На реке снег мелкий, и там он легко уйдёт от волка. Но он сделал непростительную ошибку, что к реке пошёл хребтом. Хребет обрывался оплывником, и на самой кромке снег был прибитый ветрами до твёрдости наста. Хищник умело воспользовался этим, лось был почти беспомощным в этом глубоком и твёрдом снегу. Борьба была жестокая. В снегу было выбито две площадки, примерно пять на пять, усыпанные клочками лосиной шерсти. Видать, из последних сил рванул сохатый к Енисею и попал на крутой склон оплывника, где почти не было снега, так как ветер его оттуда сдувает.

Волк со своими лапами и когтями получил полное преимущество. Так на своей жертве он и съехал на лёд на радость трактористам. Фёдор стоял на краю оплывшей в Енисей сопки. Внизу виделся исковерканный на льду тракторами снег. Хорошо просматривались таёжные хребты на другой стороне Енисея. От этого простора и дикости захватывало дух, поднималось какое-то волнение в груди, и он чувствовал, что без всего этого он, наверное, не смог бы жить. Фёдор представлял, как волк с этой же высоты смотрел на своих грабителей, за их суетливыми движениями и бегом вокруг его добычи. Ставя себя на место ограбленного, он догадывался, что у того творилось в волчьей душе, и он ему сочувствовал: халявщиков никто не любит. День заканчивался. Большое северное солнце катилось по горизонту. Казалось, что оно высматривает место, куда удобнее завернуть на ночлег. Световое время позволяло, и Фёдор решил пройти по следу стреляного волка. «Я ведь стрелял просто по корпусу и если попал по животу, то крови и не будет, а волосы-то срезаны пулей, так что чем чёрт не шутит».

Развернувшись, он пошёл по хребту вдоль ручья — так было легче идти. «Пройду подалее по прямой, а потом подрежу лыжню, по которой так ретиво ушёл от меня волк». Пройдя приличное расстояние, Фёдор стал подворачивать в сторону ручья и скоро наткнулся на лыжню. Сумерки уже обозначились, хоть было ещё светло, следы волчьих лап на лыжне просматривались неясно. Ямки были видны, а чтобы увидеть отпечатки пальцев и когтей, надо было наклоняться. Шаг зверя был спокойный, ровный. Фёдор шёл потихоньку по лыжне, тщательно всматриваясь в следы, чтобы не просмотреть даже маленькие бусинки крови, если они появятся. Боковым зрением не увидел, а почувствовал какое-то движение и тут же увидел волка. Он вынырнул из-под вывернутых корней метрах в двадцати. Широко расставив передние лапы, отчего его мощная грудь казалась ещё

шире, он смотрел на Фёдора в упор. Спокойный оценивающий взгляд уверенного в себе зверя. Фёдор медленно снимал карабин. В подсознании мелькнуло: «Когда это сердце успело набрать обороты, что отдаёт в висках?» Зверь стоял, не шевелясь, внимательно наблюдая за охотником. Фёдор осторожно прикоснулся к предохранителю.

Наверное, не один охотник проклял этот подпружиненный эскавсовский предохранитель. Раздался тихий металлический щелчок. Только снежная пыль взлетела на том месте, где стоял, как изваяние, волк. Вскинув карабин к плечу, Фёдор ждал появления волка, который уходил в тайгу, прикрытый корнями, как щитом. Когда тот выскочил из-под защиты, Фёдор увидел, как ему трудно делать прыжки по глубокому снегу. Волк основное усилие делал, чтобы выпрыгнуть из снега, и скорость была невысокая. В угон было бы стрелять намного легче, но зверь почему-то стал бежать поперёк, и поймать его на мушку прыгающим в облаке снежной пыли было трудно. Фёдор успел выстрелить пару раз, пока волк не подскочил к толстому кедру. За ним развернулся и стал снова уходить от него, прикрытый деревом. «Да ведь он уходит по правилам боевого искусства! Спецназовец хренов!» — восхитился Фёдор. «По такому снегу догоню», — подумал бегущий охотник, но тоже развил скорость не ахти. Сгоряча он взял высокий темп, а так как весь день ходил и вдобавок был голодный, то и силы его быстро оставили. Но надежда была, что волк, хоть и отдохнувший, может где-нибудь запурхаться в глубоком снегу и подпустит на выстрел.

Пробежав немного по волчьему следу, ещё раз восхитился этим умным зверем. Тот, отбежав на безопасное расстояние, прекратил прыжки, которые отнимали много сил, и пошёл частым мелким шагом. От этого опора у него увеличилась вдвое, и он пошёл почти поверху.

Осознав бесполезность погони, Фёдор остановился, отдышался. Идя по лыжне в обратном направлении, размышлял о произошедших событиях: увиденное и узнанное за сегодняшний день оставило в нём навсегда уважение к этому великолепному хищнику, и он открыл ещё одну страницу той жизни, которой живёт, и за это надо благодарить случай. С этими мыслями он вышел к реке. На западе полыхал красным цветом небосклон, похожий на зарево далёкого гигантского пожара. Фёдор стоял на спуске к великому Енисею, у которого сумерки размыли противоположный берег. От этого синяя даль, сливаясь на востоке с ультрамариновым небосклоном, казалась бесконечной. Опершись на посох, он пил глазами волнующую даль, вдыхал всё это с морозным воздухом и чувствовал, что он частица этого и с этим он неразделим.

Сергей Паршуткин

Камни реки Кинзелюк

Пролог

Он вздрогнул и открыл глаза. Перед его креслом стояла стюардесса. — Застегните, пожалуйста, ремень, скоро посадка, — сказала она и виновато улыбнулась.

«Чёрт бы тебя побрал, только заснул», — раздражённо подумал он и, чуть повернув голову, посмотрел на соседнее место. Жена спала. Взгляд его скользнул вниз. Ремень её кресла был застёгнут...

«Сколько лет уже вместе, а никак не привыкну к её предусмотрительности», — он раздражённо выпятил губу и отвернулся к иллюминатору.

Далеко внизу медленно проплывали облака, изредка открывая разноцветное лоскутное одеяло земли.

Мысли вернулись к проведённому отпуску...

Море его измотало. Толпы на пляжах, очереди потных раздражённых людей в кафе и всевозможных столовых — «обжорках» — выводили из себя, и на второй день отпуска он не выдержал. На утренний автобус, идущий к морю из аула, где они снимали домик, он не пошёл. Жена равнодушно выслушала его монолог о потных шеях и стадах отдыхающих, липкой воде моря и пропахшем шашлыками побережье, хмыкнула и отправилась на остановку автобуса одна.

Долго валяться в постели он не смог. Выйдя на кухню, взял кусок хлеба, отрезал колбасы, завернул всё это в пакет и вышел во двор. Солнце уже пекло. Над далёким морем стояло знойное марево.

Облегчённо вздохнув, он начал спускаться к речке Псезуапсе, что протекала рядом с аулом. Её изумрудно-синие струи манили своей прохладой, но он не торопился. Степенно, смакуя каждое движение, стал собирать хворост для костра.

«Искупаться, дорогой, мы успеем, надо сначала устроить лагерь», — подумал об этом и улыбнулся. — Какой здесь, к чёрту, бивак? Не тайга ведь...»

Странное чувство чуть шевельнулось у него в душе. Что-то знакомое, привычное, но ещё неуловимое... Он нахмурился. Привыкший к чёткой постановке задач, он не любил неясностей и неопределённости. «Ладно, разберёмся...»

Костерок он сделал маленький, как будто экономя, какой привык делать в тундре или в горах, хотя хвороста насобирал прилично.

Скоро на прутиках аппетитно зашкворчали куски колбасы. Но есть не хотелось, и он оставил это занятие на потом.

Посмотрел на горы, встал и медленно пошёл к воде. И снова это чувство...

И тогда, словно отмахиваясь от непонятных ощущений, он разбежался и, резко оттолкнувшись от берега, прыгнул в прохладу потока. Струя немедленно подхватила его и неожиданно сильно прижала ко дну. Воздуха он набрал в лёгкие немного и поэтому поспешил наверх. Но струя снова, как будто смеясь над его попытками, давила и влекла вниз...

«Не хватало ещё здесь утонуть!» — молнией метнулась мысль.

Резким движением он ушёл на глубину и, пересекая поток, вынырнул у самого берега. Волна ударила ему в лицо, и он закашлялся. Уже потом, сидя на камнях, анализировал ситуацию и удивлялся своей неосмотрительности.

Ближе к обеду лениво пожевал колбасу, запил водой и побрёл в тень огромного тополя, что стоял прямо у воды, предвкушая отдых. Вот и славненько, вот и чудесно. Часок-другой поспим, а там и обед с вином подспеет...

Как-то незаметно подкрался сон.

...Вздрогнул и проснулся. Где-то рядом ещё раз стукнули камни. Тревога неприятно царапнула сердце. Он открыл глаза и, не поднимая головы, посмотрел в сторону звука. На той стороне реки стояли мальчишки с удочками, а с ними Славка, сын хозяйки, у которой они снимали угол. Славка помахал ему рукой, и он вяло махнул ему в ответ. Спать уже не хотелось.

Он встал и пошёл к костру. Костёр почти умер. Тонкая струйка дыма, изгибаясь, тянулась к небесам. По небу ползли, как белые коровки, облака. Солнце ушло за гору, и теперь не так пекло. По долине реки потянуло прохладой.

И снова это ощущение. Он резко остановился. Вот оно, это чувство. Почти осязаемое. В голове мелькнула догадка, и всё сразу же встало на свои места. Окинув взглядом горы, облака, реку, он узнал это чувство. Такое привычное там, в ледяных горах и на бурных реках, оно просто растаяло здесь. Растаяло, но не исчезло. А теперь, как бы напоминая ему о себе, встало в полный рост. *Тревога ожидания...*

Купаться расхотелось окончательно, и он медленно пошёл к домикам аула, которые, как игрушечные, рассыпались по склону горы. Шёл, неуклюже переступая в шлёпанцах с камня на камень, и ему вспомнились такие же камни, камни таёжной реки под его ногами, но только холодные и скользкие, по которым он нёс на себе Сашку. Вдребезги переломанного и непрерывно стонущего Сашку.

Камни реки Кинзелюк...

Г. ШТУРМАН

«Его грохот нами был услышан неожиданно, и хотя мы стояли на скалистой „полке“ гораздо выше порога...»

Мы читали эту книгу и готовились к встрече с этими порогами. Не вина авторов в том, что они не в полной мере описали характер препятствий. Всё-таки — 51-й год издания. Таёжные «вертёпы», каньоны... Общее впечатление. За другим они шли сюда, и цель у них была другая — наука. Какой там сплав!

А мы пришли на эту реку совершить сплав.

Пришли... Тогда мы иронизировали, обсуждая слова альпинистов о том, что горы умеют говорить.

А горы сейчас нам говорят: «Попробуйте теперь уйти...»

Что-то я стал суеверным.

Попробуем!

Из дневника штурмана (12.08.87 г.)

/Последняя запись/

«Дождь. Устал. Опять дождь...»

Он бесконечно устал от дождя, от промозглых туманов, от тусклого, размытого пятна света на том месте небосвода, где должно быть солнце, от пахнущей тиной и потом парной влажности анорака и брезентовых шаровар.

Брезент одежды уже не держит влагу, и поэтому каждый его проход под завалами или между кустами он старается совершить максимально аккуратно, и если это не удаётся, он тихо шипит. А сознание исподволь ожидает того момента, когда ему необходимо присесть, чтобы пройти завалы деревьев: тогда в лицо ударяет, вырываясь из горловины надетого на голое тело и влажного анорака, смрадный дух прелой ткани, грязи и пота. А сверху ветви деревьев бросают на голову и спину пригоршни ледяных капель с листьев...

— Всё, больше не могу! Сесть. Отдохнуть. Формально... — и он сел, вернее, рухнул на пропитанный водой мох.

Звуки... Десятки звуков окружают его.

Туп-туп-туп...

«Дождь. С листа на лист...»

Шу-у-у...

«Ручей, который я только что перешёл...»

Тра-тра-тра...

«Вот и кедровки заорали. Скоро дождю конец, Звука шагов по тропе не слышу, значит, я один...» — он отодвинулся от ствола дерева, к которому прислонился спиной, и, наклонив голову к тропе, прислушался.

«Река, что протекает внизу, не шумит. Странно, неужели я ушёл так высоко по склону? Да и ладно, здесь бы он уже кричал... А крик в каньоне я услышу! Значит, он ниже, гораздо ниже! Или?.. Прочь мысли! Прочь!»

Смятая банка из-под тушёнки для приготовления чая с собой, в маленькой сумке на поясе,— вот она. Там же нож, спички в непромокаемой упаковке и маленький свиток бересты. Брусничный лист — рядом. «Горячий чай сейчас просто необходим — иначе сдохну». Мысли сбивали одна другую. «Ведь неизвестно, сколько мне ещё его искать. Пока не найду — не уйду! Не думать! И об остальных не думать! Их там трое, а Сашка... Спички и костёр. Чётко и спокойно».

— Собраться и сделать! — проговорив это вслух, он огляделся по сторонам и встал.

Пройдя по тропе ещё метров тридцать, вышел на открытое место и остановился, осматривая склон. О сухих дровах, или, как говорят охотники, «сушняке», не приходится и мечтать. Дождь две недели подряд, крутые склоны, заросшие ивняком. Ни одного кедра поблизости. Справа, из глубокого распадка, дополняя мрачную картину, серой змеей высунулась «головка» конуса лавинного выноса. Посидел, сосредоточенно глядя прямо перед собой.

Вынос. Вынос... Вынос!!!

Через полчаса он уже насобирав кучу дров (того самого сушняка), бродя по периметру конуса. Лавина в Саянах — чистильщик распадков, и она выносит из глубины гор всё, что оказывается на её пути.

Обтёр руки о мокрый насквозь анорак, критически осмотрел их и, страдальчески сморщившись, запустил обе ладони под резинку шаровар. Греть и сушить руки таким способом его научили эвенки. Этот приём всегда спасал, надёжно и безотказно.

Пламя костра успокоило...

...Два этих проклятых камня показали из-за поворота совершенно неожиданно, и резкий удар о них поставил катамаран на дыбы. Скала, которая казалась такой далёкой и безобидной, вдруг начала «валиться» на правый борт, заслоняя небо с мертвенной неизбежностью. От несуразности происходящего мгновенно пересохло во рту.

Не может быть! Ведь мы такие... Ведь так всё!..

И холодный поток поглотил его. Широко открытые глаза фиксировали мириады белых воздушных пузырей, которые рвались вверх и окружили тёмное тело катамарана там, наверху...

Ужас, животный ужас пронзил его сердце. Руки судорожно попытались вскинуться вверх. Но весло, которое он удержал в правой руке, теперь выворачивало эту руку и не давало выйти ему на поверхность. Старенький спасательный жилет не мог справиться с навалом такой огромной массы воды.

Снова стало темно, затем опять мелькнуло тёмное тело в изумрудном свете... Снова темно... И удары, вернее — шершавые скребки по всему телу. Рук и ног не было. Не было ничего, кроме этой дикой силы, которая мяла, выворачивала и гнула его тело...

Костёр — это было сейчас совсем неплохо. Он жадно вдохнул горячий воздух с дымом и судорожно закашлялся. Откинувшись назад и протирая рукой глаза, он увидел — нет, скорее, в сотые доли секунды проанализировал представшее перед ним...

На противоположном от него берегу каньона, среди мешанины вывороченных половодьем корней, наплывов грязи и останков горелого стланика, маячило яркое алое пятно спасательного жилета. Сашка!!!

Жаром полыхнуло по лицу. Он вскочил и, не разбирая дороги, бросился вниз, сквозь заросли ивняка.

«Только бы, только бы, только бы...»

Выскочив на склон, покрытый каменистой россыпью, и увидев реку, он закричал, как раненый зверь.

Река не оставляла ему ни малейшего шанса. До этого весёлая, изумительно красивая, подмигивающая разноцветными искорками радуг на султанах пенных валов, теперь она превратилась в исчадие ада: тяжело ворочающийся, грязный, даже на вид отвратительный поток вызывал омерзение и страх. Его утробный гул, казалось, тянул в сырую пасть каньона.

Лихорадочно оглядев крутой склон, он начал спускаться вниз. — До кустиков. Только до кустиков — и там отдохну. Боже, как же я... — шептал он.

Это были не кустики, а верхушки деревьев: вершины елей подступили к самым скалам и сверху казались безобидной порослью.

Уже поняв свою ошибку, он инстинктивно, как кот, перевернулся в воздухе и упал на живот. Левая рука ударилась о крупный камень, отчего на запястье расстегнулся и теперь, матово поблёскивая, свободно болтался браслет с часами. Уже позже, вспоминая, как всё происходило, он совершенно ясно припомнил, что тогда стрелки часов показывали одиннадцать тридцать.

2. БЕРЕГ

Курумы — значительные по площади скопления горных пород, залегающие в виде плаща на горных склонах и вершинах. Курумы, испытывающие поступательное движение вниз по склону, нередко образуют каменные реки.

БСЭ, т. 12, стр. 226

Курумник! Всё!

Цепляясь обеими руками за камни, он явственно, всем телом, чувствовал слабое, но равномерное движение камней вниз. Неужели каменная река?!

подавляя в себе желание оглянуться через плечо, он, уткнувшись лицом в камень, резко, как мог, разбросал в стороны ноги и руки и затих. Движение потока камней не прекратилось. Бежать! Вскочить и бежать!

По камню, в который он уткнулся головой, тихонечко полз какой-то паучок... И эта обыденность текущей рядом с ним жизни поразила его. Нет, не поразила — успокоила. Скосив глаза в сторону, он увидел, что лежит, вернее, медленно «проплывает на камнях» рядом с маленьким, не более метра, замшелым островком земли. Ошмётки мха, две побитые камнями кочки и чахлое деревце. Но всё это разместилось на кусочке земли! Решение пришло мгновенно. Не раздумывая, он швырнул себя к этому оазису жизни! И уже в последний момент успел схватиться за комель деревца. В то же мгновение раздался гул рухнувшей в пропасть каменной массы...

Трясущейся рукой он вытер лицо. Под ладонью чувствовалась каменная крошка. Сидя на островке, он видел, как ещё продолжают падать в реку камни, поднимая фонтаны грязной воды. Ухмыльнулся, подумав: «Паучка, бедолагу, жалко...»

Медленно, выбирая наиболее крупные камни и опираясь на них коленями, а порой и локтями, он начал двигаться вверх. «Не бояться! Главное — не бояться! Доча моя маленькая! Держи меня своими слабенькими рученьками!» — так он шептал всегда, когда ему приходилось выполнять опасную работу или принимать сложное решение.

Время застыло. Медленно, как в тугом тумане сна, он двигался вверх по стенке обрыва. В некоторых местах это был почти отвес... Но всё же настал тот момент, когда его глаза увидели траву, покрывающую край этого жуткого провала. Ещё рывок — и он выполз на ровную и твёрдую площадку над обрывом. Лёжа на спине, он чувствовал, как жаром горит его лицо. Перед глазами колыхались ветви стланика, сквозь которые он видел кучеряшки облаков.

«Края, края-то у них какие-то плоховатые, серые. Не дай Боже...»

И, словно подслушав его тревожные мысли, за ближайшей горой глухо проворчал пока ещё далёкий гром. Из распадка, словно чей-то слабый выдох, вырвался и умчался вниз по реке порыв свежего ветра. Верхушки деревьев закачались, зашумели.

«Вот только этого мне сейчас и не хватало!» — от досады он сжал зубы.

Затем встал и начал медленно подниматься на верх каньона. Подъём не занял много времени. Взгляд его устремился на то место противоположного берега, где тревожно алело яркое пятно. — Как капля крови... Тьфу ты, чёрт подери! Не об этом надо сейчас. Не об этом! Спуск! Надо найти спуск к воде. И перестань хлюпать соплём, сволочь! — вслух обругал он себя.

Обогнув огромный обломок скалы, вышел к узкой расщелине, которая, как ножом прорезав скальную гряду, спускалась к самой воде. Движения его сразу же стали мягкими, как бы вкрадчивыми. Перед ним тотчас исчезла тайга и отошли на второй план звуки, что окружали его. Он начал спускаться по расщелине к воде. Его ладони

нежно обхватывали гребни камней, колени прижимались к изгибам скал и провозжали движение тела до момента отрыва от камня...

И вскоре под подошвами его ботинок закрипела галька берега. Вернее сказать, это было некое подобие берега. Маленькая, не более двух метров в длину, коса, местами покрытая слоем наносной грязи. На ней не было ничего, что подошло бы для организации переправы. Ни брёвен, ни коряг — ничего.

— Скучно, дядя. Надо снова вверх. Травку-то мы там, наверху, найдём. И анорак-то мы ею, родимой, набьём. А вот спасательный жилет зря сбросил, пока бежал... — говоря это, он начал движение вверх.

Поднявшись на борт каньона, начал рвать руками сочную траву. Куча сорванной травы росла медленно, но он и не торопился. Эта операция была на данный момент самой ответственной.

Примерно через час он остановился, критически посмотрел на кучу травы и остался доволен сделанным. Снял пропитанный потом анорак, завязал узлом его рукава, застегнул молнию ворота и начал набивать этот псевдомешок травой. Вскоре перед ним на траве лежало чучело без ног и головы. Расшнуровал ботинки и одним шнурком перевязал поясную часть анорака. Второй шнурок он разорвал пополам и снова очень тщательно зашнуровал ботинки. На комаров, которые безжалостно жалили его голый торс, он не обращал никакого внимания. Посидел на пенёчке, чувствуя, как внутри всё сжимается и в ушах возникает тонкий-тонкий звон. Затем поднялся и, взяв на руки смешно растопыренного уродца, начал спускаться по расщелине. Снова подул ветер, но уже сильный. Порывы его гнали рябь по реке. Начинался мелкий дождь.

«Дождь в дорогу — к счастью!» — с этой мыслью он вошёл в воду...

3. ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ШАГОВ

Шатаясь и судорожно прижимая к себе штормовку с остатками травы внутри неё, он вышел на противоположный от места старта берег. И буквально рухнул на камни.

Дождь, который слегка накрапывал перед началом его переправы, теперь превратился в ливень. Вся поверхность реки буквально кипела от вздувающихся воздушных пузырей. Над водой начал подниматься тонкий слой тумана.

«Отцу... Сейчас бы... Бутылку... За куртку... За...» Дыхание сбилось, и он, чтобы успокоиться, откинулся спиной на валун, закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Перед его глазами возникли эпизоды далёкого детства. Маленький, затерявшийся в якутских горах посёлок с необычным названием Аллах-Юнь. Название своё он получил от имени реки, на берегу которой расположился. Сухое и очень жаркое лето шестьдесят восьмого года. Бесшабашные мальчишки на «купалке». Так они, пацаны посёлка, называли процесс купания в реке. Но купались они

не в самом Аллахе, как сокращённо называли реку, а в речной протоке, которую образовала река. Тихая, неглубокая и умиротворённая по сравнению с «шипящим» течением самого Аллах-Юня, протока не вызывала опасения у родителей, и поэтому они отпускали мальцов на «купалку» спокойно.

Кто тогда высказал мысль переплыть Аллах, он не помнил, но вызвались двое. На самом деле к реке, что текла в ста метрах от протоки, побежали все.

Гаддя и смешно подтягивая на бегу чёрные сатиновые трусы, толпа мальчишек ринулась на берег Аллаха. Он так же свистел и улюлюкал, как все, когда бежал. Но одно он запомнил — запомнил на всю жизнь. Спины... Потные спины бегущих впереди, спины тех, кто мешал ему разогнаться перед прыжком в воду.

Он был из тех двоих, кто решился...

Разбег и толчок. Последнее ощущение берега — тёплая, нагретая солнцем галька под пальцами ног. Она знакомо хрустнула, отдавая тепло ступням.

И сразу же холодный поток реки подхватил его. Он вынырнул, взмахнул несколько раз руками. Скорость течения была слишком большой. Его сносило «по стрежню». И перебить эту струю, в силу своих мальчишеских возможностей, он не мог.

«Не борись, никогда не борись с водой!» — эти слова отца, сказанные год назад, вдруг явственно прозвучали в его душе. И как бы подсознательно, внемля словам отца, он перестал биться с потоком, поднял голову, мельком увидев заснеженные вершины массива Тарр-Баганнах, и перевернулся на спину. В этом стиле плавания — на спине — ему среди пацанов посёлка не было равных. Он резко выдохнул и сориентировал положение тела относительно главной струи.

«Вдох. Выдох. Задержка. Вдох. Выдох. Работать! Задержка...»

Темп движения он набрал приличный, и вскоре его руки коснулись противоположного берега Аллаха. И только на берегу его обуял страх: он остался один, потому что второй мальчик вернулся обратно, не проплыв и десятка метров. В сознание начало закрадываться сомнение в том, что он сможет переплыть обратно. Он долго сидел на берегу, пытаясь собрать силы и отогнать страх. Мальчишки, которые свистели ему и махали руками с того берега, затихли, почуввав неладное. Он встал и пошёл по берегу вверх по течению реки, зная, что таким образом он сделает свой снос минимальным.

Взгляд его лихорадочно перескакивал с предмета на предмет, мысли никак не настраивались на нужный лад. Он медленно шёл по песку, и вскоре стайка мальчишек скрылась за поворотом. И тогда он шагнул в воду и медленно поплыл, подсознательно боясь удалиться от берега. Но течение реки само плавно отнесло его почти к противоположному берегу. Сделал последний рывок — и, когда его ноги почувствовали дно, он встал и заплакал. Плакал навзрыд, захлёбываясь

и поскуливая. Но в это же время чувствовал, как в душе рождается новое, неизвестное ему до этого чувство.

Победа! Это была настоящая победа!

Из воспоминаний его вывел холод. Он начал освобождать куртку от остатков травы. При этом руки тряслись, а взгляд постоянно возвращался к краю того участка берега, который виднелся из-за скалы. Там, за этой покрытой плесенью и мхом скалой, сверху он видел неподвижно лежащего Сашку...

Страх.

Страх бестолково метался в голове серой птицей, сбивая чёткие углы опыта и уверенности. И опереться сейчас он не мог ни на кого. Ватно, будто чужим взором, он видел, что на той стороне каньона, в улове, бьёт волною о скалу и треплет кевларовое весло.

«Наше. Кто-то упустил при повороте катамарана... Все там,верху. Его одного сюда принесло. Всё, надо к нему...»

И он, отбросив в сторону штормовку, решительно направился к скале...

...Руки Сашки были совсем холодные.

— Саня! Только не молчи! — он мычал эти слова, рыдал их сквозь зубы.

Взгляд его перебирал резкие куски действительности. Камень, серый мох на нём в капельках влаги... Сломанная ветка вся в грязи... Ему хотелось проснуться, убежать от этой невозможной действительности, умереть... Ему казалось, что где-то глубоко внутри его, внутри насмерть перепуганной души встал и действует кто-то другой, а он просто смотрит на всё происходящее сторонним наблюдателем.

«Рот... Чисто. Плоский камень под шею... Бог с ним, с затылком. Некогда. Позвоночник... Не знаю. Прямо положить, на всякий... Жёлтый холод рук Саши... Потом тереть... Вдох. Ладони на сердце. Выдох в рот!.. Ну, давай!.. Вдох. Ладони! Выдох!.. Ну, давай же, давай! Не могу больше... По щекам!.. Сашка!!! Ху-ху! Вдох. Умираю...»

Всклип! И тут же тёплая струя ударила ему в лицо.

Стерев со своего лица Сашкину рвоту, он перевернул его на правый бок.

— Умничка ты мой! Я сейчас поднимусь, и мы тебя посмотрим! — он говорил это, глядя на содрогающегося в припадках рвоты Сашку. — Руки-то, руки какие вялые... Даже сжать кулаки не могу. И покалывает их. Неприятно...

Вернувшись за скалу, он развязал штормовку и, вытряхнув остатки травы из неё, оделся: «Ну, золото моё, держись!»

Бегло осмотрел и ощупал руки и ноги Саши, особо обращая внимание на суставы: «Перелом, ещё перелом... М-да. гематомища-то какая! Опять перелом. А вот здесь... Нет, не уверен!»

Окончив осмотр, он снял с Саши спасательный жилет и оторвал от него все ремни. Подойдя к завалу деревьев, выбрал ствол с очень

толстой корой и ударами камня стал сбивать её целыми пластами. Вернувшись к неподвижно лежащему товарищу, начал прикладывать к местам переломов его рук и ног пласты коры, плотно перевязывая их ремнями от спасжилета: «Какие-никакие, а всё-таки шины».

Вскоре эта скорбная работа была закончена.

Рывком подняв друга, он подсел под него и взвалил на своё плечо. Постоял немного, как бы привыкая к ноше, и двинулся вдоль кромки воды, шатаясь и неуклюже переступая на скользких прибрежных камнях...

...когда впереди снова замаячила скала.

«Опять скала! И пройти вдоль неё по воде не смогу — глубоко. Надо вверх — на прижим взбираться. А как?! С Сашкой-то как?!» — снова волна отчаяния рвала его душу в клочья.

Он осторожно опустил свою ношу, стараясь не обращать внимания на стоны, сел на камень и задумался. Сколько прошло времени с того момента, как он начал нести Сашу, он не знал — потерял часы при переправе.

Два первых прижима дались легко.

— Славно, что он весит, как рюкзак... Опять потерял сознание. И что делать теперь? Что делать?! — он проговаривал это вслух, пытаясь найти ответ.

Ответа не было.

Идти, только идти!

И снова перед его глазами начинали мерно, в такт его шагов, качаться ветви ивняка.

Сначала он шёл, неся на себе Сашу. Затем он полз, таща его за собою. «Тропа, где тропа? Умираю, мать... Воды... Сейчас тебе будет вода — опять скала...»

Мох сползал под грузом тела. Мох мешал, мох раздражал. Он тянул Сашку по мху под брёвна завалов, затем переползал через брёвна сам, поднимал его гуттаперчевое тело, переваливал через следующие, сгнившие, покрытые мхом стволы, затем снова переползал сам... Сбивал со сгнивших стволов деревьев острые сучья — «поторчины», снова поднимал тело...

И снова скалы. И снова мох. Мох, сырой мох... Ничто не держит!

А руки цеплялись и цеплялись...

Шесть километров. Шесть тысяч шагов. Саша умирал на каждом из них.

Шесть тысяч смертей...

Эпилог

...как резко увеличился шум двигателей, и стукнули колёса шасси о бетон взлётной полосы. Он открыл глаза.

«Уважаемые пассажиры! Наш самолёт произвёл посадку в аэропорту „Емельяново“ города Красноярск. Просим вас не вставать с кресел до

полной остановки... Температура... Дождь... До города вы можете доехать на... Командир корабля...»

Спускаясь по трапу, он увидел лужицы воды на асфальте взлётной полосы. Лужицы от дождя, в которых отражались разноцветные огни аэропорта.

Навстречу ему бежала младшая дочь. Бежала, раскинув руки, желая обнять. Так торопилась к нему, что даже уронила букет! Доча, доченька...

...Лужицы от дождя, а вернее — озёра. Озёра в открытых глазах Сашки. Озёра, в которых отражался Кинзелюкский водопад.

Я его не донёс...

Олег Шемякин

Вечные загадки

Карлик Нос

Лёшка шёл по ключу, еле волоча свинцовые ноги, притороченные брезентовыми ремнями к тяжёлым камусным лыжам, покрывшимся льдом после того, как он провалился в наледь под снегом. Страшно хотелось горячего чая и курить. С утра он взял с собой только три сигареты, чтоб не тратить время на перекуры. В обед он не варил себе чай, а перекусил всухомятку сухарями, на ходу заедая снегом: надо было успеть закольцевать два путика. Сегодня ему это удалось, и он соединил две больших охотничьих тропы по сторонам большого ключа. Теперь он сможет проверять их за один дневной ход.

Впереди постоянно виднелся мыс, за которым оставалось всего триста метров вверх по ключику до заветного зимовья. Временами Лёхе казалось, что ему не хватит сил дотянуться до него. Ноги гудели от напряжения, глаза заливало солёным потом. Лыжи то и дело запутывались в ернике, и чтобы протащить их, приходилось невероятным усилием напрягать ватные мышцы. Стало смеркаться. Заветный мыс никак не приближался, и временами казалось, что даже удалялся. Наконец Лёшка вышел на лыжню, поворачивающую к зимовью, и, подойдя к двери, перевёл дух. Не сгибаясь, сдёрнул таяком (посохом) ремни крепления, затем юксы и, сойдя с лыж, снял понягу. «Сашки ещё нет, странно!» — подумал он. Лыжня была непонятная. Саня обычно приходил раньше его. Сам Лёха всегда пытался объять необъятное и постоянно запаздывал, хотя ходил быстро и помногу. Краем глаз он заметил, что из трубы парил бесцветный дым, но не придал этому значения. Отворил дверь и шагнул вперёд, лицо обдало теплом. В зимовье было темно, но протоплено. «Сашка, видимо, был, но куда-то вышел», — подумалось Алексею.

Надо было пройти к столу и зажечь керосиновую лампу. Он стал вглядываться в сумрак, и вдруг холод пошёл по спине, а волосы зашевелились под шапкой. На фоне окна он увидел непонятное маленькое существо, сидящее боком к нему, с непропорционально огромным изогнутым носом, горбатой спиной, небольшими ручками и огромными кистями. «Что за чертовщина? Откуда здесь этот Карлик Нос?» — подумал ничего не понимающий Лёха и шагнул назад. Ощущение присутствия нечистой силы холодком окатило сознание.

— Ты кто? — напряжённо выдавил из себя он.

— Конь в пальто! — грубо ответил знакомый голос, но как-то будто из глубины сознания.

— Саня, ты, что ли?

— А кто ещё? — послышался ответ.

Непонятное существо вдруг вытянулось, расправив горб, загло спичку и, подпалив фитиль лампы, надело на неё стекло, повернулось к Алексею. Нарастающий, разгорающийся свет осветил лицо, и только теперь Лёха понял, что это Сашка, только у него нос вдвое больше обычного и с рваными ранами на кончике.

...Саня бежал на лыжах по своему путику, впереди оставался последний непроверенный капкан. Он уже начинал сильно сомневаться в своих способностях стать настоящим охотником на промысловой охоте. Уже прошло две недели, как он выставил капканы на «подрезку», а удачи всё не было! Преддипломная промысловая практика пятикурсников подходила к концу. Оставалось всего-то пятнадцать дней до их с Лёхой выхода из леса, а на его счету ещё не было ни одного соболя. Вроде и тропы были, и сбежки, а соболев не бегал по ним, и всё тут! Вот вернутся они в родной институт, начнут однокурсники спрашивать на первой же гулянке в общаге, сколько Сашка соболей добыл, а ему и сказать будет нечего! Так, за грустными мыслями, и не заметил Саня, как подбежал к последнему капкану. Вот и валежина, где он ставил капкан. Однако в месте, где должна стоять ловушка, был пустой полуметровый промежуток свалившегося снега. «Блин, лось перешёл как раз по тому месту, где стоял капкан, и всё испортил!» — подумалось Сане.

Подойдя ближе, он увидел, что никаких следов копытных рядом не было, но по колоде до ловушки шёл совсем свежий след соболя. Сердце ёкнуло и забилось ритмичней. Сашка понял, что первый в его жизни соболев попался в его ловушку. Зверёк, свалившийся вместе с комом снега за валежину, выбив снег в радиусе метра, подался вместе с потаском, привязанным к капкану, в сторону. Саня снял лыжи и, перемахнув одним прыжком через высоко лежащее от земли дерево, пошёл по следу. Через несколько метров он увидел запутавшегося цепочкой за небольшой кустик ольхи живого тёмного баргузинского соболя с ярко-жёлтым пятнышком на горле. Совсем недавно попавшийся зверёк, заметив человека, сгруппировался для прыжка и начал упреждающе урчать. Сашка остановился и громко заорал на всю тайгу что-то нечленораздельное, подняв правую руку, сжатую в кулаке вверх, выпустив из себя весь пар!

«Я всё-таки сделал это!» — судорожно крутилось в его голове. Мегапорция адреналина и серотонина вплеснулась в его кровь. Настроение взмыло вверх, словно ракета, стартовавшая с Байконура. Ему захотелось плясать, петь и лететь над тайгой одновременно. Сняв со спины мелкокалиберную винтовку, он на радостях выстрелил в воздух несколько раз. Немного успокоившись, Саня решил принести

этого красавца живым в зимовье и показать товарищу. Сняв со спины пустой армейский вещмешок, Сашка развязал его и, ловко наступив ичигом на капкан, прихватил шубенками вцепившегося в суконные штаны соболя за его длинное тело, долго разглядывал его, затем забросил в рюкзак, мгновенно затянув петлей из лямок. Закинув мешок за спину, он надел лыжи и побежал в зимовье своим следом.

Пробежав половину пути, он страшно захотел ещё раз посмотреть на соболя. На его бусинки глаз, светящиеся зелёным фарфоровым цветом откуда-то изнутри, на очень яркое жёлтое горловое пятно и забавные ровные строчки точек на мордочке, из которых торчали усы-антеннки. На его большие уши-локаторы с закрученными внутрь волосками и на влажный бархатистый носик. Сашка больше не смог сдерживать своё желание и остановился. Ещё ему было необходимо убедиться, что затихший соболя не сбежал. Не снимая лыж, он присел на корточки, снял рюкзак и осторожно развязал его. Немного приоткрыл и сразу не смекнул, для чего зверёк сжался пружиной на дне. Приоткрыв чуть больше, Саня механически опустил голову и тут заметил бросок, но не успел увернуться и заорал от боли. Соболя вцепился ему прямо в кончик носа. Он пытался оторвать от себя зверька, чем вызывал невыносимую боль.

Немного переведя дух, он попытался раздвинуть челюсти зверька пальцами, но всё было напрасно — соболя свёл челюсти в неразгибаемый стальной замок. Судорожно размышляя, Сашка принял решение придушить зверька, но даже это не сразу помогло. Зверёк ещё больше сдавил его нос, да так, что слёзы брызнули из глаз. Саня терпел! Сдавлив одной рукой грудь, он нащупал трепещущий моторчик и стал пытаться сдавливать его пальцами. Ощущение тельца большого мотылька, бьющегося об стекло, которое ловишь рукой, а оно постоянно выскользывает и перетекает бесформенной массой, покрытой шелковистой пылью, между кончиков пальцев в разные стороны... Наконец зверёк начал терять сознание, ослабевая хватку, и отпустил Сашкин нос, став судорожно глотать воздух. Охотник бросил в рюкзак полуживое тело и резко затянул петлю. Алая кровь крупными каплями окропила снег и его лыжи. Схватив рукой комок снега, он приложил его к носу. Немного остановив кровь, Саня забросил за плечи рюкзак и пошёл быстрым шагом, постоянно меняя снежки. Настроение резко упало.

«Ну почему эта хрень случилась именно со мной?» — горестно размышлял он. Через час он почувствовал сначала покалывания иглой, потом потукивание молоточком, а затем уже тяжёлое постукивание маленькой кувалдочкой по «наковальне» носа. Он слышал от охотников, что зубы соболя очень зловредны и рана от его укуса обычно нарывает, если вовремя не обработать её каким-нибудь септиком.

Вернувшись в зимовье засветло, он первым делом схватил зеркало с умывальника и, взглянув в него, ужаснулся: его и так выдающийся

нос — самое больное место самолюбия — стал вдвое больше! Теперь он стал шнобелем, рубильником, хоботом и всем чем угодно, да только не носом!

«О ужас! Как будет ржать Лёха! Наверняка всё расскажет в институте! Ещё и насочиняет типа того, что я целовал соболя, вот он меня и укусил! Блин, вот я попал!» — крутилось в его голове. За грустными мыслями время пролетело незаметно. Сашка услышал, как взлаял Флинт — привязанный на цепочку кобелёк. Снял стекло с лампы, он хотел было зажечь свет, но передумал и решил сначала предупредить Лёшку, чтобы тот сильно не смеялся над ним. Рядом с дверью заскрипел снег и загремели лыжи. Саня, сидевший возле окна, вжался в нары, ему захотелось от стыда провалиться под землю...

Услышав рассказ Сашки, Лёшка закатился от смеха, затем упал на нары, катаясь в судорожной истерике и хватаясь за обессиленный живот. Иногда он стучал рукой о брёвна стены, словно измождённый борец на татами, просящий пощады у противника, применившего болевой приём! Через некоторое время Саня, не выдержав этой картины, тоже повалился на нары. И они оба хохотали до слёз, до полного иступления и изнеможения...

БАБУШКА ГРАНЯ

Нет в России ничего загадочнее, чем душа русской женщины! Все наши женщины вытерпели, выждали и пережили...

Моя матушка работала всю жизнь, как ломовая лошадь, чтобы прокормить и дать хорошее образование нам, троим её детям. Мы тогда не понимали, насколько ей тяжело. Мама была скорняком от Бога и после работы часто приносила домой вместе с гостинцами работу и шила до ночи. Уж очень хотелось ей красиво одевать и вкусно кормить нас. В детстве всё воспринимается как должное, забот мы не знали, занимались в музыкальных школах, ходили в спортивные секции, учились и не осознавали, какой ценой всё это давалось.

Понимая, как тяжело матери, отец уговорил её привезти из Бельска, деревушки, стоящей на берегу Ангары в Красноярском крае, свою мать, мою бабушку, Полежаеву Глафиру Леонтьевну. Она никогда бы не уехала из родной деревни, но не смогла отказать сыну, понимая, что троим детям нужны присмотр и хорошее питание. Занятые на работе родители этого дать не могли. С пожитками, которые входили в один картонный чемоданчик, перевёз её отец в Иркутск, в нашу маленькую трёхкомнатную хрущёвку на пятом этаже. Там все мы и жили.

Баба Граня, как мы её звали, сразу полюбила всех внукам. Это был человек огромной душевной доброты, человечности и бескорыстия. Мне больше всего запомнились её постоянная лучезарная улыбка, морщинки по углам прищуренных, с лёгкой хитринкой, глаз и светлый ситцевый платок, всегда укрывающий её поседевшую от

постоянных душевных переживаний голову. Вышло, что бабушка участвовала в нашем воспитании больше мамы, которая постоянно была занята. Мы вместе с бабушкой пропадали целое лето на семнадцатом километре Байкальского тракта, на небольшой даче, которая находилась на лесной поляне между двумя заливами Иркутского водохранилища.

Бабушкина речь изобиловала русскими прибаутками и поговорками, на первый взгляд казалась грубой и деревенской, но только теперь я понимаю, насколько она была складной, замысловато отточенной и по-житейски мудрой! Она могла одной поговоркой прекратить детские споры или дать точный приговор нашим шалостям.

Например, если кто-нибудь из нас пытался что-то скрыть от неё или обмануть, она могла грубовато сказать: «Вот хитрый Митрий! Накрал в штаны, а говорит — заржавело!» После таких слов, словно крапивой по губам, надолго пропадало желание говорить неправду. Если кто-нибудь делал недовольное выражение лица, ему тут же перепало: «Морда с квасом!» Когда кто-то обещал сделать что-нибудь, но не сделал, бабушка обязательно заставляла исполнить обещанное словами: «Взялся за гуж — не говори, что не дюж!» — или: «Назвался груздем — полезай в кузов!»

Однажды наша соседка по даче сказала бабушке, когда та, по обыкновению, копошилась в огороде: «Леонтьевна, сегодня же воскресенье, работать-то грех!» На что она, не задумываясь, ответила: «Работать никогда не грех! Грех не работать!» А работала она с раннего утра до позднего вечера. Даже долгими зимними вечерами баба Граня не могла сидеть без дела и либо, привязав овчинную шерсть к спинке стула, пряла пряжу, что делала невероятно быстро и умело, либо вязала тёплые носки на спицах, а иногда из разноцветных полосок ненужных обрезков тканей плела крючком яркие цветастые коврики с узорами.

К религии бабушка относилась по-своему: вроде верила в Бога, но в церковь не ходила и не была особо набожной. Нас к вере не приучала. Однажды я её спросил, почему она никогда не ходит в церковь. Бабушка ответила, что не верит попам с детства, так как однажды молоденькой случайно видела, как их деревенский поп во время поста объедался мясом и рыбой, запивая кагором. Однако я замечал, что когда мы шли на залив, она всегда тайком нас крестила.

Землю она любила какой-то необыкновенной, по-видимому, настоящей крестьянской любовью, относясь к ней как к живому существу, называя её матушкой, и та отвечала ей особо богатыми урожаями. Я помню выращенную ею сахарную морковь, душистую репку, молочный горох, который мы жевали вместе со сладкой шкуркой, хрустящие огурчики, сорванные из парника, и необыкновенно ароматные помидоры, которые мы, дети, поедали по мере созревания с утра до вечера, разбавляя огромной клубникой и малиной, крупными бусинами чёрной смородины и кисло-сладкого крыжовника.

Несомненно, у русского человека генетическая память крестьянина — наверное, поэтому у нас такая любовь к садоводству, дачам, а теперь и к коттеджам, где мы готовы стоять всё лето кверху задом и, хоть оно нередко и себе дороже, выращивать свежие овощи и фрукты.

К нам на дачу постоянно приезжали сводный дядя Амир и двоюродный брат Сашка, которые были старше меня на два года. С ними мы днями пропадали на рыбалке, и бабушка, иногда по сумеркам, разыскивала нас на заливе с прутом в руке, но никогда не пользовалась своим грозным оружием. Рыбы было в то время много, и мы приносили домой иногда полное ведро ярких шершавых окуней, красноглазой сороги и полосатых щук. А бабуля сразу же по несколько сковородок жарила их нам, с тонкой хрустящей корочкой из муки, а излишки раздавала соседям.

Бабушку все любили за её доброту. Соседи по даче знали, что в их отсутствие она откроет или прикроет им теплицу, а если будет сухо, то ещё и обязательно польёт грядки. Когда она стряпала, а стряпала она вкусно и часто, то непременно угощала соседей по даче или по лестничной площадке своими ватрушками с творогом, румяными булочками или пирожками с разными начинками. На её добро люди по возможности отвечали тем же.

Бабушка Граня незаметно приучала нас с детства к труду. Под её руководством мы каждое утро и вечер поливали грядки из ведёрных леек, ходили за родниковой водой в студёный лесной ключ за полтора километра от садоводства и обязательно раз в неделю — за дровами, собирали сухие деревья и ветки. Рубить живые нам строго-настрога запрещалось. Затем со словами: «Сделал дело — гуляй смело!» — она «с Богом» отпускала нас на рыбалку.

С особой любовью она относилась ко мне, единственному мальчишке в нашей семье. Когда шли затяжные дожди и мы сидели дома, бабушка затапливала печь и просила меня поиграть с ней в карты. Знала она только одну игру — подкидного дурака. Я с удовольствием играл с ней под треск дров. Мне всегда везло в карты, а она удивлялась, как это я, такой маленький, умудрялся постоянно выигрывать. Может, в азарте, а может, по слабости зрения она могла положить не ту карту. Тогда я стыдил её, а она долго извинялась, иногда со стыда закрывала лицо ладонями. Если мы играли последнюю игру и она оставалась победителем, то обязательно просила сыграть ещё разок, чтобы я, ребёнок, как она говорила, не ходил в дураках. А ей уже вроде как не страшно. В таких баталиях я многое узнавал: бабуля иногда разговаривала со мной как со взрослым, рассказывала о своей тяжёлой жизни.

Замужем она была дважды. В первый раз выдали родители без её согласия, и она сбежала от мужа на следующий день после свадьбы. Уже была советская власть, и её не вернули обратно. Второй раз, как она говорила, «сошлась» с моим дедом Иннокентием. Это была

настоящая, наверное, неземная любовь, и при мне она всегда называла его очень ласково — Кенночкой. В этой любви у них родилось два сына, и они были счастливы, но недолго.

В сорок первом, когда её старшему сыну, моему отцу, было всего три года, началась чудовищная Великая Отечественная война. Деда призвали в конце этого же года, а в сорок третьем он погиб в Черниговской области тогда ещё союзной республики Украина, можно сказать, по нелепой случайности. Бабушка однажды встретила его друга и однополчанина, и тот рассказал ей, как всё произошло.

Шёл бой за важную узловую станцию, дед был в окопе, когда его ранило немецкой пулей в правое предплечье. Его перевязали товарищи, но он не мог больше стрелять. Ранение было сквозное, с таким обычно отправляли на поправку домой, и он сказал другу, что поползёт в санчасть. Тот, конечно же, посоветовал не дурить и дожидаться конца боя, до темна оставалось совсем немного, но Иннокентий мыслями уже был дома. В последние дни он постоянно думал о родной деревне, о любимой Глаше, о своих маленьких мальчишках, которые ему всё время снились, и, не выдержав, вдруг вылез из окопа и пополз по низине, небольшим ложком, где он был, как ему казалось, недосягаем для пуль...

Мина, вылетевшая из ствола вражеского миномёта, долго и нудно свистела, напряжённо покачивая хвостом в воздухе, летя по замысловатой дуге. Ей, по большому счёту, было всё равно, где разорваться на мелкие кусочки. Но тут произошла необъяснимая случайность, когда в огромном поле снаряд находит именно тот несоизмеримо малый объект, которому в данное мгновение больше всего на свете хочется жить, поскорее попасть в родимый дом и обнять своих бесконечно любимых, до каждой клеточки родненьких человечков! Мина накрыла деда прямым попаданием...

Однажды я спросил бабушку: «А почему ты после войны больше не вышла замуж? Ведь ты же у нас красивая и добрая». Она ответила, что предложения были, но когда дед Кеша уходил на фронт, он, глядя прямо в глаза, попросил дать ему слово не выходить замуж, пока не вырастут дети, если он погибнет. Ему очень не хотелось, чтобы детей воспитывал неродной отец! И она дала, а главное, сдержала своё слово! У неё больше не было в жизни ни одного мужчины...

Во время войны в их деревне почти не оставалось мужиков — все были на фронте, поэтому всю тяжёлую работу приходилось делать женщинам. Тогда ещё совсем молодая Граня работала на свиноферме и считалась одной из лучших работниц. У неё были медали за трудовые заслуги, которые в тот период просто так не раздавались. Мешки с кормами и другие тяжести приходилось таскать молодым женщинам, и к пенсии они становились выработанными и больными. У неё очень болели суставы, и каждую весну мы бегали по её просьбе собирать на лекарство наш подснежник — прострел сибирский, который она настаивала на спирту и втирала в болевшие места.

Она рассказывала, как однажды ей пришлось свалить с ног огромного борова, по которому стрелял из ружья вернувшийся с войны одноногий инвалид. То ли у него порох отсырел в патронах, то ли заряд получился совсем слабый, но после выстрела огромное разъярённое животное сломало забор и, выскочив на территорию фермы, начало гоняться за женщинами. Все в панике запрыгнули на забор, не успела лишь одна, и кабан, свалив её с ног, начал катать работницу по земле, ударяя рылом. Женщина закричала нечеловеческим голосом. Тогда Глафира спрыгнула с забора, схватила колун, лежавший рядом с дровяником на чурке, и, подбежав к борову, так треснула его со всей отмашки по лбу, что стрелку-неудачнику больше не пришлось тратить патроны.

Бабушка никогда не говорила плохо о людях, даже когда они, на мой тогда ещё детский взгляд, этого заслуживали, она могла их только пожалеть как сбившихся с пути или заблудших. Я не слышал от неё плохих слов даже о семье алкоголиков с первого этажа, которые у неё часто занимали деньги, говоря, что им нечем кормить детей, и никогда не отдавали ей обратно.

Когда её спрашивали, зачем даёшь, если знаешь, что не вернут, отвечала: «Им же детей кормить нечем, а у нас-то на всё хватает!»

Наверное, в двадцать первом веке, когда отношения между людьми стали строиться не на человеческих чувствах, а совсем на других понятиях и расчётах, на так называемых «европейских ценностях», когда обман постепенно стал нормой в нашей жизни, бабушке было бы очень тяжело с её святой, доверчивой душой. Её бы постоянно обманывали, но она никогда бы не перестала доверять людям!

Мой отец с каждой зарплаты покупал три лотерейных билета и всегда верил, что выиграет в денежно-вещевую лотерею автомобиль. Бабушка с улыбкой наблюдала, как он приносил из почтового ящика газету «Труд» и со словами: «Сегодня мы точно выиграем!» — доставал билеты из жестяной коробки с документами и начинал проверять их. После того как приходило очередное разочарование, она говорила с улыбкой: «Бодливой корове Бог рогу не дал!» Однако отец никогда не расстраивался и с упорством настаивал на своём: «Всё равно выиграю! Вот увидите!» На что она всегда добавляла: «Дурак умом богатеет!»

Однажды за его упорство и какую-то беззаветную веру в удачу ему всё-таки выпал счастливый билет с «Москвичом»! А может, на нашу семью кто-то сверху обратил внимание. Хорошо помню, как весенним солнечным утром я четырнадцатилетним мальчишкой бежал вверх по нашей узкой подъездной лестнице домой, перескакивая большими прыжками по две-три ступени, и почти столкнулся со старшей сестрой, спускающейся из квартиры. У неё почему-то сияло лицо. Мы перекинулись дежурными фразами, и я рванул дальше. Но, сделав три прыжка, я услышал, как она меня окликнула: «Подожди, я же тебе самого главного не сказала! Мы же машину выиграли!» Не

поверив, я побежал дальше, и меня встретила счастливая бабушка, которая, плача от счастья, всё подтвердила. Отец, конечно, радовался больше всех и, по словам матушки, чуть было не разбил люстру, когда, ошалеv, прыжком вскочил от газеты, лежавшей на полу. У него была традиция проверять билеты, лёжа на полу. Когда же кричал и радовался, от счастья целуя родных, бабушка вдруг сказала: «Ну, и на старуху бывает проруха!»

Бывало, мы со старшей сестрой по детской наивности подсмеивались над своей старенькой бабушкой. После завершения фильма, его логического конца она могла спросить: «А когда будет следующая серия?» — или путала актёров, называя их другими фамилиями, а мы не могли переубедить, или искала очки, зацепившиеся за платок и оказавшиеся над лицом. Только теперь я понимаю, насколько верна её поговорка: «Что стар, что млад!»

Когда бабушка стала понимать, что остаётся ей на этом свете совсем немного, она уехала, как сказала: «Помирать — на родину! На встречу с Кенночкой!»

Она умерла, не мучаясь: уснула вечером, а утром не проснулась. Родственники сказали, что она лежала как живая, с улыбкой на устах. Бабушка мне часто говорила, что мечтает именно о такой смерти, и Бог услышал её! На её похоронах было много людей и живых цветов. Такое бывало, только когда уходил из жизни очень хороший человек!

Пётр Коваленко

ЩЕДРОСТЬ

Мне говорит жена: «Ты взрывчатый, как порох,
Горяч, как конь, не знающий седла.
Тебе бы в городе заняться спортом,
Да поздновато — голова бела.

Бесхитростный. Рубашка нараспашку.
Век прожил, а заначки — ни рубля.
И день, и ночь стихи...
Пыхтишь, как землю пашешь.
Нисколько не жалеешь сам себя».

Не спорю, дорогая, всё приемлю
И то, чего не будет никогда.
И старожилом остаюсь в деревне,
Она и радость, и моя беда.

Мы в этом мире чем-то все порочны.
И я своих пороков не стыжусь.
Что напишу, всё отдаю до строчки.
И щедростью больная наша Русь.

* * *

Меня война захлестывает снова.
У изголовья — капельница-крест.
Мензурки-свечки пламенеют кровью,
В крови огнём охваченный Смоленск.

Я там, в заслоне...
Рота штурмовая
Прикрыла грудью раненый большак.
Атаку за атакой отражая,
Берём на мушки фрицевский Рейхстаг.
...И, отряхнув в ладонь наркозный сон,
Я просыпаюсь...
Я опять рождён.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

До горизонта дымками
одетая,
От снега серебристого бела,
Сердцами беспокойными
согретая,
Сибирь до Забайкалья
пролегла.
Навстречу солнцу
лентою батистовой,
Как поясом перехватив
тайгу,
Стальные рельсы мимо сопок
мглистых
Сверкающими лентами
бегут.
И, тишину лесную нарушая,
У партизанских памятных
берёз,
Ветра и время птицей
обгоняя,
Вперёд, вперёд летит
электровоз.
Ни грохота, ни копоты,
ни дыма,
Лишь позади метели
вихорьки...
И кажется, что сосны-
исполины
Сошлись полюбоваться
из тайги.
— Счастливого пути! —
кричат нам дети,
Леса и реки гимны нам поют.
«Счастливого», — попутный
вторит ветер,
И светофоры отдают салют.
Навстречу солнцу лентою
батистовой,
Как поясом перехватив тайгу,
По звонким рельсам
возле сопок мглистых
Электровозы скорые бегут.

Я — СТАЛЬНОЙ МАГИСТРАЛИ ПОЭТ

Я, стальной магистрали поэт,
Каждой шпалине кланяюсь в пояс,
Как ладонь, знаю каждый пикет,
Как любовь, каждый выстрадан поезд.
Просыпаюсь по зову гудков
И под гомон колёс засыпаю.
И во сне слышу звон молотков,
Сталь поёт,
Сталь, как скрипка, играет.
И когда схватит за сердце грусть
И, как спички, ломаются строки,
Я уйти на вокзал тороплюсь,
Чтоб в живом затеряться потоке.
Там под гомон и говор людской
Я вливаюсь в могучее русло
И спешу возвратиться домой,
Весь пропитан до косточек Русью.

ПРАВДА О ЛЮБВИ

Любовь — костёр.
Поманит и согреет.
А ошибись чуть-чуть —
Вмиг обожжёт.
И как!
Свисти в кулак!
Доверчивый дурак.
Какую ведьму
Принял ты
За фею.

ЛЮБОВЬ

Любовь — коварная пантера.
Её капризы не понять.
Ничем её не взвесить,
Не измерить.
Терпеть.
И, зубы сжав, ласкать.

НА БОЖЬЕМ ОЗЕРЕ

*Большое озеро у деревни
Парной раньше называли Божьим*

На Божьем озере туман.
Туман клубится над Парною.
Гусей усталый караван
Летит за стрелку на ночное.
А ночь — одна на всех святых, —
Волшебных чар своих не зная,
Икру созвездий золотых
С искрою рыбною мешает.
И по зеркальной глади вод
Так будет длиться до рассвета,
Рыбак на месяце плывёт,
Забрасывая ловко сети.
А может, распахнув курган
(И ныне чудеса бывают),
Не уплатив калыма, хан
Невесту в жёны умыкает.
Целует девушку-смуглянку
И, отдавая дань красе,
Созвездий чудные саранки
Несёт со дна ей на весле.
И к озеру по всем разложьям
Летят потоки синевы...
Не зря его назвали Божьим,
Волшебным озером любви.
И поутру на берег синий
Спешит разбужено село,
И в вёдрах звонких, и в корзинах
Живое пляшет серебро.
Идут — кто быстро, кто вразвалку,
Трезвонят шутки и смешки,
Целуют рыбаков русалки,
Взасос русалок — рыбаки.

Анатолий Третьяков

ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ

Пока ещё не всё потеряно,
 Подумайте о чёрном дне.
 А что он будет — в том уверен я.
 И вас прошу: поверьте мне.

Нельзя же не заметить разницы:
 Плыть лучше, чем лежать на дне...
 Среди веселия и праздности
 Вы помните о чёрном дне.

Календарями не отмеченный
 Тот чёрный день, как знак креста.
 А мне его бояться нечего —
 Он для меня давно настал.

Дней впереди ещё немерено.
 Ещё всё можно наверстать.
 Пока ещё не всё потеряно,
 День чёрный может светлым стать!

МЕМЕНТО МОРИ

В последний раз тебя обнимут
 Затем, чтоб вынуть из петли...
 Пребудешь вечно ты отныне
 В объятьях матери-земли.

Возможно, нет тебе охоты
 Висеть в петле, смущая всех?
 Покончить с этой жизнью счёты —
 В конечном счёте — тяжкий грех!

Петля поэту в самом деле —
 Совсем не пропуск на Парнас.
 Там больше ценятся дуэли,
 Но эта роскошь — не для нас!

АМБИЦИИ

Утюги броненосцев
дымили над гладью морей.
Гром их пушек был
грома небесного громче.
Адмирал вёл эскадру,
и был он мудрей
Капитанов всех рангов.
Воистину — кормчий!
Хоть на картах штабных
обозначен был путь,
Но от туч грозových
горизонты намокли...
Адмиралам — и тем
наперёд не дано заглянуть,
Хоть на час или два,
ни в какие бинокли.
Даже крейсер подводный
в наш атомный век
Не всплывёт раньше времени —
время никто не обгонит.
С электроникой Немо —
ну, пусть имярек! —
В этой гонке со временем
просто в пучине утонет.
Корпус в пенные волны
на время зарыв,
Смерть запрятав в отсеках,
стремится подводная лодка
К страшной точке отсчёта —
и атомный взрыв
Потрясти может сразу
и Бога, и чёрта!
Время мчится —
и нет тормозов у него.
От глобальных открытий
всё меньше нам толка...
Помолиться бы Богу,
просить бы Его,
Чтоб унял Он амбиции
наши надолго!

БОЛЬНИЧНЫЙ ДВОР

Вновь далёкие звёзды на небе высоком горят,
А в полях до утра полыхают немые зарницы.
Жёлтым цветом наполнен стеклянный плафон фонаря
Во дворе онемевшей от боли больницы.
С этой болью, бессонницей в самом ближайшем родстве,
Светит ночью больничный фонарь утомлённо.
А надежды — как мелкие птахи в зелёной листве
На высоких деревьях больницы районной.
Смерть не очень таится в пустынном больничном дворе
И сестрою-хозяйкою служит усердно ночами.
Жёлтый свет фонаря до утра продолжает гореть —
Так он мертвен и так он тревожно печален!
И ни сторож, ни бомж в этот двор по ночам не войдут,
И фонарь до утра не погаснет — и это уж точно!
Может, смерть от кого-то врачи в эту ночь отведут,
Ну а кто-то здесь встретится с вечною ночью.
Не откроется дверь — так надёжен железный засов!
Нет прогулок ночных ни зимой и ни летом...
Но куда нам деваться от этих больничных дворов
И от их фонарей с этим жёлтым болезненным цветом?

ИДЕЯ

Пока что ею он один владеет —
Есть у него на это все права.
Потом философ голую идею
Ещё оденет в пышные слова:
Ещё её к истории пристроит.
Как чудный перл, начнёт она сиять!
Создать идею — дело непростое,
Ещё её труднее отстоять...
Моя идея новизной не блещет,
Но за неё готов держать ответ.
Олег едва ли встретится вам вещей,
А Василис Премудрых вовсе нет.
И потому нам помнить это важно,
Что правил не бывает без греха.
Иван — дурак, но далеко не каждый,
Иной тебя оставит в дураках!

УЕЗДНОЕ

Хоть город был уездным, сонным,
Но там случались всё равно
Измены... и в одних кальсонах
Бежал мил-друг через окно.
Раз в год уездное дворянство
Устраивало пышный бал.
Не слишком осуждалось пьянство,
Была в почёте ворожба
У дев и дам. Тогда мужчины
Без карт не мыслили житья.
Чиновник водку пил с купчиной —
И метил, видимо, в зятя.
Я этой жизни не изведал,
Моя фантазия — из книг,
Но почему-то зависть к дедам
Порой возникнет — пусть на миг.
А что? Купеческая дочка
Могла понравиться вполне.
Я приносил бы ей цветочки
И снился ей бы в грешном сне.
Что я нашёл бы в том уюте?
Меня заела бы среда.
А телевизор? А компьютер?
И без мобильного куда?
Не надо к прошлому возврата,
Хоть мы грустим о старине.
В наследство пьянства и разврата
И нам оставлено вполне.

Ольга Левская

* * *

Всеснежен, вседождлив — бредёт осенний день,
 Латает косо дыры в сером. Рыжим жжённый
 До черноты — вперёд, в спасительную тень
 Грядущих холодов. И глазом увлажнённым
 Осматривает прах — опрелую листву,
 Подмёрзшие цветы, плоды в корней оправе.
 Он, этот тусклый день, — в своём унылом праве:
 Бесспорен, пьян и слаб. И верит в синеву.

БЕЛЛЕТРИСТИКА

Прожить сто жизней за одну кошачью,
 Свалить вдвоём на старенькую дачу,
 Напиться водки, чая, смеха, плача,
 Насытиться совместной теснотой,
 Уехать вместе, но немного порознь,
 Чуть отстранённо — тихо беспокоясь,
 Ещё не окончательно... Но скорость
 Уже другая, и расклад другой.
 Ещё хранит ключица тень чужую,
 Ещё ладонь приладится, тоскуя,
 К предплечью, но привычка, торжествуя,
 Уже ведёт в былую колею.
 И без оглядки, чтобы не услышать,
 Как в темноте вчерашней тлеет, дышит
 И вызревает мир под ветхой крышей, —
 Сбежать к родному тихому былью
 И вспоминать не к ночи — незадача,
 Мешает та ночная птица-дача,
 Но всё-таки — как мало это значит
 На фоне новостей и непогод.
 А дача всё стоит, полна по крышу
 Тем, что однажды странно, боком вышло —
 И было ярче, больше, крепче, выше
 Всего, чторосло и нарастёт.

* * *

Износить этот город до дыр на подошвах асфальта,
От Предмостной до центра,
От центра до Студгородка.
Ставить ночью заплаты, внимая речному контральту,
На штанину Красраба, Свободного мятый рукав.
Разлюбить этот город
До дрожи в вагонных рессорах,
Этот город оставить, как зайку Барто, под дождём.
И вернуться обратно — включив пешеходную скорость.
Возвращайся, гулёна. Мы вместе тебя подождём.

* * *

Сдам в аренду квартирку, машину, парковку и дачу.
Предлагаю вот это, немного большое, пальто —
Там булавка в подкладке, приколотая на удачу,
Там в кармане билеты в театр и один «Спортлото».
Прилагается шарф, никаких аналогий с балетом.
Прилагается шляпа, но можно, конечно, и так.
Сдам в аренду всю осень, декабрь, ожидание лета.
А в аренду возьму — одиночество, старый чердак,
Обустроенный в тихом районе, среди черепиц и каналов,
Чтобы солнце утрами яичницу красило в цвет
Апельсина и чтобы я снова весь мир принимала
За подаренный кем-то случайный прекрасный букет.

* * *

Уже июль, пока ещё без пуха.
Жара ушла, и улицы угрюмы.
Прекрасные курящие старухи
Опять сидят на лавке возле ЦУМа.
Их пальцы так сжимают сигареты,
Как сорок лет назад сердца сжимали,
Для них сейчас очередное лето,
От прошлых отличимое едва ли.
А для меня оно замрёт, не сгинет
В потоке бесконечной бытовухи —
Как лето, где сидят, расправив спины,
Прекрасные курящие старухи.

* * *

Извѣстка облаков на синьке неба —
Разводы Божьей кисти маляра,
И жизнь проста, как пареная репа,
И время — захолустная пора
Меж чередой случайных свидений
И чередой намеренных шагов
По миру быта, счѣта, дружбы, денег,
Работы сердца, печени, мозгов,
И лишь одно спасѣт на кромке бреда —
Всегда в кармане, сладкий леденец, —
Извѣстка облаков на синьке неба,
Всему начало и всему конец.

* * *

Бессонница — как безоконница.
Всѣ цокает звонкая конница,
Всѣ капает старенький кран,
Всѣ ярче настенный экран
С показом — то ближнего-дальнего,
То нового-старого-давнего.
Всѣ тише бредѣт караван:
Бряцают поводья забытые,
И сны тихо спят как убитые,
И строки, шальные, невымытые,
Скользят по-над городом. Днесь
Не даждь ми... А впрочем, кому ещѣ?
Все спят. Многоглавое тулище,
Стозевно и лаяй, волнующей
Бессонницы кромку небес
Кровавит, но нежность предутренне
Разглядит и внешне, и внутренне,
Укроет раскол перламутрами,
И мысли (умой, приодень)
Уложатся флагами пленными,
Укроются светом, как стенами,
И станут простыми, смиренными.
Бессонница прячется в день.

* * *

Случайный повод — как случайный поезд.
Торговки, рыба, фрукты, пирожки —
Попутчики, немного беспокоясь,
Скупают всё. С протянутой руки
Срывает ветром, крутит и уносит
Газетный лист, надежду на досуг.
Случайный повод есть и пить не просит.
Садись скорее, брат, попутчик, друг, —
У нас в вагоне есть о чём подумать,
У нас в титане — свежий кипяток.
Случайный поезд, весел и безумен,
Летит на север, запад, юг, восток.

* * *

Сколько капель валерьянки,
Сколько ложек коньяку.
Это мятая изнанка
Жизни, сшитой на бегу.
Это рваные карманы
Невеликого ума,
Что то сослепу, то спьяну
Волочил меня в дома,
Где чужие, но родные
Обнимали, берегли,
И мотали шарф на выю,
И вослед полы мели.
И теперь не вспомнить город
С бело-розовой каймой,
Где дверей и окон створы
Распахнуть на голос мой
В каждом доме торопились, —
Да и был ли он вообще —
Этот город, город-привязь,
Город — завязь всех вещей?

* * *

Берёшь себя, несёшь себя сквозь завтра.
Себя планируешь. Себя рисуешь, пишешь.
Как строгий критик, убираешь лишний
Себя-акцент. Как дружелюбный автор,
Советуешь себе себя к прочтению.
Советуешь себе себя к просмотру.
Себя, как нелюбимую работу,
Вершишь сквозь зубы. Пестуешь смиренность,
Себя включаешь в список важных знаний,
Себя качаешь в люльке, отдыхая.
И, мир безличный бережно вдыхая,
Застрававшего, как лис, в себе-капкане,
Себя грызёшь и бремя отсекаешь.
И мир исполнен новым, безъязыким,
Ликующим, искрящимся, безликим.
И новый ты — из слова — вырастаешь.

* * *

Вот галерея фотоснимков.
На этом снимке я в пижамке
Сражаюсь с тёплой липкой манкой.
Под стулом мурзик-невидимка,
Он всей своей пятнистой сутью
Не в кадре, но вполне в сюжете.
Пижамка в крапинках уютно
Фланелькой греет, солнце светит
Сквозь ситец фотосветотени,
Сквозь синий, белый, жёлтый, красный,
Сквозь тюль, сквозь шторы, сквозь ресницы.
И манка в памяти лучится
Желтком подтаявшего масла,
И ждут какао и печенье.

* * *

Всё у всех одинаково: голова, руки, ноги,
Чувство вялой надежды, чувство буйной тревоги,
Рост — через боль в суставах и шее.
Голова — тяжелее, умнее, глупее,
Спина — прямее или согбенней,
Колени ломит — болят колени,
Всем не хватает немного vita
До совершенства и до защиты
От всех напастей, от всех болезней.
Всё одинаково — лезет, лезет,
То там прореха, то там заплатка.
А как же дети? А вот зарплата,
А скоро отпуск, всего полгода.
У моря синя все ждём погоды.

И так, до смерти себя гоняя,
И так, в надежде на день воскресный,
Летит привычным маршрутом стая
Птах Божьих, певчих, забывших песни.

* * *

Небоснежность. Каёмка реки
Каменится и пенится. Томно.
Два подростка бредут. Рыбаки
Ловят рыбную ртуть, и бездомно
Утки спят на плаву, и шаги
Растворяются в шёпоте улиц.
Мы так рано сегодня проснулись,
Что за день превратились в других.
И теперь привыкаем опять
Быть собой и себе сознаваться,
Что любая возможность расстаться —
Это шанс не вращать, а летать.

Светлана Ермолаева

* * *

Москва или Париж — какая разница?
Сибирь или Петербург — не всё ли равно?
Ах, как Нью-Йорк огнями нынче дразнится,
В Венеции распахнуто окно.

А здесь у нас снежок скрипит под валенком,
На небе сброд из звёзд и из планет,
И городок такой заснеженный и маленький,
Что кажется — Парижа вовсе нет.

* * *

Варю варенье из ирги,
Перевожу стихи Верлена.
Постой, останься, не беги,
Густая розовая пена.

Ещё не найдены слова.
Ещё во тьме непониманья
Намеченная вскользь, едва,
Нить из молчанья в немолчанье.

Перекрой все словари,
Рассыпь все бусы в беспорядке.
Я вижу, Франция, твои
Пылинки на полях тетрадки.

В эмалированном тазу
Ирги роскошное кипенье.
Россия. Август. И грозу
Переведу в стихотворенье.

Назвать по имени слова
Сосредоточенно и точно,
Не помня степени родства,
Ключа и скважины замочной.

* * *

Ты оставил мне позднюю осень,
Снегопады седые её,
Кроны тёмные сумрачных сосен,
Где гортанно кричит воронья.

Научилась я быть благодарной
И за скудность суровой земли
С простотой её грубо-кустарной,
И за серые сопки вдали.

Хороши ли оливы у склона,
Как баюкают песни морей,
Не расскажет скупая корона
Обнищавшей отчизны моей.

Где бескрайние белые снега
На застывшую душу легли,
Где под тусклым сиянием Веги
Так печальны просторы Земли.

Где свинцовы тяжёлые воды
Бесконечных таинственных рек,
Где как символ исконной свободы —
Первый снег, первый снег, первый снег.

* * *

В жестоком мире запевают птицы,
Растёт трава, и падает звезда,
Скрипят привычно в доме половицы,
И ломит зубы стылая вода.

В жестоком мире забивают сваи,
Ребёнку песню тихую поют,
И так звенят на улицах трамваи,
Что вздрагивает солнечный уют.

Но мир жесток. Замри же в ожиданье
Свистящих пуль и жгучих катастроф.
Вот отчего сжимается рыданьем
Тугое горло падающих строф.

Вот отчего от нежности и злобы
Твой взгляд устал, и только облака,
Так пенисты, чисты и крутолобы,
Твердят, что смерть прозрачна и легка.

* * *

О чём щегол щебечет в клетке,
Пожалуй, сам не знает он.
К невольной жёрдочке, к отметке
Любой из нас приговорён.

Здесь, у сапожника в подвале,
И свист, и щебет день-деньской.
Но людям дело есть едва ли
До жизни в тесной мастерской.

И рыбы медленно и плавно
Скользят и тычутся в стекло.
Сапожник верует исправно
В своё земное ремесло.

Стук молотка и птичье пенье,
Фиалки скоро зацветут.
Мгновение, ещё мгновенье...
Я время ощущаю тут.

Оно течёт легко и ровно,
Без перепадов и затей,
Непостижимо и огромно,
Как мудрость маленьких детей.

СКРЯБИН, «ПРЕЛЮДИЯ И НОКТЮРН ДЛЯ ЛЕВОЙ РУКИ»

Как ветка, стонущая в буре,
И беспокойна, и резка,
По солнечной клавиатуре
Металась левая рука

Горячею тревожной птицей —
Над жизнью тусклой и мирской.
Он знал, что исказятся лица
Нечеловеческой тоской.

Неслась отчаянно и бурно
Его осенняя река.
Поток упругого ноктюрна
Дробила левая рука.

У каждого свои ступени
В иные, звучные миры.
В порыве звёздных откровений
Забудьте правила игры.

БЕТХОВЕН, «ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ СОНАТА»

Ты сам себя на суетность обрёл,
Не зная, что назначена расплата.
Тебя настигнет горестный урок —
Его двадцать девятая соната.

О, кто ещё сумеет так понять,
Дав утешенье самым безутешным?
Кто будет твой колодец охранять
От путников бездумных и поспешных?

Храни себя. Твой звук не замутишь.
Будь музыкой, печальной и серьёзной.
Бетховен знал, как музыку растить:
Во тьме кромешной, в горечи морозной.

Проси его: утешь меня, играй.
Когда уйдёшь, былого не поправишь.
Пожалуйста, живи, не умирай.
Да, там, на срезе чёрно-белых клавиш.

* * *

Нам тягостно. Мы бедные и злые.
Нам холодно, и пусто, и темно.
Мы странники безвестные России,
В Европу затворившие окно.

Дорога пробирается сквозь снега.
Куда-нибудь да вывезет судьба.
В водительских кабинах обереги
Размеренно качает ворожба.

«Храни меня от горя и от смуты,
Храни меня от боли и беды».
Летающие дорожные минуты
Швыряют в стёкла снежные следы.

Гудят нетерпеливые моторы,
Не различить ни музыки, ни лиц.
России безграничные просторы
Опаснее затворов и границ.

Нас поглощает белое пространство.
Попробуй быть спокойным и живым.
Дорог и бездорожья постоянство
Становится бессмертием твоим.

* * *

И снова потянется трудная осень,
Томительно, пусто, сжигая тебя.
И вот уже кроны испуганных сосен
Округу качают, дожди беребя.

Ты будешь печальна — иного не надо.
Иди же, иди по опавшей листве,
Смотри в неизвестное встречного взгляда,
Запретную тайну ищи в синеве.

Последние астры на клумбе завянут,
Последние травы морозец сожмёт.
Зачем же на небе морочат и тянут?—
Пора выпускать ангелочков в полёт.

И первого снега шальные созвездья
Доверчиво лягут на стылую грязь.
Природа добра и не знает возмездья,
Прими же в ладони и ты, не стыдясь,

Дожди и суровую ткань снегопада,
Изгиб лепестка и холодную мглу.
Ты тоже вместилище рая и ада,
Ты тоже стоишь на нездешнем углу.

* * *

Мы жили на окраине Вселенной,
Мороз сжимал деревья и дома.
Казалось мне, что в мире постепенно
Навеки установится зима.

И сон её, тяжёлый и тягучий,
Он будет длиться, длиться без конца.
Холодный мир, угрюмый и колючий,
Ты не услышишь щебета птенца.

Ты не увидишь стебли и соцветья.
Лёд не растает. Пусто и темно.
Стекаются бессильные столетья
В моё заолодевшее окно.

Казалось мне, что так всегда и будет:
Холодный свет в заснеженной пыли.
Так кажется порой усталым людям,
Живущим на окраине земли.

Светлана Мель

Имя

Что имя?! Имя — только звук,
 Но звук чудесный!
 И с этим чудом я живу
 В соседстве тесном.
 Так повседневны, так просты
 У нас контакты!
 И у него мои черты
 И мой характер.
 Оно мне свет подкожно льёт
 И лоб мой крестит.
 Его особенный налёт —
 На каждом жесте.
 Оно моё. Я отзываюсь
 На него лишь —
 К такому чуждые слова
 Не приневолишь.
 Оно коснётся кожи щёк
 Дыханьем утра
 И убедит, что я ещё
 Нужна кому-то.

...

Имя твоё живёт у меня на устах,
 Ему там тепло.
 Оно там совсем прижилось и не сходит с уст,
 Лишь ненадолго спрячется,
 Нырнёт, словно белка в дупло
 (А я даже чувствую вкус!),
 Сидит по ту сторону губ, улыбку мою рисует...
 Сидит, не касаясь других имён,
 Упоминаемых всеу,
 Имя твоё...

* * *

Ступить в этот морок, надолго остаться в нём жить
И стряхивать льдинки, поутру постель оправляя,
В тумане кружить и в мудрёные строчки сложить
Ту мысль, что, оставшись неузнанной, бродит, петляя...

Такая вот осень... Приблизится, даст рассмотреть.
А впрочем, узнать и осмыслить удастся немного.
В видении странном реального — где-то на треть,
А всё остальное — всего лишь лохмотья былого...

Лохмотья былого? Не слишком ли вывод суров?
Такая ли правда поведена ветром свистящим?
Но что согревает мне зыбку синь вечеров?
И что позволяет поверить, что я в настоящем?

В нехитром сплетенье размытых дождями дорог
Мне каждый свершившийся миг неосознанно дорог.
И я, увязав в узелок свой согретый мирок,
Почти что без тени сомненья ступлю в этот морок...

* * *

Мы облака. Мы просто облака,
Метаморфозы призрачных субстанций.
И мы летим себе издалека,
Не помышляя где-нибудь остаться.

Мы облака. Судьба у нас легка.
Надежды сменяют слёзы сожаленья.
Мы даже верим искренне пока,
Что сами выбираем направленья...

Вот солнца луч щекочет нам бока,
А вот — разряд. Почти непредсказуем.
Оглохшие и смятые слегка,
Мы плотную завесу образуем

И снова разлетимся. Даль близка...
И каждый плен страстей переборовший
Вновь делается ношей ветерка —
Нечаянной, недорогою ношей.

Я нагоню тебя наверняка,
Шальным ветрам привыкший доверяться...
Обняться, новостями обменяться
И раствориться. Радость коротка.

Мы облака. Мы просто облака.

* * *

Для этих материй обычная фраза — лезвие.
Казалось бы, что тут сказали такого особенного?
Сквозь толщу сентенций царапнуло нечто железное,
И ты уже ходишь с душою располованной,
Края кровоточат — о Боже, какие мы нежные!
Срастётся, забудется. Души — они ведь живучие!
Но каждое слово взрезает больнее прежнего.
И даже молчание в новой тональности мучает...
Влетает увесистым камешком слово бранное.
Ударив, отскочит. И вылетит, незамеченное.
Какие мы странные, право, какие мы странные,
И с этим, привыкнув, смиряешься. Делать нечего.

* * *

Выйдешь утром... Там лужи под плёнкой слюды.
А сегодня поверх снежный слой обналичен.
И уже разбежались пунктиром следы —
Человечьи, собачьи и птичьи.

Не свезённый на свалку свалывшийся хлам,
Припорошенный снегом, почти симпатичен...
Все спешат по своим неотложным делам —
Человечьим, собачьим и птичьим.

День как день... Неположенных крыльев не дав,
Даст шлепка: мол, давай, поспешай, как обычно,—
Гарантируя всем комплекс правил и прав —
Человечьих, собачьих и птичьих.

В книге жизни, где общий порядок нестрог,
Где нечётки слова, где штрихи хаотичны,
Будет бегло набросано несколько строк —
Человечьих, собачьих и птичьих.

В этом тесном мирке мы ютимся впритык,
Неосознанно чтя соблюдение приличий.
И, возможно, доступен нам общий язык —
Человечий, собачий и птичий...

Снег растаял, затоптанный множеством ног,
Убран мусор. А пройденный путь увеличен.
А на небе о чём-то задумался Бог —
Человечий, собачий и птичий...

* * *

Раннее утро. Общественный транспорт,
Я в нём, и ты в нём — не друг, не коллега.
Каждый своё защищает пространство,
Каждый хранит своё хрупкое эго.

Не агрессивны, вполне безобидны
По отношению к рядом стоящим.
Мы и они — чем-то схожие, видно:
Каждый — футляр. Или сейф. Или ящик.

Заперты. Замкнуты. Шифры и коды.
Всё односложно — слова ли, улыбки...
А глубоко под дублёною кожей
Неповторимые спрятаны скрипки.

Трудно открытым быть в нынешнем веке.
Жить нараспашку — разумного мало:
Струны порвут, поцарапают деки,
Стоит два шага ступить без забрала.

Только подспудно желанье ютится,
Жмётся застенчиво и виновато —
Взвиться на волю отпущенной птицей,
Нервы поддеть неподдельным вибратором,

Мир всколыхнуть, потрясти, обездвижить
Чистым звучаньем, сорваться, рискуя...
Это случится — иначе не выжить —
Только не в транспорте. Только не всуе.

* * *

Уходят на рассвете поезда,
В туман роняя строки многоточий.
Их выбирают после долгой ночи,
В них уезжают чаще навсегда.

Уходят поезда по вечерам.
Снуёт носильщик с вечною тележкой,
Не тяготясь ни хаосом, ни спешкой
И не вдаваясь в суть привычных драм.

Уехавших на поезде ночном
Начнут искать, наверное, не утром.
Был их отъезд решением не минутным,
Они вернуться в облике ином.

Уходят поезда средь бела дня.
Отъезды днём на встречи так похожи,
Но я уже ничем не обнадёжу
Того, кто проводить придёт меня.

Но нет, я не планирую отъезд.
Вот провожать случается нередко.
А тишина — хоть добрая соседка,
Но и она, бывает, надоест...

Уехавшим звезда подсветит путь.
Все встретимся на дальнем полустанке.
Беззвучно плачут ангелы-подранки,
Надеждой никого не обмануть.

Михаил Мельниченко

* * *

В этом городе нет электричества
И отсутствует водопровод.
А правитель, Его величество,—
Есть иль нет? Кто его разберёт!

В этом городе не анархия,
А довольно налаженный строй,
Очень строгая иерархия —
Есть и высший, и низший слой.

В этом городе все работают —
Тащат, тянут, несут, волокут.
Не филоняют, по фене не ботают,
А работают там и тут.

Не живут тут совсем бездельники,
Занимаются все трудом!
В этом городе — в Муравейнике —
Всё путём!

* * *

Не в улусе, не в наслеге
Появился я на свет...
Но родился я при снеге —
В феврале хороший снег!

Где в Алдан впадает Мая,
Как проказник-пионер...
Там посёлок был Усть-Мая,
Был в Якутской АССР.

Где окончил лишь два класса —
Переехала семья...
Но воспоминаний масса —
Многое запомнил я.

КОТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ

I.

В котельном зале шумно и темно,
точнее — тускло, шумно и пространно.
В котельном зале, как в немом кино,
Изольда превращается в Тристана.

Котельный зал — не копи Соломона,
его не просто описать строкой,
и не гробница он Тутанхамона,
здесь дух иной...

И воет вентилятор дутьевой,
как будто исхудав от лучевой, —
так давней и прошедшею порой
над Волгою стоял бурлацкий вой.

И уголь мельница кромсает,
в горнило, в пекло, в жар бросает,
чтобы в геенне огненной гореть
и в контуре закрытом пламенеть.

И всё это затем, чтобы тепло
бежало по трубе теплоцентрали.
Об этом где-то вы уже читали...
А мы закончим рифмою: «дупло».

2.

Котельный зал вам не музейный зал,
не магазинный, не библиотечный,
не просто зал и не базар-вокзал,
а механизм продольно-поперечный.

В котельном зале всевозможных труб
побольше, чем в классическом органе,
там воздух густ и звук довольно груб,
и люди там — как ёжики в тумане.

И всё-таки да здравствует наш зал —
творец тепла, и счастья, и уюта!
Я написал о нём довольно круто:
котельный зал — концертный зал!

* * *

Мне всё надоело — и ад, и рай.
Осталось ломиться в закрытую дверь.
А мне это дело не в лом, а в кайф.
Я сам себе ангел и сам себе зверь.

Я вышел совсем не там, где вошёл.
Да и вошёл я не так, как вышел.
При этом искал не то, что нашёл.
А что нашёл? Да то, что вышло.

Но мне надоело быть не собой.
Да и собой надоело быть тоже.
Но что-то не надоедает с тобой —
Наверное, это всего дороже.

Я думал не так, поступал не так,
Хоть именно так поступал-то чаще.
Я был то умный, а то дурак,
То в светлой зале, то в тёмной чаше.

И всё, что имею, и всё, что имел,
И всё, что могу занять я дальше,
Я не пропíл, а всего лишь пропел.
И хорошо, если вышло без фальши.

Да, как уж вышло — тому и быть.
Видимо, так и должно быть это.
Значит, и дальше — лететь и плыть.
Значит, такая судьба поэта.

* * *

Если кто-то открывает двери,
Не касаясь ручки их рукой,
Да и не пиная их ногой,
Даже вовсе не касаясь двери,
То не говори ему: «Не верю!»
Ты не Станиславский, ты другой!

* * *

Вышли мы все из подъезда
После двадцатого съезда.
Вернулись в подъезд мы снова
Уже после двадцать второго.

* * *

Гонорар получают юристы,
а поэты — всего два гроша...
Гонорар получают артисты,
а поэты — совсем ни шиша...

Но бывают порою мгновения,
и пронзает тебя словно ток,
и нисходит к тебе вдохновение,
и ты светишься, будто бы бог.

* * *

Если был бы я Сбербанком,
я бы денежки давал,
разъезжал
на джипе танком
и проценты собирал.
Я бы виллу бы построил —
Замок, сказочный чертог...
Я бы всё имел, что стоит,
даже сверх того чуток...

* * *

Зима, крестьянин матерится
И, торжествуя, пьёт первак.
Что дело мастера боится,
Он точно знает — это так!

Его лошадка заржавела:
Бензин не скоро — привозной.
А он вздыхает: «Эко дело!» —
И наливает по второй.

* * *

Почто рифмуется так часто
Глагол — отец деепричастий?
Строку — деепричастий мать —
Легко глаголом рифмовать.

АВТОБУС

I.

Ну где же ты, автобус?
Стою я битый час.
И голова, как глобус,
вращается сейчас.

Ура, идёт автобус!
Ну наконец-то мой!
Автобус, автобус,
вези меня домой.

Вези меня под горку
и прямо по мосту,
потом всё время в горку,
примерно так с версту.

Я выйду на конечной,
потом пойду пешком,
и попаду, конечно,
я прямиком в свой дом.

А дома всё нормально,
а дома всё ладом,
достану штоф хрустальный
я с золотым вином.

И выпью за автобус,
чтоб чаще он ходил
и чтоб меня автобус
до дома довозил.

2.

Автобус идёт — и ладненько,
вовремя он идёт,
а в нём не тётенька — дяденька
билетики продаёт.

А мне не надо билетика,
есть социальный билет,
такая у нас политика,
льгота по старости лет.

Хотя я совсем не старый,
а молодой душой,
еду и тары-бары —
рядом товарищ мой.

А дядя своей шутовщиной
по карточке проведёт,
и механизм толковый
облегчит чуть-чуть мой счёт.

Я сдуру боялся пенсии,
но карточке очень рад,
мне с нею легко и весело,
не надо мелочных трат.

В автобусной обстановке
нет времени договорить,
«ТЭА» — моя остановка,
пора уже выходить.

Соцкарта греет карман,
мне ехать домой с работы.
Такой вот святой обман,
такие мои заботы.

Владимир Василенко

Музыка и мы

ВЫ ПРИШЛИ НА КОНЦЕРТ...

В Красноярском культурно-историческом центре проходила выставка Михаила Шемякина. Помню, как прохаживались мы с моей доброй приятельницей, и как я поминутно здоровался с более или менее знакомыми людьми, и как, отойдя в сторонку, вздохнул: «Ох, Танечка, какой, однако, маленький у нас город — шагу не ступить, чтобы на знакомого не нарваться», — на что Танечка мудро возразила: «Нет, Владимир Семёнович, это не город маленький, это прослойка тонкая».

Я до сих пор вспоминаю это суждение. С одной стороны, Танечка права: в крупном провинциальном городе число людей, регулярно посещающих вернисажи, театральные и концертные премьеры, фестивали, в самом деле очень невелико, и, что любопытно, это в основном одни и те же люди («тонкая прослойка»). С другой стороны, не только численность, но и состав этой «прослойки» очень непостоянны: если на концерты, положим, Хворостовского или Мацуева (или, простите, Киркорова) рвётся весь город, то никакого ажиотажа вокруг выступлений Елены Камбуровой или Владимира Тарасова лично я не наблюдал. Говорю это не в похвалу одним и не в упрёк другим, тем более что у меня самого есть свои симпатии и антипатии (к примеру, никто и никогда не видел меня на оперном спектакле или в оперетте: ну что поделаешь, если я не понимаю и не люблю эти вполне почтенные жанры, а притворяться не умею!).

По-настоящему тонкой эта прослойка была в девятнадцатом веке, когда в театры ходили, по существу, одни и те же люди (имевшие к тому же постоянные ложи). Вспомним скандальное появление в этой ложе Анны Карениной — не с мужем, а с Вронским. Не только масштабы, но даже и природу этого скандала сегодня представить себе довольно трудно — почти так же, как, собственно, и само то, что называлось в ту пору театром. Спектакль в пушкинские времена состоял из нескольких совершенно разноплановых отделений: драма, опера, водевиль, балет («...И быстрой ножкой ножку бьёт»). И приходиться на такое представление точно к его началу было вовсе не обязательно (к тому же у каждого записного меломана, знавшего оперные шедевры чуть ли не наизусть, были особенно любимые фрагменты, к которым он и стремился попасть, как профессор Преображенский у Булгакова)...

Как всё изменилось! Почти все зрелища и представления дружно разошлись по жанровым «квартирам»: кино не там, где театр, драма отдельно от оперы, оперетта и цирк — тоже самостоятельные искусства. Даже музыку у нас играют в разных залах, а в тех случаях, когда в одном (например, симфоническую и джазовую — в Малом зале филармонии), состав аудитории чаще всего не идентичен. О каких же зрительно-слушательских традициях тогда можно говорить? Но ведь они есть, и каждый культурный человек это видит.

Начнём с того, что сфера бытования музыки (речь пойдёт именно о ней) чрезвычайно расширилась: наряду с традиционной зально-концертной (по мере совершенствования звукоусилительной аппаратуры), всё большее распространение получают концерты Open Air (от выступлений на городских площадях и в парках до стадионных поп- и рок-шоу). Недавно я показывал своим студентам видеозапись концерта симфонического оркестра Берлинской филармонии: всемирно известный дирижёр из Японии Сейджи Озава представлял двадцатитысячной аудитории программу из произведений Джорджа Гершвина. Можно сказать, что мы как бы присутствовали на концерте принципиально нового типа: вообразить себе двадцать тысяч человек, слушающих «Rhapsody in Blue» и «American in Paris», ещё сравнительно недавно было решительно невозможно. Причём новая аудитория заявила о себе не только количественно: когда приглашённое на исполнение рапсодии трио Маркуса Робертса с блеском сыграло пятиминутную джазовую импровизацию, толпа откликнулась на неё истинно по-джазовому — одобрительным свистом и аплодисментами (реакция, немыслимая на традиционном симфоническом концерте).

Но сколь бы заметными (и даже блестящими) ни были новые тенденции, концерт классической музыки всё же остаётся средоточием вековых традиций. Чёрный лак раскрытого рояля, сияющая медь духовых, благородные изгибы скрипок и виолончелей, фалды дирижёрского фрака, белоснежные воротнички и бабочки оркестрантов — всё это, порой даже независимо от собственно музыки, уже настраивает на какую-то особую возвышенность восприятия. Мы интуитивно понимаем, что в этом храме Искусства и вести себя надобно как-то по-особенному.

Ну, скажем, ни в коем случае не прибегать в концертный зал (как в кино) за пять минут до начала (здесь я уже слышу возмущённые голоса оппонентов: «А как же пробки на дорогах?!»). Полчаса до начала концерта — прекрасная возможность, гуляя по фойе, увидиться и поздороваться с друзьями и знакомыми, оценить (и продемонстрировать) наряды и причёски, приобрести и прочитать программку, тем самым внутренне подготовиться и осознать предстоящее. Привыкнуть к мысли, что здесь — никакого попкорна (и даже шоколадку желательнее съесть в буфете, чтобы не шуршать обёрткой в зале),

что придётся, не дожидаясь напоминаний конференсье, отключить «мобилу». А во время самого концерта тоже соблюдать неписанный кодекс поведения — например, не аплодировать в паузах между частями симфонии или сюиты (в отличие от джазового концерта, где аплодисменты после каждого виртуозного соло — в порядке вещей), воздержаться от устного и громогласного комментирования происходящего на сцене... Вообще, культура поведения на концерте должна усваиваться сызмала — вот почему совершенно правильно поступают те родители, которые на Чайковского, Моцарта и Грига ходят всем семейством, с детьми, начиная лет от шести. Моя жена с невесткой повели пятилетнюю внучку на «Щелкунчика», предварительно прочитав сказку Гофмана (чтобы избежать ненужных вопросов типа «А это кто?»). По той же схеме они ходили на «Лебединое озеро» (предварительно послушав с пластинки литературно-музыкальную композицию на тему балета). Хотя в нашей филармонии есть специальный детский абонемент, в программе которого предусмотрены концерты-лекции (например, как устроен орган, как понимать так называемые «программные произведения», что такое симфонический оркестр и т. д.). Жаль, что в городе моего детства не было театра оперы и балета, отчего, возможно, я, как уже говорилось, остался глух к этому искусству (зато симфоническую и камерную музыку я лет с двенадцати беспрепятственно слушал по радио — параллельно с джазом, который ловил по «Голосу Америки»).

Мы с вами живём в миллионном городе, где есть все возможности слушать (причём «вживую»!) практически любую музыку: классическую и современную, симфоническую и камерную, оперную и балетную, джазовую и этническую... Тем большее изумление вызывает то обстоятельство, что из этого абсолютно доступного многообразия значительная часть молодёжи выбирает самую убогую, однообразную и тупую, ту, что в просторечии называют попсой. Причём особое недоумение вызывает необъяснимая «упёртость» этой аудитории по отношению к другой музыке (по принципу «не знаю и знать не хочу»). Это странно, потому что ни одна другая аудитория не отличается подобной «упёртостью»: поклонники русской народной песни охотно слушают тувинский, хакасский, испанский фольклор, я лично знаю множество джазфэнов, слушающих Баха и Бетховена, и т. д. Впрочем, это тема отдельного разговора.

НЕ ХОЧУ БАНАН!

Симпатичная, неглупая, начитанная шестнадцатилетняя девушка Наташа, с которой я познакомился во время работы летней школы, однажды призналась, что ни разу в жизни не была в Малом зале Красноярской филармонии. В Большом была, потому что именно там концертировали Розенбаум, Леонтьев, Киркоров, Пугачёва (хотя по духу ей ближе Гребенщиков, Линда, «Премьер-министр», «ЧайФ»).

А в Малом играют Чайковского, Бетховена, Моцарта, Шнитке какого-то...

На моё предложение полюбопытствовать Наташа неожиданно согласилась. В ближайшую же пятницу я стал «кавалером» для нарядно одетой и тщательно причёсанной Наташи. Чувствовал я себя кем-то средним между папашей, впервые выводящим взрослую дочку «в свет», и цивилизованным гидом, объясняющим Крокодилу Данди устройство этого самого «света». Во-первых, сообщил я, на концерт надо не прибегать, как в кино, за пять минут до начала сеанса, а являться минимум за полчаса, чтобы купить программку, «повращаться», поздороваться со знакомыми, других посмотреть, себя показать. Во-вторых, присмотреться к составу симфонического оркестра и расположению групп инструментов — струнных, духовых и ударных. Ну и не забыть, как нужно правильно реагировать на музыку! В паузах между частями симфонии или сонаты не принято аплодировать (в отличие от джазового концерта, где можно аплодировать по ходу пьесы — после каждого виртуозного сольного эпизода). Нам в этот вечер несказанно повезло: в числе прочих сочинений оркестр играл «Итальянское каприччио» Чайковского — опус яркий, картинный, мелодически изысканный и оркестрово-роскошный. Наташа была не скажу что потрясена, но заметно взволнована. Я деликатно воздержался от вопросов, но она сама рассказала, что ей явилась другая музыкальная реальность, другой мир, другие эмоции. Через два года она поступила в Красноярский госуниверситет и гордо сообщила мне, своему преподавателю, что теперь не только сама ходит в Малый зал на симфонические и камерные концерты, но и друзей с собою прихватывает. Гребенщикова при этом они не разлюбили, но «исполнителей» типа Кати Лель, «Блестящих» или «Фабрики» слушать перестали.

Не собираюсь предаваться иллюзиям: случай с Наташей нетипичен, это скорее исключение из правила. А правило, к сожалению, таково: значительная часть молодых людей (от семи до семнадцати лет) из невероятного многообразия музыкальных форм и жанров (оперная, симфоническая, камерная, джазовая, фольклорная, экспериментальная музыка) выбирает самую примитивную и низкопробную, ту, что получила название «попса». Причём слово «выбирает» здесь не совсем подходит: не сама выбирает, а ей навязывают. Попробуй не выбери то, что звучит с утра до ночи из радиоприёмников и с экрана телевизора, что стало неотъемлемой частью окружающей жизни, попробуй отмахнуться от ежечасно звучащих из «телеящика» предложений выбрать «музончик на свой телефончик». Если в маршрутке ты слышишь «Владимирский централ» вперемежку с «Какая же ты падла!», если в Большом концертном зале Красноярской филармонии Киркорова в золотом камзоле сменяет Пенкин в перьях или Боря Моисеев в ажурных колготках, если на местном радио ещё

не так давно вне конкуренции были Верка Сердючка и Глюкоза, то надо быть очень стойким и самостоятельно мыслящим человеком, чтобы не поддаться этому массовому гипнозу.

Так называемая «лёгкая» музыка не есть порождение исключительно нашего времени. Веками люди украшали свой досуг незамысловатыми песенками и танцевальными мелодиями. «Лёгкому» жанру отдали дань крупнейшие композиторы мира: Бах, Вивальди, Моцарт, Чайковский, Алябьев, Гершвин, Дунаевский. В конце концов, чем, если не шлягерами, являются такие вещи, как «Полёт шмеля» Римского-Корсакова, «Полонез» Огиньского, «Неаполитанский танец» и «Танец маленьких лебедей» Чайковского, «Чардаш» Монти, «Соловей» Алябьева, «Маленькая ночная серенада» и «Турецкий марш» Моцарта, «Цыганские напевы» Сарасате? Но, во-первых, сравните творческий уровень этих «безделушек великих» с музыкальным языком современной попсы, а во-вторых, примите во внимание ту настырность, с какой последняя внедряется в сознание миллионов слушателей с помощью невиданных во времена классиков технических средств (радио, телевидение, звукозапись). Очевидны масштабы грандиозного надувательства людей, которым выдают третьесортный товар за последний крик моды.

Опять-таки мне могут возразить: так было всегда. В то время, как на лучших сценах России звучали Бородин, Мусоргский, Глинка, в салонах процветал «жестокий романс», в кабаках наяривали цыгане и предтечи «русского шансона», а в кварталах бедноты слышались стенания типа «По приютам я с детства скитался». Ничего не изменилось и после революции: ещё живы были классики (Глазунов, Глиэр, Мясковский), набирали силу молодые композиторы (Прокофьев и Шостакович), а народ, который «гимназиев не кончал», после третьей рюмки неизменно запевал «Кирпичики», «Мурку», на худой конец — «По диким степям Забайкалья». В послевоенные годы партия попробовала «порулить» процессом, но ничего, кроме конфуза, из этого не вышло: то вдруг джаз запретили, то осудили «формалистов», а то и вовсе набросились на безобидные «Ландыши». Слава богу, у нас были «Подмосковные вечера», «Катюша», «Синий платочек», «Огней так много золотых...», «Мы с тобой два берега...», «Надежда» и много ещё чего. Параллельно с этим появились Галич, Высоцкий, Визбор — движение бардовской песни, а потом «поколение дворников и сторожей» предложило молодёжи русский рок (Цой, Гребенщиков, Кинчев, Шевчук). Можно ли было тогда вообразить, что кончится всё это Настей Стоцкой и Димой Биланом?

Беда сложившейся ситуации не столько в том, что молодёжь слушает попсу (в конце концов, это её личное дело: что хочет, то и слушает), сколько в том, что она не слушает ничего другого. Мне это напоминает человека, которому однажды так понравились, положим, бананы, что он решил питаться одними бананами. Впрочем, организм

бананолоба очень скоро сам напомнит ему о дефиците белков, жиров, витаминов и т. д. С музыкой дело обстоит иначе: можно до седых волос даже не подозревать, сколько всего интересного лежит за пределами твоего выбора.

Вообще, это довольно загадочное явление: именно среди поклонников попсы чаще всего встречается такая вот эстетическая «упёртость» («другого не знаю и знать не желаю»). Ни в одной другой группе меломанов ничего подобного не наблюдается: фанаты джаза время от времени ходят на симфонические концерты, «академисты», в свою очередь, иногда слушают джаз. Своими глазами видел страстных поклонниц старинного романса и оперы на концертах бардов Тимура Шаова и Олега Митяева. Даже волосатые рокеры почтили своим присутствием концерт биг-бенда Олега Лундстрема. Все интересуются всеми, и лишь фанаты очередной «Фабрики звёзд» ходят только на «своих». Вот что странно...

Естественный вопрос, что с этим делать, не имеет однозначного ответа. «Воспитывать вкус» и вообще «повышать и улучшать»? Как и где воспитывать? Что повышать и улучшать?

Давайте начнём по порядку — со школы. Там есть уроки пения. Чему на них учат? Слушать и понимать или просто воспроизводить музыку? Вдумайтесь, насколько различны, даже диаметрально противоположны эти установки. В первом случае речь идёт о развитии таланта слушателя (в некоторых школах, будем справедливы, этим занимаются, но сугубо факультативно), а во втором — таланта исполнителя. Понятное дело, второй талант встречается гораздо реже, и от общеобразовательной школы, по логике вещей, не стоит ждать «открытий» по этой части. А вот научить школьника отличать симфонию от сонаты, дать представление об оперной условности (грубо говоря, объяснить, почему герои музыкального спектакля не говорят, а поют), послушать вместе с ними джазовые импровизации, напомнить, сколь многим современная поп-музыка обязана группе «The Beatles», — этими и ещё многими другими вещами можно заинтересовать массовую детскую аудиторию. Тем более что технические средства для таких занятий сегодня более чем доступны: в каждой школе есть музыкальный центр и видеодвойка, а ассортимент CD- и DVD-дисков воистину необозрим. Надо только хотеть и уметь этим воспользоваться.

Там, где хотят и умеют, результаты выходят потрясающие. Много лет прошло со дня кончины Евгения Лозинского, а я до сих пор встречаю людей, которые с восхищением и благодарностью вспоминают его лекции в КГУ. Он приносил на занятия шипящие виниловые диски из личной коллекции и завораживал студентов дирижёрской мощью Артуро Tosканини и Евгения Мравинского, голосом Шаляпина и Карузо, виртуозностью Ойстраха и Рихтера, грандиозностью Вагнера и Малера. Он рассказывал о них так подробно, азартно и в то же время

так сердечно, что временами казалось, будто с каждым из них он был лично знаком. «Вот послушайте эти громовые тромбоны — это истинные шаги Судьбы, неумолимого Рока...» «Знал ли Моцарт, создавая свой «Реквием», что эта музыка ему самому напророчит?..» Эти вдохновенные монологи человека, влюблённого в Музыку, оставляли след в душе каждого студента, независимо от его вкусов и симпатий. Самые упёртые понимали: даже если это не моя музыка, всё равно стыдно её не знать, как стыдно не знать Пушкина. Но Лозинский был один такой, а те, кто шёл ему вослед (лекторы-музыковеды Красноярской филармонии, в том числе и автор этих строк), увы, не обладали его харизмой, поэтому масштабы их воздействия на вкусы подрастающего поколения были гораздо скромнее. Хотя своё дело они делают: филармония вот уже который год распространяет абонементы музыкального лектория. В интересной игровой манере школьникам преподносятся сведения об устройстве органа, о составе симфонического оркестра, о выдающихся композиторах и исполнителях. Таким образом, наверное, и формируется та тонкая прослойка ценителей настоящей музыки, которая заполняет МКЗ и Органный зал, ведь концерты эти посещаются отнюдь не только «стариками».

Вот ещё некоторые факты, внушающие оптимизм. Много лет подряд я работал в качестве аккредитованного корреспондента на фестивале этнической музыки «Саянское кольцо» в Шушенском. С каждым годом я отмечал, что среди слушателей становится всё больше молодых людей (в том числе и моих студентов). Они не перестали слушать «Би-2», «Зверей», Мэрилина Мэнсона. Но теперь они точно знают, что существует и другая музыка. Совсем другая. Прошлым летом я подсел к костру, где шёл спор о различиях трёх школ горлового пения — тувинской, хакасской и алтайской. А ещё год назад я присутствовал на мастер-классе Сергея Старостина, единственного в своём роде собирателя и интерпретатора аутентичного русского песенного фольклора. Так вот, его слушателями тоже были в основном молодые люди. Им было интересно. Помню, я тогда спросил себя: неужели лёд тронулся? Неужели молодёжь осознала, как вредно, образно говоря, питаться одними бананами?

Или я утешаю себя очередной иллюзией?

ШУШЕНСКОЕ. ЛЕТО-17. «МИР СИБИРИ»

Завершившийся 9 июля 2017 года Международный этно-музыкальный фестиваль «МИР Сибири» был четырнадцатым по счёту. Чуть более десяти лет понадобилось, чтобы этот форум был отмечен Национальной премией в сфере событийного туризма «Russian Event Awards», заняв при этом первое место в номинации «Лучшее событие по популяризации народных традиций и промыслов», и вошёл в топ-5 по итогам зрительского онлайн-голосования с нанесением на «Живую карту» (интерактивную базу данных о туристских ресурсах

и событиях России). В нынешнем году фестиваль получил статус «Национальное событие 2017», войдя тем самым в Национальный календарь событий России. Независимые эксперты подтвердили важную роль Шушенского фестиваля в культурной жизни страны. Таким образом, настало время культурологически осмыслить эту роль.

Как участник всех четырнадцати фестивалей, я хорошо помню одну из главных проблем, вставших перед продюсером Андреем Катаевым. Это была смена бренда Шушенского. Дело это всегда и везде — вещь сложная и долгая, особенно если тут замешана идеология. Ведь Шушенское — знаковая точка на карте Сибири: для многих поколений это было место ссылки В. И. Ленина. Это героико-романтическое обстоятельство делало как бы неуместными разговоры о необычайной привлекательности здешних краёв (чистый воздух, мягкий климат, красивые ландшафты) — невольно получалось, что вождя мирового пролетариата не столько наказали ссылкой в «страшную сибирскую глушь», сколько поощрили поездкой на курорт. Между тем именно «курортная» сущность шушенской земли со временем проявлялась всё отчётливее — параллельно с тем, как шло на спад всенародное обожествление вождя. Гостям самого первого фестиваля (тогда он назывался «Саянское кольцо»), помнится, устроили экскурсию в санаторий на чрезвычайно живописном берегу речки Оя, где созданы великолепные условия для отдыха и лечения множества болезней. На этом примере мы поняли, с чем шушенцы теперь связывают своё будущее: здравоохранение, туризм, культура...

Середина лета, понятно, самое подходящее время для фестиваля, концерты которого проходят под открытым небом, но Минусинская котловина широко известна также мягкой зимой, так что принимать гостей здесь можно фактически круглый год (ещё один аргумент в пользу внутреннего туризма, о развитии которого в последнее время столько говорят).

Этим летом всё было как всегда: на стадионе «Урожай» ежедневно собиралось много тысяч слушателей (их общее число оценивалось в пределах тридцати тысяч). Атмосфера на трибунах и на поле представляла собой нечто среднее между концертом, тусовкой, пикником и народными гуляниями: очень много молодёжи и детей, лимонад (пиво и алкоголь здесь были запрещены года два назад), мороженое, плов и шашлыки, воздушные шары, сладкая вата... Кто-то слушал, кто-то плясал, тинэйджеры всю раскатывали на роликовых коньках, а когда темнело, повсюду мелькали ярко светящиеся браслеты и прочие украшения, завезённые в огромных количествах и очень оживлявшие праздничный пейзаж. Настроение собравшихся ничуть не испортил сильный дождь, что, впрочем, несколько подорвало доверие к усилиям шаманов, якобы способных управлять стихиями.

Музыкальная программа фестиваля по традиции состояла из двух частей: в семнадцать ноль-ноль начинались конкурсные выступления

коллективов и исполнителей со всех концов России, а с двадцати одного ноль-ноль на сцену выходили хэдлайнеры, «специальные гости», выступавшие вне конкурса и задававшие тон и высокий уровень всему мероприятию. Среди последних в нынешнем году оказались наши давние знакомцы — фолк-роковая певица Инна Желанная, всемирно известная тувинская группа «Хуун-Хуур-Ту». Кроме того, с сольной программой выступил председатель жюри фестиваля — уникальный знаток, собиратель и исполнитель русского песенного фольклора Сергей Старостин. Вообще, стилиевой диапазон «звёздных гостей» был в этом году как никогда широк: московская «Мельница» и питерский «Theodor Bastard» представили разные лики современного брутального этно-рока, австрийский камерный дуэт «Клак» играл лирические мелодии с ощутимыми интонациями еврейского клезмера, а «Bubamaga Brass Band» словно бы перенёс нас в атмосферу цыганской свадьбы на Балканах, так хорошо знакомую нам по фильмам Эмира Кустурицы. Особой изысканностью звучания отличался многонациональный «Оркестр подлинного света» («Authentic Light Orchestra»), приехавший к нам в ранге победителя престижной премии «Russian World Award» и с блеском подтвердивший свою высочайшую репутацию.

Но если у хэдлайнеров всё было предсказуемо классно, то конкурсная программа представляла интерес именно своей непредсказуемостью. Каждую минуту можно было ждать появления талантливых открытий из самых отдалённых уголков страны. Кто бы мог подумать, что из Москвы к нам придет «Ансамбль прогрессивной деревенской музыки», а Забайкалье порадует детским танцевальным коллективом «Баяр» (Чита)? Мы уже привыкли к высокому уровню ансамблей и солистов из Кызыла, но идут годы, а приток новых тувинских талантов всё не иссякает — на сей раз это были Сат Айбэк из села Кок-Хаак и ансамбль «Эзир-Уя». Впервые появился на шушенской сцене известный тувинский мастер горлового пения Алексей Хавалыг. И каждый день приносил всё новые открытия: ансамбль «Ятаган» и солист Расих Садыков (село Мраково, Башкортостан), этно-джазовый проект «Абстрактор» (село Терновка Воронежской области), эвенкийский народный ансамбль песни и танца «Осиктокан» и ансамбль якутских инструментов «Кыл-Саха»... Даже хорошо знакомые по предыдущим выступлениям артисты на сей раз открывались новыми гранями своего таланта — таким оказался трижды выходивший на сцену с программой «Ритмы Азербайджана» танцевальный ансамбль «Одлар Юрду». Всего на участие в конкурсе претендовало двести тридцать пять коллективов и исполнителей из сорока четырёх регионов (от Калининграда до Владивостока), а также из двенадцати стран дальнего зарубежья.

Музыка была основным, но не единственным содержанием фестивальной программы. «МИР Сибири» — это не только концерты, но и экскурсии, мастер-классы, презентации, семинары, дискуссии

специалистов, это и развлекательно-игровые программы с демонстрацией национальных традиций, ритуалов и обрядов. Это, конечно же, и постоянно работавший «Город мастеров», где можно было не только купить сувениры, но и поучаствовать в их изготовлении (этим щедро делились гончары и берестянщики, резчики по дереву и даже кузнецы). «Событийность и интерактивность, постоянная вовлечённость гостей в фестивальную жизнь — отличительные черты происходящего», — так организаторы охарактеризовали атмосферу «МИРа Сибири».

Особый оптимизм вызывает то, что аудитория фольклорного праздника сильно помолодела (я с радостью отмечал присутствие своих студентов). Скажу больше: этника входит в моду. И, как следствие, бессмысленная и халтурная попса больше не может претендовать на всеобщее внимание: молодёжь, хотя бы краем уха услышавшая то, что здесь звучало, наглядно убедилась в том, что есть другая музыка. Свежая, самобытная, пусть иногда необычно и непривычно звучащая, но ничуть не менее живая, увлекательная, драйвовая, если угодно. И надо сделать лишь небольшое усилие, чтобы услышать её, осознать, что она есть, что её можно полюбить.

Имея в виду, что следующий фестиваль будет пятнадцатым (то есть в каком-то смысле «юбилейным»), члены жюри, экспертного совета и дирекции «МИРа Сибири» провели что-то вроде «круглого стола», на котором обсудили итоги и перспективы своей работы. Была, в частности, отмечена необходимость как-то документировать итоги работы (отчасти эту задачу решают издающиеся по итогам каждого года фестивальные CD-альбомы), но есть смысл подумать о создании книги-летописи. В самом деле, что бы мы знали о Троянской войне, не будь «Илиады»?!

Михаил Тарковский

Библиотека «Мудрые дети»

Литература и воспитание

В наше деидеологизированное время воспитание подрастающего поколения ведётся через американоподобный телевизор, через витающий в воздухе рыночный дух да через установки Минобра на «успешность». Вопросы духовно-нравственного воспитания с повестки сняты, поэтому если что-то и возникает на общем удручающе беспочвенно-бездуховном фоне, то только по инициативе отдельных подвижников. Видимо, сейчас их пора.

Хочу поделиться примером опыта духовно-нравственного воспитания, программу которого воплощает в жизнь наш ближайший сосед и соратник, писатель из Новосибирска Николай Александрович Александров: «Сейчас страшно размыты нравственные берега. Библиотека „Мудрые дети“ — это попытка возродить традицию семейного чтения. Это совместное обсуждение нравственных вопросов, на которые можно найти ответ только в диалоге поколений. Программа, процитирую, призвана побудить ребёнка к осмысленному отношению к себе и к тому, чтобы укрепить внутрисемейный мир и породить семейное сотворчество в познании нравственного и поведенческого эталона гражданина и патриота России. Кроме того, это попытка сгладить противоречие между школой и семьёй, которое очень часто сеет раздор в душе ребёнка».

Литературная основа «Мудрых детей» — это короткие рассказы, после каждого из которых в разделе «Думаем вместе» помещены размышления на тему рассказа, а в разделе «В помощь учителям и родителям» — вопросы, рекомендуемые к обсуждению с детьми. В разделе «Самостоятельная работа» предлагается выяснить значение тех или иных слов и список словарей: «Словарь Ушакова», «Большой толковый словарь русского языка», «Большой энциклопедический словарь» и «Словарь современного русского языка». На обложке книги — адрес электронной почты, по которому можно отправить: 1) оценочный отзыв по пятибалльной системе; 2) развёрнутый отзыв о прочитанном; 3) рекомендацию или творческое задание авторам.

За март-апрель 2017 года Александров провёл тридцать пять семинаров во всех районах и многих городах Новосибирской области, охватив ещё и Кузбасс. Конференции, встречи с учащимися и студентами, семинары с учителями. На этот год запланировано семь конференций по «Мудрым детям» в педагогических колледжах области.

Ещё Александров проводит видеоконференции в областном Центре информационных технологий: это когда вся область смотрит, сидя у себя в управлениях образования на местах, а Николай Александрович выступает перед залом и камерой в облЦИТе, и получается диалог на всю область. Педагогические колледжи (их в области семь) ввели в учебный план работу по методике «Мудрых детей» при подготовке учителей младших классов. Спецкурс по «Мудрым детям» в педагогическом университете начнётся с февраля 2018 года.

На «Мудрых детей» Александрова вывела его книга «Тайна счастливой жизни». Санкт-Петербургское издательство «Русская симфония» вышло на неё после рассылки рассказов из этой книги по журналам. Александров передал в «Русскую симфонию» рукопись «Тайны», издатели спросили разрешения отдать её в Патриархию на предмет получения благословения Алексия, но после экспертизы благословение дал Омский архипастырь, который в Патриархии отвечал за учебные программы. «Русская симфония» издавала книгу несколько раз, распространяла и через магазины, и через иконные лавки. С той поры Александров переработал «Тайну» и, как он выразился, «всю назидательность оттуда выкинул». Некоторые рассказы из переработанной «Тайны» вошли в «Мудрых детей», некоторые рассказы написаны заново. И теперь, по словам автора, «Мудрые дети» по-настоящему «русские и честные», и главное — в них «нет ортодоксальной религиозности, ортодоксального коммунизма и ортодоксального либерализма, а есть здравый смысл, любовь и нравственная свобода самостоятельного познания традиции».

Представляем нашим читателям отрывок из книги «Сальто-морале», одной из четырёх книг Николая Александрова, написанных в рамках проекта «Библиотека „Мудрые дети“».

Николай Александров

Книга для молодёжи

Без любви жить легче, но нет смысла.

Л. Н. Толстой

К чтению книг, стоящих в стороне от школьной программы, я обратился довольно поздно, только в четвёртом классе впервые посетил школьную библиотеку. Каким-то чудом в моих руках оказалась удивительная сказка Петра Ершова «Конёк-Горбунок». Читал я её беспощадно, неторопливо и с наслаждением до пятого класса. Потом библиотекари выловили меня и принудили сдать полюбившуюся книгу. Я с большим волнением отдал своего «Горбунка» и взамен получил повесть Михаила Михеева «Тайна Белого пятна». Эту книгу я тоже читал долго и основательно, но когда я всё-таки добрался до библиотеки, чтобы вернуть замусоленный томик, меня любезно спросили, понравилась ли мне приключенческая фантастика. Сам вопрос содержал в себе ядро разрушительной силы: я вдруг понял, что все полюбившиеся герои и удивительные события — плод фантазии автора! Я решительно и едва ли не в слезах покинул пределы библиотеки — растерянный и ошеломлённый, но в полном и окончательном убеждении более никогда не переступить порога лжи и предательства.

Но читать всё-таки хотелось, и я побрёл в библиотеку медицинского института, которая находилась в неторопливой близости от моего дома, полагая, что именно в этих стенах я обрету истину, беспощадную, как диагноз, и учение, белоснежное, как врачебный халат. Преодолевая неловкость и смущение, я смело и даже уверенно положил на высокомерную библиотечную стойку свидетельство о рождении и заявил, что хочу записаться в ряды добровольных читателей.

— Но, милейший юноша, — улыбнулась доброжелательная библиотекарь, — может, вам удобней будет пользоваться школьной библиотекой?

— Ни за что! — горячо и уверенно ответил я.

— Что-то случилось? — удивилась женщина.

— Да, там меня обманули.

— Надо же, — пожала плечами она. — Ладно, а что, собственно, вы любите читать?

— Не знаю, наверное, всё, — честно ответил я, — но не фантастику, фантастику я просто ненавижу!

Библиотекарь задумалась, но в этом молчании я уловил заботу, осмелел и перестал стесняться.

— Хорошо, молодой человек, — отступила она, — тогда пройдитеесь самостоятельно. Но по левую руку находится специальная медицинская литература, она едва ли будет вам интересна, а по правую — художественная. Пожалуйста, будьте любезны, выбирайте, а я пока оформлю для вас билет читателя.

Я торжественно прошествовал по узкому проходу пустующей библиотеки, между высоченных стеллажей, плотно забитых книгами. Слева я действительно обнаружил книги по медицине, со зловещими названиями и такими же картинками. А вот разглядев корешки книг, стоящих на правом стеллаже, я почувствовал себя если не своим, так хотя бы приближённым, особенно когда обнаружил полное собрание сочинений Горького. А Горького мы уже проходили в школе, мне очень понравился его рассказ про Данко, который вырвал своё сердце, чтобы осветить людям путь к спасению.

Когда я вернулся к стойке с выбранной книгой, библиотекарь уже привычно удивилась.

— Молодой человек, но эта книга для взрослых, посмотрите, она так и называется: «Книга для родителей».

— Но она же о детях и может быть мне полезной. Мы с мамой любим читать вместе, — уверенно обманул я.

— Прекрасная мысль! Книга для родителей, конечно, о детях! А вы читаете вместе с мамой?

Я обречённо кивнул и подумал, что теперь, на всякий случай, мне придётся читать вслух для мамы.

— Хорошо, очень хорошо, что вы самостоятельно беспокоитесь в отношении своего образования. Если бы все дети занялись самовоспитанием, у нас была бы сказочная страна, — решительно загрузила женщина, видимо, подумав о чём-то своём.

Я не понимаю, почему добрая женщина доверила мне читать «Книгу для родителей» Антона Семёновича Макаренко, поскольку в книге есть очень острые и даже жестокие сюжеты, которые могут ранить детскую психику, однако я как-то справился и понял, что Добра на земле значительно больше, чем Зла, но Зло катится с горки по пути наименьшего сопротивления, а Добро карабкается вверх, Добро — это всегда усилие, и потому совершать добрые дела — это удел сильных людей. Реальные случаи из жизни и их анализ — именно так построена «Книга для родителей». Она стала моим первым серьёзным, откровенным и вдумчивым собеседником и наставником.

Чтения вслух очень понравились моей маме, особенно в те моменты, когда она трудилась на кухне. Наш обоюдный труд и досуг произвольно завершался обсуждением прочитанного: мама вдруг рассказывала интересные истории из жизни или вспомнившихся книг, мы обсуждали и даже спорили, — это были удивительные уроки познания жизни, размышления и поиска ответов на очень сложные вопросы. А теперь я понимаю и большее: то были минуты нашего

семейного мира, которые я провёл рядом с мамой и которые теперь вспоминаю с особой теплотой и благодарностью.

После я познакомился со множеством произведений удивительных и непревзойдённых авторов русской и зарубежной литературы — они, будто путеводные звёзды, зажигались над моей головой, служили заботливыми и неравнодушными учителями, чтобы вести по лабиринту вечного и мучительного нравственного выбора, но всё-таки памятной книгой в моей жизни осталась сложная и не во всём понятная «Книга для родителей». Может быть, эта память и благодарность и побудили меня сесть за стол, чтобы написать книгу специально для молодёжи, книгу серьёзную и предельно честную. А возможно, подвиг Данко заставил меня открыть сердце и поделиться своим личным опытом, но я знаю по себе, что главный инструмент воспитания — это всегда добрая воля человека, это всегда результат самостоятельного и вольного труда, а мы — родители, учителя, писатели — всего лишь попутчики, и наше дело освещать путаные тропы жизни своим неравнодушным и полным любви и заботы сердцем.

Автор

САЛЬТО-МОРТАЛЕ!

Когда мамина подруга тётя Неля работала буфетчицей в цирке, к нам в город приехала всемирно известная иллюзионистка, и звали её, кажется, Гертрудой, но не исключено, что Виолеттой, а возможно, даже Сюзанной. Точно я не помню, но имя было загадочным. Из какого мира это небесное тело рухнуло на наш город, я не знаю, но тётя Неля рассказывала, что эта артистка крайне надменна и капризна и даже сам директор цирка почему-то лебезит перед нею, как дворняжка перед колбаской. Рядовых сотрудников это обстоятельство крайне раздражало и вызывало ироническую скорбь, поскольку с ними директор не церемонился. Может быть, именно поэтому мама и тётя Неля в разговорах между собой звали эту цирковую супер-пупер-звезду просто и незатейливо — Звезданутая.

Звезданутую цирковую знаменитость я видел, и не один раз, потому что она обслуживалась у моей мамы, которая работала в парикмахерской и едва ли не каждый Божий день строила на её голове невероятно пышную причёску. На эту причёску — а вот это я запомнил точно — уходило два шиньона. Сначала мама принимала Приму в парикмахерской, а потом уже и дома, отчего наш семейный достаток немного попрос.

Прима была обыкновенной женщиной, ничем не примечательной, за исключением усиленной и даже необузданной манерности: она вела себя как капризная принцесса, уставшая от внимания поклонников, придворной челяди и шутов. И теперь у меня перед глазами её неспешные и томные движения, взгляды, обращённые под веки, глубокие ахи и вздохи — действительно абсолютно звезданутая,

причём на всю голову. Глядя на Приму, создавалось впечатление, что иллюзионистка однажды вышла на сцену, а сойти с неё забыла. Но подлинной жизнью она дышала на арене нашего нового цирка, в своём водном аттракционе, расцвеченном причудливыми танцами фонтанов. Её номер занимал всё второе отделение, отчего перерыв полностью приходился на установку и монтаж её громоздкого оборудования. Кстати, я знал, что под ареной цирка есть огромное помещение, в которое во время представления исчезали её помощницы-красавицы. Они тоже бывали на приёме у мамы, и я видел их заспанные и малопривлекательные физиономии. И должен признаться со всею прямоотой: они не были красавицами, а уж кто и был настоящим иллюзионистом в нашем городе, так это моя мама. И тогда уже я задумался над неутешительным выводом: ох и дурят же нашего брата-мужика! Ох как дурят! Прямо в бараний рог скручивают, в самокрутку сворачивают, как младенцев беспомощных, пеленают нежными, в боевой маникюрной окраске пальцами, чтобы только не вырвался из цепких и беспощадных женских рук.

Памятный разговор с Примой произошёл случайно. Я вернулся из школы, сумка с книгами улетела на диван, я — на кухню, где что-то и быстро успел закинуть на дно желудка и готов был уже бежать на тренировку, как услышал из маминой комнаты:

— Юноша, это вы?

Я приоткрыл дверную щёлочку в мамины апартаменты, и предомной явилась чудовищная картина: на стуле сидела Прима, в заношенном мамином халате, моих тапочках и с целлофановым пакетом на голове, из-под которого вытекала коричневыми струйками то ли краска, то ли какая иная секретная женская приманка. Вся эта прелесть ручейками бежала по её лицу и, точно лава, застывала на шее неопрятной коростой.

— Юноша,— как-то безразлично и даже лениво поинтересовалась Прима,— вы любите цирк?

Более дурацкого вопроса в своей жизни я не слышал. Разве можно не любить цирк мальчишке в четырнадцать лет, который вот уже пять лет бегаёт в гимнастический зал и мечтает стать великим и знаменитым спортсменом?

— Конечно, люблю!!!

— А доводилось ли вам бывать на наших представлениях?

— Да, конечно,— с меньшим энтузиазмом ответил я, подняв глаза на часы: до тренировки ещё полчаса, то есть в распоряжении Прими не более пяти минут. Она явно скучала: видимо, мама нарисовала её, а сама куда-то ушла, и Приме хотелось разделить с кем-нибудь вынужденное безделье.

— А кто вам, молодой человек, более всего симпатичен: фокусники, жонглёры,— она отчего-то манерно ударяла на «о»,— или клоуны? Наверное, всё-таки клоуны? Я угадала? — Прима сидела неподвижно,

её глаз из-за надвинутого на лоб пакета практически не было видно, и я глядел только на мимику её губ.

— Мне нравятся акробаты!

— Очень странно! Отчего же не клоуны? — закапризничала Прима.

— Клоуны тоже, но акробаты больше.

— Хотя бы, например, фокусники? Акробаты крайне грубы и дурно воспитаны, — попыталась преподать мне урок назидания Прима.

— Но они стоят на руках, как боги! — с восторгом заявил я и, чтобы окончательно решить спор и убедить Приму, распахнул дверь настежь и тут же, в проёме, встал на руки, развернулся и, шлёпая ладонями по полу, пошёл к выходу.

— Bravo! — услышал я уже на лестничной площадке. — Недурственная техника!

И вот эта последняя её фраза о моей технике меня подкупила навсегда, и даже теперь, когда прошла целая жизнь, я испытываю благодарные чувства за её высокую оценку моих гимнастических навыков. Но всё должно было бы на этом закончиться, потому что каждый получил что хотел: Прима убила несколько минут безделья, я произвёл впечатление и при этом не опоздал на тренировку. Но, видимо, в цирке и с цирковыми артистами всё по-другому. Через пару дней мама передала мне прямоугольную визитку Примы и сказала, что теперь и отныне я могу ходить в цирк на любое представление, но только через служебный вход.

— И меня пропустят? — с недоверием полубопытствовал я.

— Ещё как! — уверила меня мама. — Это же визитка самой и несравненной... — и далее мама перечислила её международные заслуги и звания.

Я очень удивился, потому что значимость перечисленных регалий не совмещалась в моей голове с маминым драным халатом и моими истоптанными тапочками. Однако ни в этот день, ни в последующий в цирк я не пошёл! Почему? Думаете, я не знал, где находится служебный вход? Знал, конечно! Думаете, я волновался и несколько раз подходил к дверям, но не сразу решился открыть их? Да, на этот раз вы не ошиблись, именно так и было! И я вошёл с пятой или седьмой попытки! Господи, как глупы были мои опасения по поводу того, что меня с позором вытолкают прочь! Всё случилось не так. Вахтёр глянул на визитку, нажал на педаль, которая блокировала вертушку, я, удивлённый простотой манипуляции, шагнул вперёд... и вот я в цирке!

К моему удивлению, цирк встретил меня едким запахом навоза и ароматами пряных духов. Пробежал мужик с собачкой на руках, громила в ливрее посмотрел на меня внимательно и свысока и грубо спросил, за-ради какого овоща я здесь болтаюсь. Я предъявил ему визитку. Мандат от Примы действовал на всех как удав на зайца — завораживающе и скручивал смотрящих в мелкую и податливую пружину. И меня любезно провели и усадили в директорской ложе. Ха! Вы можете себе представить, что эта самая ложа находится на втором ярусе,

как раз напротив выхода на арену, а тут же, над входом, — рукой достать можно — весёлый цирковой оркестр. А вокруг празднично одетая публика — теснотища и толчея, и только я один в директорской ложе, как в ладье, покачиваюсь в гордом одиночестве на людской бурлящей волне! Сначала я устроился на носу ложи, потом переместился на корму, но после решил, что солиднее, если я расположусь посередине, там, где предположительно должны быть мачта и капитанский мостик.

Но вот восторжествовали фанфары, и оркестр заиграл цирковой марш! Господи, какой это замечательный и красивый марш! И в тот же миг распахнулись кулисы и начался парад артистов цирка: сначала шествовали красавицы в каких-то неимоверно пышных и ярких перьях, потом воздушные гимнасты, кувыркающиеся акробаты, жонглёры, играющие в воздухе любыми предметами, собачки, козочки и — о Господи! — медведь на цепи! Его вёл старичок — божий одуванчик, а за ним шествовал Геракл, нет, сам Аполлон — гора мускулов! Это был бородатый богатырь, затянутый серебряным поясом, в золочёных сапожках и в манжетах на руках. Но я уже знал, что под манжетами прячется эластичный бинт, защищающий запястья от травм. И в момент, когда все уже выстроились вокруг арены, в центр манежа царственно ступили Прима и её помощницы!

Вот когда я испытал восторг! Да нет! Не оттого, что Прима была в короне и королевском платье, шлейф которого несли два пажа-карлика, и даже не от того светового калейдоскопа, который крутил весь амфитеатр цирка и арену в едином круговороте весёлого и браваурного марша! Я испытал восторг оттого, что я знаком с самой... имя, жаль, не помню, с самой знаменитой Примой цирка, которая не просто пригласила меня в директорскую ложу, но и теперь приветствовала меня взмахом руки и улыбалась! И я помахал ей! Я видел, что на меня обратили внимание все зрители и все артисты цирка. Я понимал их замешательство и знал — они сейчас все в недоумении и, может быть, мучимы одним и тем же вопросом: кто этот юноша в директорской ложе? А это был я!

И жизнь моя вдруг изменилась, потому что наступили каникулы и потому что тренер перевёл нас с пятидневных нагрузок на трёхдневные, и потому я шастал в цирк уже как на работу, беспрепятственно преодолевая вахтёров, которые вскоре перестали спрашивать с меня какие-либо документы. Я проходил в зал, садился на второй ряд и наблюдал за репетициями артистов. Признаюсь, что репетиции значительно интереснее представления. Вот где настоящий цирк — за кулисами! Настоящий цирк — он не лощёный и не праздничный, и я уверен: если бы зрители могли выбирать, поверьте, все ходили бы только на репетиции. Все артисты, подавляющее их большинство, почему-то очень эмоциональны, а некоторые безудержно эмоциональны. Вот эти немногие, у которых в работе уживались и свежий матерок, и подзатыльники, были мне крайне интересны. Более всех дурачились клоуны — они даже дрались между собой. Но вечерами, выпив немного

в буфете у тётки Нели, как ни в чём не бывало они выходили на арену, и зал рыдал от смеха. Закулисная жизнь — удивительная жизнь! Как все ухаживали за больным и капризным слоном, которого оставили в цирке уехавшие артисты. Ему носили яблоки и апельсины, а когда он начинал стонать, гладили по могучей ноге, словно кошку по лапке.

Если не брать в обязательный расчёт танцующих девушек и акробатов, то среди прочих мне особенно нравился силач. Вот его-то я запомнил на всю жизнь. Его звали Валентин Дикуль. Он был подобен русскому богатырю и виделся мне просто огромным: накачанные мышцы, борода, серебряный пояс стягивал талию. Он выходил на арену на специально подготовленную платформу и жонглировал гирями по восемьдесят пять килограммов каждая. А ещё я запомнил шары, золотые: он катал их по рукам и груди, подбрасывал вверх и ловил на шею. Иногда он ставил гирию на барьер арены и жестом приглашал зрителей попробовать поднять её. И находились смельчаки! Но только один однажды двумя руками поднял эту гирию выше головы. За смелый выход этому зрителю аплодировали, как настоящему артисту.

Но дело было не в гирях и не в силе атлета, а в том, что Валентин, как рассказали мне работники цирка, был воздушным гимнастом и упал во время номера. Говорили, что сильно переломался, лежал парализованный, но начал тренировать себя — и совершилось чудо, о котором говорили даже доктора, не верившие в его выздоровление. Я с восторгом наблюдал за своим кумиром, который на ту пору моего подросткового максимализма затмил всех прочих Героев Советского Союза. Он репетировал сосредоточенно и усердно, не обращая внимания ни на кого, и только один раз подмигнул мне, потому что я в это время был его единственным зрителем. Шёл первый или второй год, как Валентин вышел на арену цирка после продолжительной болезни и изнурительных тренировок. В те ранние юношеские годы я понял, что чудеса бывают только тогда, когда мы сами стараемся их совершить. И я решил, что тоже буду твёрдым и уверенным в достижении своей цели, а если случится беда, то, как Дикуль, буду тренироваться и совершу чудо. И на своих тренировках прыгал бесстрашно и уверенно, потому что не боялся никаких переломов.

В основном, конечно, я посещал репетиции акробатов. Я с интересом и пониманием следил за их работой. Труппой руководил дядя Лёша — по крайней мере, его так все звали. Особенность труппы заключалась в том, что все акробаты были разновозрастными родственниками — сыновьями, зятьями, братьями или племянниками.

В тот день я, как всегда, сидел во втором ряду, а на арене работали акробаты. Собственно, они занимались тем, чем и мы занимались у себя на тренировках, — разучивали новые акробатические упражнения. А потом уже, в конце репетиции, проходили всю программу выступления от начала до конца. В тот день дядя Лёша очередной раз

бился с племянником Серёжей, мальчишкой лет десяти. Они разучивали с ним арабское сальто. Это достаточно простое упражнение, его ещё можно назвать сальто боком или в сторону. Чуть сложнее сальто назад, потом по сложности идёт сальто вперёд, бланш, пируэт, лунное сальто и прочее акробатическое разнообразие.

Серёжа конкретно буксовал и никак не мог сделать это несчастное арабское сальто. Дядя Лёша уже открыто раздражался на него, а тот упрямо смотрел на ковёр и опять творил чёрт знает что.

— Серёжа! Не надо спешить, вот смотри: два шага, прыжок и группировка! Группируясь, ты себя закручиваешь, вот так! — и дядя Лёша ловко продемонстрировал арабское сальто.

Серёжа или специально не хотел и включал дурака, или действительно у него не получалось. Такое бывает: работаешь над сложнейшими прыжками, а какая-нибудь проходная вещь не идёт — и всё тут, хоть убейся! Я помню, как забуксовал на перевороте вперёд, а потом так почувствовал его, что следом за переворотом делал сальто вперёд прогнувшись! Представляете: переворот вперёд и сальто вперёд прогнувшись! Хотелось бы увидеть этого смельчака, который рискнул бы повторить эту связку!

— Серёжа! Ты чё, издеваешься?! — уже орал дядя Лёша. — Вон видишь, пацан сидит, он уже наверняка понял, как надо группироваться! — и вдруг дядя Лёша поворачивается ко мне и спрашивает: — Слушай, друг, скажи: ты понял, как надо группироваться?

— Конечно, — с готовностью откликнулся я.

— Вот видишь, сидит пацан, простой местный пацан, и тот уже всё понял, а я с тобой уже месяц бьюсь — и никакого результата! Давай ещё разок, но только соберись.

Видимо, то был не самый удачный день для Сергея, он опять не докрутил и упал на поролоновый мат.

— Я уже устал тебе показывать, — и вдруг дядя Лёша вновь повернулся ко мне: — Слушай, если ты всё понял, может, и сальто сделаешь? Может, это его пробьёт?!

— Ладно, — согласился я, разулся, перескочил через барьер и, ускорившись в два шага, сделал арабское сальто.

— Ты видел, что творит? — обратился к Серёге дядя Лёша. — Ты видел высоту и скорость вращения? Ты видел, как он руками себе помог закрутиться? Слушай, парень, — обернулся он ко мне, — а что ты ещё умеешь делать?

И, не моргнув глазом, я ответил:

— Всё!

Труппа акробатов, которая давно наблюдала за нами, дружно рассмеялась.

— И сальто-мортале можешь? — вдруг ввернул, как ему показалось, горький вопрос Серёжа.

— Это как? — не понял я.

— Это сальто назад, цирковая терминология, типа, смертельный прыжок, ничего особенного, — ответил дядя Лёша, уже догадываясь о моём положительном ответе.

— Назад могу двойное, а вперёд двойное только с трамплина, — не тормозил я.

— Здорово, — оценил дядя Лёша, и все закивали, соглашаясь с ним. — А окрошку осилишь?

— Без проблем, — я уже захлёбывался хвастовством и кинул в довесок на свою чашу весов: — И лунное сальто могу!

— Лунное? В двух осях? — не поверил дядя Лёша.

Я восторженно закивал.

— Всё, ребята, мне пора на пенсию, если пацан из Новосибирска может делать то, чему я научился уже под старость лет! Мне пора на пенсию. Всё, допрыгались.

С того дня и началась наша дружба. И я изредка даже прыгал вместе с ними на репетициях. И Серёжку научил делать арабское сальто — я просто понял, что он боялся. И я ему сказал, что если он боится, то никогда не станет настоящим акробатом, потому что настоящий акробат — это тот, кому неведом страх, акробат — это самый свободный человек в мире, акробат — это птица, ему даже земное притяжение ни почём. И я в подтверждение своих слов подпрыгнул, взлетел и сделал арабское сальто. Это так удивило Серёжку, что он тут же разбежался и сделал это несчастнее арабское сальто. Сам удивился и засмеялся, да так задорно, что и я с ним смеялся как полоумный. А потом я ещё научил его делать твист — это такое сальто назад с поворотом.

И вот однажды дядя Лёша увидел меня в цирке и сказал:

— У меня работать сегодня некому, приходи, я с директором постараюсь всё уладить. Понимаешь, обстоятельства, у нас дед помер — старейший акробат, основатель труппы, и ребята поехали проститься, вот мы и остались вчетвером, сам понимаешь — ни два, ни полтора.

И я умчался за спортивной формой домой, благо жили мы минутах в семи от цирка. Когда я вернулся и нашёл дядю Лёшу, тот развёл руками: — Извини, зря тебя гонял, директор категорически против. Видишь ли, есть такая наука — техника безопасности. Кто, говорит, отвечать будет, если что случится? Он прав, за всё в ответе директор. Вот так, брат-акробат.

— А если Приму попросить, ну, эту иллюзионистку? Она знаешь какая! Он её сразу же послушается, — горячо предложил я.

— Нет, я не могу, мы поссорились с нею, обиделась она на меня, — глубоко вздохнул дядя Лёша и посмотрел куда-то вдаль печальными глазами незаслуженно побитой собаки.

Вот в чём дело, понял я, дела тут сердечные, запутанные. Любовь! Я уже знал, что это такое, и мне от всего сердца стало жаль дядю Лёшу. — Щас нарисуем, — уверенно сказал я. — Я пойду к ней, она его, этого директора, как лягушонка, наизнанку вывернет и авкать научит.

— Что делать? — не понял дядя Лёша.

— Авкать. Лягушка что делает — квакает, а если её вывернуть наизнанку, она авкает! — радостно пояснил я и кинулся в гримёрную Примы, потом повернулся и крикнул: — А ещё я вас сейчас помирю! — Не вздумай! — услышал я дядю Лёшу, в голосе которого уловил надежду и благодарность.

С Примой к тому времени у меня сложились совершенно дружеские и доверительные отношения. И всякий раз, когда мы встречались у нас дома, она начинала болтать со мной без удержу, но, как всегда, манерно и со вкусом. Или когда я приходил на представление и размещался в директорской ложе, она махала мне рукой и даже посылала воздушные поцелуи. Но что мне эти поцелуи от старухи: ей уже, как и маме, и тётке Неле, было лет под тридцать пять. Лучше бы подтанцовка посылала поцелуи, там тоже девчонки не молоденькие, как говорится, не первой свежести, лет по восемнадцать, но всё равно не так безнадежно.

Я не знаю, о чём говорила Прима с директором цирка, но то, что он сам пришёл и уведомил дядю Лёшу о своём разрешении на моё выступление в составе акробатической труппы, — то факт исторический. Когда я переоделся, дядя Лёша несколько смутился: дело в том, что они выступали в светло-сиреневых одинаковых майках и спортивных трусах, а у меня было ослепительно белое шерстяное, обтягивающее тело гимнастическое трико. Он махнул рукой: мол, семь бед — один ответ. И вот мы за кулисами на изготовке. Но сначала девчонки танцуют, они стояли с нами за кулисами и должны были, пока разбирают оборудование предыдущего номера, заполнить паузу своими танцами. Паузы заполняли либо клоуны, либо танцующие девушки. Они стояли совсем рядом, шелестели своими яркими перьями и тихонько переговаривались. Тут же ходил разодетый, как павлин, конферансье в ливрее: он вышагивал важно и иногда по-индюшачьи шипел на болтающих девушек и щипал их за тощие бока.

Как приятно чувствовать себя соучастником праздника! И вот наконец запыхавшиеся после танца девчонки забежали за кулисы, потом торжественные фанфары, конферансье объявляет наш номер, и под какую-то немислимую музыку мы бежим навстречу ослепительным прожекторам и лучами разлетаемся по манежу в разные стороны, исполняя каждый свою акробатическую связку. Я замолотил несколько фляков подряд, они очень эффектно смотрятся. А потом я летал по арене без удержу, и дядя Лёша пытался меня слегка уговорить, но настроение, с которым я прыгал, понравилось многим, и нам бурно аплодировали. Мои прыжки отличались манерой исполнения, особой эластичностью и чистотой. Теперь-то я понимаю, зачем наш тренер водил нас на занятия в хореографическое училище, где мы часами томились у станка рядом с какими-то сопливыми девчушками и кляли тренера несчётно. Только я среди акробатов московского цирка мог исполнять затяжные прыжки с вытянутыми носочками, идеально

прямыми ногами и ровно прижатыми пальцами рук! И в конце выступления, когда мы задействовали трамплин, который подкидывал нас метров на пять в высоту, и исполняли особо сложные прыжки, чистота исполнения вызывала особое восхищение зрительного зала.

О! Как скоротечны счастья минуты! Я разбежался для заключительного прыжка, взмыл вверх в затяжном, на секунду завис в воздухе, любясь многоликим амфитеатром, но вдруг в какой-то момент понял, что всё, как говорится, туши свет и поливай веники! — та заветная секунда уже позади, и что-либо крутить поздно. Это как у парашютистов: поздно дёргать за кольцо, парашют уже не успеет наполниться воздухом. Я продолжал парить, теряя высоту и пикируя ровно на голову! Зал замер, предчувствуя беду, но в самый последний момент я сложился и упал на страховочный мат спиной, а ноги накрыли меня, гася силу падения, и напуганный зал взорвался аплодисментами. Потом я уже нарочно исполнял этот прыжок, специально щекотал нервы зрителям.

Конферансье в момент, когда мы раскланивались и прощались и уже готовы были покинуть арену, вдруг объявил, что к акробатической труппе из Москвы сегодня присоединился наш земляк, акробат из Новосибирска, и назвал моё имя. За земляка зрители согрели нас новой волной аплодисментов, и я почувствовал себя особо ответственным представителем нашего города, почти что дипломатом, обеспечивающим мир и согласие, и, под шквал рукоплещущего зала, последним покинул арену.

За кулисами первыми меня встретили девчонки из подтанцовки, они говорили очень приятные слова, и кто-то сказал, что я прошёл «крещение»: мол, сегодня родился новый артист цирка, — и ещё что-то удивительное и трогательное, и некоторые, как мне достоверно показалось, самые симпатичные девочки смотрели на меня с любопытством. А потом я увидел силача Валентина Дикилю, который ждал, когда рабочие утвердят на арене пирамиду с шарами и круглый помост. Он мне опять подмигнул и показал большим пальцем: мол, всё очень хорошо, — и тогда вдруг я тоже ему подмигнул. Потом подошёл дядя Лёша, пожал мне руку, а Прима обняла меня, и я прижался к её боку и подумал, что зря мама и тётя Неля прозвали её Звезданутой. Да если бы она была другой, я бы так никогда и не выступил на арене цирка! А дядя Лёша сказал, что цирк — это семья, и мы здесь все, как мушкетёры, живём по одному принципу: «Один за всех и все за одного». После я ещё не единожды выходил на манеж, но вёл себя на арене сдержаннее. Профессионализм не купишь. Я уже знал, как надо работать со зрителем, и для этого совсем не обязательно мотаться по арене как угорелому.

ДУМАЕМ ВМЕСТЕ

Каждый день происходят чудеса, и, мне кажется, неважно — какие и для кого, главное — победить болезнь, или преодолеть страх, или

совершить немислимое сальто-мортале, или создать причёску, которая превратит Золушку в принцессу. Все эти чудеса когда-то творили обычные, но трудолюбивые люди — наши родители. А что может быть важнее и величественнее сотворённого тобою чуда? Только новое чудо!

Поразительно, но, если вдуматься, ведь так оно и есть: всякое наше слово или поступок остаётся и живёт. Да если бы я не встретил в своей юности этих замечательных и очень добрых людей, уверен, что по-другому бы сложилась моя жизнь. Но перед глазами был воздушный гимнаст и его мужественная школа жизни, буфетчица, утешающая драчливых клоунов, мама со своими великолепными причёсками, замечательная Прима с визиткой, влюблённый, трудолюбивый и очень добрый дядя Лёша, красавицы в перьях и ревуший большой слон — все мы в одном клубке жизни, плотном и едином.

И сегодня по-прежнему каждое наше слово и каждое дело касается друг дружки, и меня, и всех вас — вот откуда ответственность берёт своё начало. Ответственность за будущее всех и каждого. За каждое наше сальто-мортале мы в ответе — в ответе перед будущим!

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ:

1. Отчего большинство людей (и, наверное, вы тоже) любят цирк?
2. За что любил цирк герой этого рассказа?
3. Что удивило мальчика, когда он увидел Приму и пообщался с ней у себя дома?
4. Почему она пригласила его в цирк на особых условиях?
5. Почему мальчик, будучи ещё ребёнком, обладал акробатическими навыками?
6. По какой причине его взяли в цирковой номер?
7. Совпали ли представления героя о цирке с тем, что он увидел там? Чем похожи были артисты цирка на обычных людей? Чем отличались? Кто особенно его поразил? Почему?
8. Как вы думаете, работа в цирке — это тяжёлый труд или праздник жизни? Что об этом говорит автор?
9. Почему в рассказе ничего не говорится о гонорарах? Когда происходили события, описанные в рассказе? Ради чего трудились люди в цирке? А сейчас?
10. Почему для всех окружающих героя людей труд был радостным?
11. Что такое профессионализм? Как стать профессионалом?
12. Кем и какими вы хотите быть?

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА:

1. Если у вас есть возможность, сходите с родителями на цирковое представление и расскажите друзьям о своих впечатлениях.
2. Найдите информацию о Валентине Дикуле.
3. Пользуясь толковыми словарями, найдите значения слов: «гордость», «тщеславие», «честолюбие».

Вечная память подвижнику

Литературный музей имени В. П. Астафьева и Краевой краеведческий музей и понесли тяжёлую утрату. 16 сентября 2017 года на пятьдесят седьмом году жизни скончалась старший научный сотрудник Галина Александровна Толстова.

Она приехала в Красноярск более тридцати лет назад. Молодой преподаватель литературы пришла работать в краеведческий музей экскурсоводом. Начинала с «Юдинки», потом были почти все филиалы краеведческого музея. Но настоящее служение Науке и Музею началось с 1997-го, когда открылся Литературный музей. Она один из авторов первой экспозиции Литературного музея, талантливый экспозиционер, создала десятки уникальных выставок по истории литературы Сибири. Ею собраны коллекции по разной тематике: старообрядцы Приенисейской Сибири, уникальный архив семьи Лыковых, архивы писателей, журналистов, приборы по науке и технике начала двадцатого века. За годы работы в музее Галиной Александровной скомплектовано и обработано несколько тысяч экспонатов (этнографические предметы, фотографии и негативы, архивы творческих организаций, старообрядческие рукописные и старопечатные издания, эпистолярное наследие известных людей и др.). Коллекции обработаны и переданы для хранения в фонды КККМ навечно.

В течение последних пятнадцати лет она работала по исследованию языка Агафьи Лыковой, легендарной носительницы речи древних и современных славян. В 2004-м защитила кандидатскую диссертацию и издала первый в истории науки «Словарь языка старообрядки Агафьи Лыковой». По лингвистике опубликовала несколько десятков статей и рефератов. Буквально совершила научный подвиг — подготовила второе издание «Словаря Лыковой» объёмом в тысячу страниц, словаря этимологического!!! Без преувеличения, Галина Александровна выполнила исследование целого института. Не успела увидеть своё творение, однако стараниями друзей и близких словарь будет издан уже в октябре-ноябре сего года.

В лице Галины Александровны мы потеряли Человека кристальной честности и высоких помыслов, открытого, доброго, незлобивого и всегда готового на самопожертвование во имя близких, родственников и друзей. Да будет ей вечная память!

Коллектив Литературного музея

Галина Толстова

Хранительница народного богатства

Агафья Карповна осталась одна из семьи староверов-отшельников, найденных геологами в 1978 году в Западных Саянах при обследовании реки Большой Абакан. В сентябре 1980-го об этом факте читателям поведали газеты «Социалистическая индустрия» и «Красноярский рабочий». Всесоюзную и мировую известность семья Лыковых получила после публикаций журналиста В. М. Пескова на страницах «Комсомольской правды». С тех пор на Еринате у Лыковых побывало много научно-исследовательских экспедиций.

Лыковы — олицетворение крепости веры, силы духа, стойкости. Предки Лыковых — выходцы из Нижегородской губернии, с известного духовного центра русских старообрядцев — реки Керженец.

К моменту обнаружения геологами таёжных жителей их было пятеро: глава семейства Карп Иосифович, сыновья Саввин (сорока пяти лет), Дмитрий (тридцати шести лет) и дочери Наталья (сорока двух лет), Агафья (тридцати четырёх лет). В изоляции семья жила с 1937 года. Лыковы занимались рыболовством, охотой. Долгие годы старались сохранить свой мир от посторонних, уберечь семью от влияния мирских, особенно в отношении веры. После первых публикаций в газетах о таёжных жителях контакты с людьми стали чаще, они людей уже не сторонились.

В 1981 году один за другим трое из детей — Саввин, Дмитрий и Наталья — умирают. В 1988-м ушёл из жизни, «убрався», как выражается Агафья, Карп Иосифович Лыков. После его смерти были попытки помочь Агафье, облегчить её судьбу. Сегодня Агафья Карповна живёт в саянской тайге, на Еринате, в соседстве с охотником Ерофеем Сазонтьевичем Седовым.

Язык семьи как уникальное явление привлекает серьёзное внимание лингвистов. Глубокое исследование проведено кандидатом филологических наук, старшим научным сотрудником Красноярского краевого краеведческого музея Г. А. Толстой (диссертация «Старообрядческая конфессиональная лексика А. К. Лыковой», Кемеровский госуниверситет, 2007; книги «Древо Аввакума (Житие христиан Лыковых)», Красноярск, 2008; «Полуустав в XXI в. (коллекция писем старообрядки Агафьи Лыковой в собрании КККМ)», Красноярск, 2011).

Подготовлено второе, дополненное и исправленное, издание «Словаря языка старообрядки Агафьи Лыковой». Издание отражает эпистолярную речь отшельницы, представленную в ста семидесяти

Агафья Лыкова и Галина Толстова

четырёх письмах, написанных в период с 1986 по 2016 год разным адресатам. Тексты писем даются в приложении. В книге более трёх тысяч словарных статей.

В приложениях к «Словарю» даётся публикация списков источников, фоновых материалов, представление словника по частям речи, по тематическому принципу, словарик устойчивых оборотов, цифрового использования букв алфавита и т. д. В издании предусматривается также публикация фотографий и рисунков семьи Лыковых, сделанных членами научных экспедиций на Еринат.

По выражению Максима Горького, «язык создаётся народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, „сырой“ язык и обработанный мастерами». Народный язык состоит из диалектов и отражается в речи отдельных носителей. Пример тому — речь таёжной жительницы.

Формирование языковой личности ограничивалось внутрисемейным общением, первые контакты с основными носителями русского языка появились поздно. Материалы, хранящиеся в Литературном музее, филиале Красноярского краеведческого музея, — письма, аудиозаписи речи членов семьи Лыковых, фоновые письма и аудиозаписи речи окружения семьи, этнографические предметы — относятся к 1978–2012 годам, что позволяет изучать развитие языка Агафьи Карповны во временном пространстве.

Предлагаем вашему вниманию одно из многочисленных писем Агафьи Лыковой и его перевод с русского — на русский. Точнее сказать, с древнего — на современный. Может, через сотни лет и наши далёкие потомки не смогут без перевода понять написанное нами...

ГДИ ІСѢ ХРІСТѢ СЫНѢ БОЖІИ ПОМИЛУЙ
 НАСЪ СНИСКИМЪ ПОКЛОНОМЪ
 АГАФІА КЪ ИГОРЮ ПАВЛОВИЧЮ
 НА ЗАРОВО ИСУПРБГЕ ТВОЕИ ТАМА
 ИДЕТЕМЪ ВАШИМЪ ~~ВАШИМЪ~~ СВЕТА
 ВАЛЕРИЕ КЛАНЯЮСЪ ВАМЪ ПОНИС
 КОМУ ПОКЛОНЫ И ЖЕЛАЮ ВАМЪ
 ШГОСПОДА БОГА ДОБРАГО ЗАДОРОВІА
 АШЕВНАГО СПАСЕНІА ВЪ ЖИЗНИ
 ВСАКАГО БЛАГОПОЛУЧІА СООБЩА
 ОСВОЕЙ ЖИЗНИ ПОКА СЛАВА БОГА
 ЖИВѢ БЛАГОПОЛУЧНО ЗАДОРОВЕМЪ
 НЕ ОЧЕНЬ ТАКОЙ БОЛЕЗНИ ПОКА
 ГОСПОДЕ ХРАНИТЕ НО АДЫШКА
 И РУКИ СТАЛИ ТЕРПНУТЬ ДОХОДИВА
 ЧТО НИ СПАТЬ НИ ДЕЛАТЬ МОЛИТЦА
 ТОЛКО ЧТКОМЪ ПОКЛОНЫ НЕ МОГЛА
 ПАРАФИНОМЪ ПРОГРЕВАТЬ А ДНА
 НЕ СМОГЛА БАЛЗАМАМЪ НАТИРАВА
 ПОКА МАЛЕНКА ПОЛЕКЧЕ СТАЛО

ИГОРЮ ПАВЛОВИЧЮ НЕ СМОЖЕТЕ ЛИ
 ЛЕКАРСТВА НАЙТИ ВЪ ГОСТИ
 МИЛОСТИ ПРОСИМЪ ПРИЕЖАЙТЕ
 НОНЧЕ А КАРТОШКИ НАКОПАВЪ
 ТРИСТАТЪ ТРИЦАТЬ ОВОЩИ
 ТРИЦАТЬ ВЕДЕРЪ КУРЪ ПРИВЕЗЛИ
 КУРЯТНИКЪ ПОСТРОЙВА НО ПОСЛЕ
 ВАСЪ ПЕЧЬ ПЕРЕДЕЛАВА ВЕНИКОВЪ
 СКОЛЬ МОГЛА ЗАГОТАВЛИВА
 ВСАКАГО ВАМЪ БЛАГОПОЛУЧІА

Господи Иисусе Христе Сыне Божии помилуй нас с niskим поклоном Агафья к Игорю Павловичю Назарову и супруге твоей Тамаре и детям вашим Светлане Валерие кланяюсь вам по niskому поклону и желаю вам от Господа Бога доброго здоровья душевного спасения в жизни всякого благополучия сообщаю и своей жизни пока слава Богу живу благополучно здоровьем не очень такой болезни пока Господь хранит но адышкой и руки стали терпнуть доходива что ни спать ни делать молится только читком поклоны не могла парафином прогревать одна не могла бальзамом натирала пока маленка полекче стало Игорь Павлович не сможете ли лекарства найти в гости милости просим приезжайте

Нонче я картошки накопав триста трицать ведер овощей трицать ведер кур привезли курятник постройва но после вас печь переделав веников сколь могла заготовливал всякого вам благополучия

Письмо А. К. Лыковой профессору И. П. Назарову, красноярскому врачу, участнику первой экспедиции, организованной красноярским журналистом Л. С. Черепановым в октябре 1980 года. Более четверти века И. П. Назаров вёл медицинское наблюдение за старобрядческой семьёй Лыковых, занимался научным исследованием этого феноменального явления. Им написаны ряд научных статей и книга «Таёжные отшельники». В её основе — дневниковые записи, сделанные во время экспедиционных работ.

Ольга Немежикова

Заповедник «Столбы»

Осенние этюды

Эта осень была задумчива. Она явилась, словно забыв о своих красках, усыпляя природу без торжества и ликования, уводя её в сон без яркой листвы, без гроздьев рябины — не уродилась в тот год рябина, грибов — и тех почти не было, и даже бабье лето случилось, казалось, на полчаса. В тот год я сама искала краски и свет в её патине, серости и дождях. Мне хотелось увидеть красоту и поэзию превращения, даже если лето просто мутнеет и размывается, сменяясь монохромной зимой.

МГНОВЕНИЕ НА ПАУТИНКЕ

Лес в ожидании перемен. Певчие птицы уже улетели.

На тропинке, на поникающих травах, в зубчиках елей, на лапах темнеющих пихт — повсюду первые облетевшие листья. Иду по лесу, люблюсь, и вдруг... застывший в воздухе лист! Жёлтый. Повис, не шевелится...

Остановилась. Пытаюсь понять: что его держит? На мгновение в утреннем свете паутинка блеснула. С высокой берёзы шёлковой нитью свисает.

Вдоль белоснежных стволов среди поблёкшей листвы всё больше сусальных прядей.

Тихо... Ни ветерка...

СИЯЮЩИЕ ДЕРЕВЬЯ

С утра моросит дождь. Небо тусклое, нераскрашенное.

На «Столбах» умиротворение, разве иногда налетят стайкой синицы, начнут щебетать да посвистывать, потому что в стайке этой и большие синицы, и гаечки, и длиннохвостые тоже, ещё щеглы увязались за ними. Но снимется стайка, как растворится, и снова лес погружён в лёгкий звон мороси. Воздух нежный и влажный: кажется, пьешь его, а не дышишь.

За Второй Поперечной роцей растут осины с гладкими стволами без мшистых проплешин и трещин, с густыми ветками ближе к макушке. Рослые, стройные как на подбор.

Осины ещё зелёные, но красота их сейчас не в листве. Стволы — вот что прекрасно в их облике! Тёмно-оливковые, посеребрённые, они во время дождя, оттенённые темнохвоем, — сияют! Да так сильно, что кажется — светятся по краям.

ЛАЗУРИТОВОЕ НЕБО

Хожу в заповедник любоваться не только тайгой, но обязательно небом. Казалось бы, всюду над нами небо, но здесь оно чистое, как родники, что питают Лалетину, а потому вдохновляет меня неизменно.

Если спряталось солнце, небо кажется зачарованным, сонным. Если туман — небо ложится на землю, и тогда деревья осторожно его протыкают.

Зимнее небо — хрустящая, ломкая постель над царством снегов, весеннее писано акварелью, а летнее небо — картина маслом над изобилием зелени и сизыми горизонтами.

Но самое восхитительное небо, конечно же, осенью! Когда пожелтели берёзы, когда на золотисто-пурпурный танец осин не насмотреться, когда рябины расселись жар-птицами среди обомшелых камней, а лиственницы опушились солнечным светом, небо становится не просто лазурным, а лазуритовым — цвета сочно-синего камня с драгоценным оттенком фиалки.

ТАКМАК. БЛАГОУХАНИЕ СКЛОНОВ

Такмак! Грандиозный, впечатляющий, воспетый в легендах...

Я же хочу поведать об изысканном, гурманском благоухании осени, которое можно почувствовать только на Такмаке. Именно здесь, на остепнённых склонах, поросших акацией и кизильником, злаками и цветами, среди скальной крошки растут в изобилии невысокие запашистые травы полыни — каждая пахнет по-своему, крепко ипряно. Осенью настолько силён и стоек их аромат, что, кажется, воздух окурен благовониями.

В солнечные дни, пока земля источает тепло, в подсохшей траве стрекочут небольшие кузнечики.

КРУЖЕВНЫЕ ПАННО

Раннее утро. Тонут лога в молочном тумане. Витает в воздухе запах берёзовых веников.

С высоких берёз, то с одной, то с другой, обильно сыпет роса. Ветра нет, но первые лучи, по-паучьи перебираясь через горы, неувовимо что-то сдвигают, протыкая туманную взвесь, и тогда с мокрых крон потоком срываются капли.

И вновь тишина, только слышно, как тут и там, облетая по одному, с шелестом падают листья. Уже закудрявились и поржавели заросли папоротников, но зелень берёз и осин желтеть не спешит, лишь вянет, тускнеет.

Полусон... Полусвет...

И вдруг вспыхнуло солнце над логом! Сияющий нимб появился в пока ещё матовом небе, и на освещённом склоне из бледного марева показались бронзовые великаны. Хвойный ажур вокруг них

уплотняется, резко густеет. Пять минут, и туман исчезает — как не было, а непрозрачно-белёсое небо над соснами оборачивается голубым.

И тогда, если глядеть на восток, в утреннем контражуре можно встретиться с чудом: кружева размером с чайные блюдца шёлково светятся между деревьями. Это пауки-кругопряды закрепили свои панно на длинных, до нескольких метров, тончайших растяжках.

Удивительно: каждая сеточка заткана неповторимым узором — пауки, как художники, всякий раз пишут иначе...

СПЕЛЫЕ ЛИСТЬЯ

Утро. Лес утопает в холодных росах.

Берёзы уже не зелёные — пёстрые, словно обрызганы и облиты матово-жёлтым. Это всегда ненадолго и потому необычно. Даже стволы их кажутся вовсе не белыми, а полупрозрачными, будто сквозь них, как в приоткрытые двери, виднеется небо.

Листья осин на блестящей от влаги бархатно-чёрной земле яблочно-колоритны: на медовую кожуцу наплывает алый румянец. Повсюду, сбитые ветром, нет, не валяются — разложены кисти суставчатых веточек, унизированных спелыми росными листьями.

...Это случается всегда неожиданно: словно кто-то перевернул песочные часы, и тень обратилась светом. Вдруг в каждой капле рождается свет, вспыхивает, пытается выскочить, всё вокруг оживляет.

Осенний лес в этот искристый час блестит нестерпимо, и кажется, будто шагаешь в восток, на восход,ходишь в чертог ускользящей прелести.

ЛИСТОПАД

Наступила пора листопада. Чуть ветерок — и с берёз золотистым каскадом срываются листья, уплывают среди высоченных деревьев, скользят со струи на струю, всё ниже и ниже, на землю, на воду. Недолгий прощальный путь, волнующе-проникновенный, печальный и красочный.

Нет в это время в тайге уголков живописней, чем смешанный лес. Поздние травы, колкие ветки елей, махровые лапы тёмно-нефритовых пихт присыпаны жёлтым — каждый из листьев неповторим акварельно-воздушным оттенком, картой таинственных прожилок-рек, филигранными зубчиками. У каждого носик и руль-черешок для полёта в поэзию, музыку, живопись...

Тропинки покрылись ворохами листвы, под ногами мягко пружинят, шуршат, хотя листопад только-только открыл свой короткий сезон.

Плывут по Лалетине к Енисею жёлтые лодочки. А в заводях так и останутся мокнуть, постепенно сникая на тёмное дно, лоскутки затонувших корабликов.

ХРИЗОЛИТОВЫЕ БЕРЁЗЫ

Утёс Моховой.

Под ногами скальный обрыв метров сорок, в двух шагах за спиной таёжная тропка Копьёвой гривы. Внизу, над распадком, шумно машет крыльями ворон. Огромный, как птеродактиль. Над хребтами лениво плывут палантины прозрачайших облаков: то сминаются лёгкими складками, то тянутся так, что немного — и разорвутся. Солнце в зените, и лог ручья Медвежьего кажется тёмным, дремучим, непроходимым.

Отсюда, с высоты птичьего полёта, можно полюбоваться тайгой. У кедров макушки причудливой формы. Лиственницы напоминают антенны. Верхушки сосен округлы и похожи на взбитую пену, а узкие конусы пихт — словно колонны. Между хвойными пестровато сквозят осины с берёзами. Здесь, наверху, они изрядно пооблетели.

В пронзительном солнце листья осин отблёскивают серебром, зато берёзовым нет сегодня цены: прозрачные! Золотисто-зелёные! Свисают россыпями хризолита.

Очень хорош в этот погожий день горизонт: волна за волной, насколько хватает взгляда, ныряют друг в друга, пока не исчезнут в прозрачной дали, голубоватые гряды хребтов.

ОСЕННИЕ ЗАВОДИ

Заводи Лалетины под осинами словно кто-то украсил: обorkой мозаичной выложил на воду листья. У всех до единого нежный пастельный испод, лицевая «кожица» светится солнцем.

Тут же по зеркальной поверхности мерно танцуют черёмуховые стволы. Рвано качаются, сбросить пытаюсь своё отражение, ломкие веточки.

Приглядишься: дно заводей как на ладони. До него и всего-то ладонь. У берегов, там, где течением собраны листья, донные камни обтянуты глинистым бархатом. Сколько-то листьев уже затонуло и тоже забархатилось.

Серебристо журчит осенняя речка, несёт родниковые воды по гляцевым камушкам. Все один к одному: пестроватая тёмная галечка — лесная майолика.

РУБИНОВЫЕ ПЕРЬЯ

По логам, рядом с голыми черёмухами, среди пней, завалов и выцветающих трав красуется ярко-красной корой кустарник свидина. Его гладкие, словно лаком покрытые тонкие ветки тянутся вверх, чтобы затем, изогнувшись, свеситься арками. С веток попарно свисают багряные листья, винтажно покрашенные изумрудным и золотым, с тончайшим чернильным крапом.

На просвет крупные листья свидины сверкают рубинами, издали напоминая перья диковинных птиц.

МАНСКАЯ СТЕНКА

В сухую погоду поход до неё — сказка неведомой дорожки. Вроде идёшь по цветному, в осеннем наряде, светлому лесу...

Тропинка, витая-перевитая корнями, то по болотцу петляет, то лесиной перегорожена, и надо глядеть под ноги. Но в пушистом мху среди желтоватого черничника синее восковая бусинка — вкусная ягодка, да не одна! Так и глядишь по сторонам.

Неожиданно на тропинку с полёвкой в зубах выскочил соболь. Заметил, что кто-то навстречу идёт, тут же бесшумно исчез.

Древний пенёк вцепился в тропу толстыми лапами. Тёмно-серый, снизу доверху облеплен белейшими трутовиками: под фарфоровыми шляпками — плотная губка молочного цвета. Грибочки эти кажутся ломкими, хрусткими, на самом деле они очень даже крепки.

Два рябчика чуть впереди нехотя вспорхнули, сделали несколько взмахов и вновь приземлились, затаившись в завалах.

А вот и глыба Акула! Довольная «рыбина» с пастью, куда неизменно вставлены свежие палочки-зубы. Дошла до неё — значит, до Стенки рукою подать.

Порхают, посвистывая, поползни, интересуются: кто к ним пришёл? Шмыгнул по камню бурундучок. Шебуршит по сосне любопытная белка.

Манская стенка! Появилась — огромная, плоская, как ладонь исполина, всаженная ребром не на вершине хребта, а в логу, чуть выше слияния двух болотистых речек.

...Переводишь взгляд с громадной скалы на деревья и вдруг замечаешь: вокруг сплошной тёмный лес! Глухая тайга, седой темнохвой: кедры, пихты, столетние редкие сосны.

В просветах чёрных вершин в лучах нестерпимо яркого солнца разливается, заливая ажурные прорези, голубейшее небо — осенний неон.

ГЕРОИ СКАЗОК

Лесная подстилка устлана пудрой тумана — проседью первых утренников. Пырей, зелёные листья крапивы, малины — всё, что не высохло, что ещё дышит, расписано белым, от легчайших мазков до чётких линий и пятен. Но скоро восходит солнце, съедает туманы, и тают узоры — как не было. Лес снова становится обыкновенным.

Нет, это решительно невозможно, наш лес всегда сказочный!

Иду над Лалетиной по экологической тропе. И вдруг... В десятке метров, увидев меня, по склону скачками убегает лисичка! Светлорыжая, с пушистым хвостом, кончик словно макнули в белую краску. Хвостом махнула и растворилась среди палой листвы и высохших трав. На деревянном настиле осталась длинная струнка мокрых следов. Трава вокруг высохла — получается, лисичка бродила в воде, быть может, приходила на водопой.

Дальше иду. На Ретро-поляне, где днём останавливаются туристы, важно расхаживают пять лесных воронов. Меня увидели, грузно перелетели на большую дорогу, переждали, когда пройду, и вернулись обратно.

Белочки уже облачились в серую, гладкую пока шубку, и только передние лапки выглядывают как в безрукавках: у кого ярко-рыжие, у кого тёмно-бурые.

Такие случаются встречи с героями русских народных сказок ранним утром в диком лесу.

ЛЕДЯНЫЕ КАМЕИ

По-осеннему похолодало. Утром лес по гривы хребтов утоплен в тумане, матово выбелен. Не донесла нынче осень праздничных красок: осины едва покраснели, не все берёзы пожелтели в полную меру, рябины рано сбросили листья. И только черноватые станы лиственниц словно оранжевым дымом окурены — из осени в осень неизменно нарядные.

По утрам лужи на тропах покрыты ледком, непременно с узорами — напоминают они камеи из полупрозрачного оникса. Звёзды на них и различные травы, яркие листья осин светятся из-под льда. Идешь и разглядываешь галерею лесного импрессионизма, фоном которой — лесная подстилка. В ней каждый листок оторочен белой бисерной нитью и даже поблёкший изысканно выглядит в этот час.

Вот крапива с жухлыми листьями. Разве красиво? Но грани её стволов усыпаны хрустальными длинными иглами и теперь несколько не жгутся, зато сверкают в осторожных лучах прохладного солнца.

На Лалетине с трав и лесин в тёмную воду спускаются пышные белые завеси. Тропинки, валежник и комли присыпаны сахарным снегом, который к полудню растает.

Снегири распелись в туманных логах. Их грустная песенка однообразна, но каждая трель — словно сочная ягодка с лёгкой кислинкой. Так нежно в наших лесах петь умеют лишь снегири.

В дымчатых шубках скачут весёлые белки — рады прохладе. Бурундуков в осенней тайге больше не встретить — уснули до самой весны.

ИВОВАЯ ЗАВОДЬ

Несколько дней не спеша осыпается небо. Лес акварелевый, вписанный в снег: сквозь кисейное марево проступают холмы с пышными чёрно-зелёными купами, среди них золотятся кудели листвяг. Из светловатых берёз белым стекают стволы, растворяясь в воздушных сугробах. Воздух приятен и мягок: дышать — не надыхаться.

Тишина...

Но что это? Летний денёк среди снегопада? Заросли малины с зелёными свежими листьями на розовых черешках, умытые влагой. Каждый лист в шапочке снега и выглядит очень довольным. Малина сбрасывать листья совсем не торопится, хотя всё вокруг усыпано снегом.

В такую погоду словно сошла с картины углём черёмуха. Над горливой водой стогами стоят путанные-перепутанные ветки, каждая снизу чёрная, сверху присыпана белым.

Всякий шаг — произведения природы. Если взглядеться, несть им числа.

Вот ивовая заводь. Притаилась за зарослями заснеженного таволжника, сбоку от тёмного русла притихла, прихваченная полупрозрачным сахарным льдом. Снег настолько влажный, что с берега так и уходит нарастающим в воду. Только в заводи совсем не вода, а стеклянная взвесь с застывшими рыбками узких листьев восковато-пастельных тонов: голубоватых, зеленоватых, желтоватых. Те, что плавают на поверхности, усыпаны крупными каплями-кабошонами, словно росой.

Красота необыкновенная...

Но откуда здесь в это время отборные, крупные свежие листья? Ивы пожухли, давно облетели... Разгадка валяется неподалёку. Весной под тяжестью снеголома упала берёза, сломала толстую ветку ивы. Но в морщинистой старой руке, видно, было так много желания жить, что она напряглась и пустила корни — кинулись в рост молодые побеги. Вот они, дружные, светлые, крепкие, как раз на краю заводи, за лето на целый метр поднялись к солнцу!

Через пару часов той же дорогой возвращалась обратно: только гладкий белый кулон на тёмном шнурке реки остался от дивного уголка.

МАЛИНКА-САХАЛИНКА

Чёрная в белом тайга, и какие, скажите на милость, листочки?! А вот какие — малинка! Среди сугробов каменистых осыпей рисуются невысокие кустики малины сахалинской. На белоснежном — пышность бордовых листов с жёлто-зелёными жилками. Загляденье! Удлиненные, бархатисто-присобранные, выпуклые, с ювелирными зубчиками по краям. Снизу подбиты розовым войлоком — быть может, потому малинке не холодно? Впрочем, скоро снег укроет её до весны.

ЗОЛОТИСТАЯ ПЫЛЬ

На пихтовых лапах — пушистые вороха. Стоит присесть синичке, как рушится вниз, несётся каскадом лавина со шлейфом колючих брызг. Ели стоят сугробами. Сосны усыпаны снежными яблоками. Коренастые кедры довольны — длинные иглы «лишний» снег смахнули «ладонями». Осины с берёзами — силуэты на белом — как углём прорисованы в зимней тайге.

Ещё вчера лиственницы живописно выделялись на склонах. Чёрные их стволы и могучие ветки в белых воротниках были словно окутаны солнцем, а сегодня снег и тропинка под ними припорошены золотистой пылью иголок. Лежат до ближайшего снегопада.

Здравствуй, зима!

Анатолий Байборodin

Поле брани Виктора Астафьева

Окончание. Начало в № 1

Шолохов, Солженицын, Астафьев

Виктор Астафьев то материт свой *подлый и пьяный народишко, погрязший в рабстве* (поговаривали: материт из любви и боли), то русская натура своё берёт, и писатель по-сыновьи переживает за родной народ и за тех народных выходцев, что духовным подвижничеством, ратным подвигом, трудом и творчеством достойно послужили родному Отечеству. В сём смысле показательное отношение писателя к роману Михаила Шолохова «Тихий Дон»: почтение, сомнение, вновь почтение... Астафьева, как и Солженицына, похоже, раздражала рыная приверженность Шолохова к сталинскому социализму... Когда речь заходила о романе «Тихий Дон», сомневался или не сомневался Виктор Петрович в авторстве Шолохова, я не ведаю, не зрел верных ссылок; но Астафьев и не спорил с Солженицыным, когда тот публично соглашался с тем, что «шибкий комиссар» снял сумку с убиенного белого офицера Фёдора Крюкова, где и таилась великая рукопись. Возможно, потому и не спорил, что, как и Распутин, боготворил беглеца, возносил в гении, а Шолохов откровенно, печатно бранил книги Солженицына.

В предисловии для книги Д.¹ «Стремя „Тихого Дона“», изданной за рубежом (Париж: ИМКА-Пресс, 1974), Солженицын писал: «Книга удалась такой художественной силы, которая достижима лишь после многих проб опытного мастера, — но лучший первый том, начатый в

1. «В связи с изданием А. Солженицыным за рубежом книги Д. „Стремя „Тихого Дона“: Загадки романа“, сопроводившим её своим авторитетным предисловием и биографической и литературной справкой об истинном авторе эпопеи, в печати русской эмиграции началась новая кампания по обвинению Шолохова в плагиате, на этот раз не с рукописи анонимного белого офицера, а литератора Ф. Крюкова, бумагами которого якобы воспользовался будущий знаменитый писатель. Своею версией Д. (за этой литерой, раскрытой в 1990 году Н. Струве, спрятала своё имя И. Н. Медведева-Томашевская, жена филолога Б. Томашевского) преследовала благородную цель: ни мало ни много очистить роман от шолоховского вмешательства и восстановить его подлинный текст». Интернет-сайт Allbest: <http://allbest.ru/>

1926 году, подан готовым в редакцию в 1927 году; через год же за первым томом был готов и великолепный второй; и даже менее года за вторым подан и третий, и только пролетарской цензурой задержан этот ошеломительный ход. Тогда — несравненный гений? Но последующей 45-летней жизнью никогда не были подтверждены и повторены ни эта высота, ни этот темп». Книжница анонимной писательницы тут же и утонула бы в книжных развалах, если бы не предисловие Солженицына, который пренебрёг тем, что суровая сталинская комиссия под руководством Серафимовича уже однажды основательно изучила рукопись «Тихого Дона», принародно признала авторство Шолохова, развеяла миф о белом офицере или белом литераторе Фёдоре Крюкове.

Впрочем, сомнения в том, что именно Шолохов сочинил сей гениальный роман, выразил и Владимир Солоухин, откровенный русский националист монархического толка; а что уж толковать про либеральных беллетристов. Владимир Бушин, вечно бушующий, лихо лупящий и *своих*, и *чужих*, однажды написал: «...Евтушенко уверял, что образы большевиков в „Тихом Доне“ написал кто-то другой, а не Шолохов. Сам же он „может быть, под страхом ареста совершил однажды преступление против нравственности“. Вы подумайте: шестидесятилетняя вышедшая в тираж шлюшка толкует о нравственности! Далее речь шла о том, что Шолохов не только плагиатор, душитель нравственности, но, естественно, ещё и антисемит»².

Но всё же более громогласно *развенчивал* Шолохова Солженицын... «А всё дело было в личном конфликте двух писателей, — писал некий очевидец. — Вернувшись в пятидесятые годы из ссылки, Солженицын чуть ли не первым делом отправил Шолохову письмо, в котором назвал его великим писателем. Но потом „великий писатель“ отрицательно отозвался о повести Солженицына „Один день Ивана Денисовича“, за который тому собирались присудить Ленинскую премию (Шолохов уже успел получить такую же за „Поднятую целину“). К мнению Шолохова прислушались и премию не дали. Вот Солженицын и вернул „писательский должок“: своим весом нобелевского лауреата поддержал легковесное мнение никому не известного „писателя Д.“. <...> Известны и ответные... нападки Шолохова на Солженицына: „Человеку нельзя доверять перо: злобный сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 31-го года и последующих лет, принесёт огромную опасность всем читателям, и молодым особенно. Если же Солженицын психически нормальный, то тогда он по существу открытый и злобный антисоветский человек...“ — так писал Шолохов в Союз писателей по поводу романа „В круге первом“, с предложением... Солженицына из Союза исключить...»³

2. В. Бушин. Гении и прохиндеи. Онлайн-книга. С. 3.

3. Интернет-сайт «Перемены»: <http://www.peremeny.ru/>

В 1970 году писательское письмо против Александра Солженицына подписали многие именитые литераторы; Астафьев же, будучи членом правления Союза писателей СССР, не поставил подпись под сим посланием, но вроде бы письменно выразил возмущение травлей *новоявленного гения*, коего Распутин поначалу сравнивал с Достоевским: «Не довелось мне читать его романов — не люблю я читать и думать под одеялом — унижительно это для бывшего солдата и русского литератора, но и то, что я читал, напечатанное в журнале, особенно „Матрёнин двор“, убедило меня в том, что Солженицын — дарование большое, редкостное, а его взашей вытолкали из членов Союза и на-мёк дают, чтобы он вообще из „дома нашего“ убирался. А мы сидим и трём в носу, делаем вид, будто и не понимаем вовсе, что это нас припугнуть хотят, ворчим по заголкам, митингуем в домашнем кругу. Стыд-то какой! . . .»⁴ Но вышел казус: как говорил Астафьев, послание из архива Союза писателей исчезло, в чём он самолично убедился. . .

Повторю говоренное: если для Шолохова Солженицын был враг русского народа, предатель Родины, то Виктор Астафьев, подобно Валентину Распутину, высоко оценивал роль Солженицына в судьбе России на историческом изломе, верил в его *могучий художественный* талант: «В письме 1962 года к критику А. Н. Макарову Астафьев сообщает: „Сегодня прочёл Солженицына в «Новом мире». Потрясён. Радуюсь. За литературу нашу радуюсь, за народ наш талантливый и терпеливый. < . . . > Эка невидаль — бьют! Солженицына вон как бьют, а он отстаивает своё право называться человеком. . . которому и без того выпала доля мученика в жизни и в литературе“ . . .»⁵

И Александр Исаевич взаимообразно восхищался и духом, и талантом енисейского писателя. Доктор филологических наук, профессор Нелли Щедрина в книге «„Красное колесо“ А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века» восторженно восклицает: «. . . И Солженицын, и Астафьев были истинно национальными писателями. Они исповедовали свободу в жизни и в творчестве, их называли праведниками, совестью, светом России. . .»⁶ После эдаких величаний вроде и грех не причислить писателей к лику святых, что за Христа Бога и православную Россию обрели мученические венцы. . .

Хотя. . . хотя вот что писал русский эмигрант Зиновьев литературному критику Бушину: «Прочитал Вашу рецензию на книгу Окуджавы. Получил огромное удовольствие, как от литературного произведения. Вот в таком духе написать бы целую книгу о писателях, раздутых на Западе и навязанных России в качестве „гениев“! Я имею в виду

4. Астафьев и Солженицын. Фрагменты книги Нелли Щедриной «„Красное колесо“ А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века». Красноярский рабочий. 3 июня 2011.

5. Там же.

6. Там же.

Солженицына, Аксёнова, Войновича и многих других. В конце концов, должен же кто-то сказать, что все эти короли на самом деле голые... С огромным наслаждением прочитал Ваши последние работы. Думаю, Ваша критика Солженицына особенно важна... Александр Зиновьев»⁷.

Летом 1994 года, спустя почти четверть века, Солженицын, вернувшись в Россию, заедет в Овсянку, крепко обнимет Астафьева за то, что тот *возлюбил правду*... После встречи с Солженицыным Астафьев признавался в письме к Валентину Курбатову: «...Беседа полноправная, с полуслова понимали друг друга, разночтений не было — великий муж Александр Исаевич, великий! С ним общаться нелегко, ответственно, но интересно и, надеюсь, взаимообогащающе...»

Сомнение Солженицына по поводу написания молодым Шолоховым «Тихого Дона» если и коснулось астафьевской души, то и быстро развеялось; а вот неприязнь к личности *красного* казака долго томила душу. «Виктор Петрович! <...> Доклад Ваш хорош, но меня удивляет следующее: Вы будто бы поверили наконец-то в авторство Шолохова, так как Колодный нашёл его рукописи „Тихого Дона“. Похоже, что и Солженицын после этого оставил свои бредовые утверждения, что великую книгу века написал не Шолохов, а Крюков. Виктор Петрович! Ведь не надо быть великим писателем, а просто хорошим читателем, чтобы, зная „Донские рассказы“ и „Лазоревую степь“, чуть-чуть очерки Крюкова, и тени сомнения не возникло в авторстве Шолохова. <...> И не Шолохов был лакировщиком, стараясь даже рябинки на лице своих героев не выпячивать, а делать их симпатичными. Конечно же, это образное выражение, и Вы вдруг делаете из этого вывод, что-де Шолохов — лакировщик. Побойтесь Бога, Виктор Петрович! Да неужто Вы так не понимаете Шолохова? Не верю в это! И не хочу Вас на сотнях примеров переубеждать. Вы с ненавистью пишете о выступлениях Шолохова на самых высоких форумах. Да, из-за его коммунистической убеждённости были и выступления, которые и я не всегда разделял, но Вы как-то забыли, что именно Шолохов ПЕРВЫМ выступил в защиту Байкала, сибирского кедра, потребовал увеличения писательских гонораров, написал письмо в ЦК КПСС о еврейском беспределе в уничтожении русской культуры, литературы. Это фактически он убрал в Канаду Яковлева после публикации его мерзкой статьи. Волею случая я в эти дни оказался в Москве у своего друга и наставника Ильи Глазунова, где обсуждалось письмо против Яковлева и состав делегации, которая вылетела к Шолохову... <...> Ваш Куликов»⁸.

Одолов *идеологическую* неприязнь, Астафьев всё же повеличал роман Шолохова «Тихий Дон»: «Дорогой Олег [Хомяков]! <...> Есть великая книга „Тихий Дон“, и автор её — молодой русский

7. В. Бушин. Гении и прохиндеи. Онлайн-книга. С. 2.

8. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 174, 176.

мужик — Шолохов Михаил Александрович. До книги этой не вошла ни одна литература двадцатого века, а любовь такую не скоро кому-либо удастся сотворить на бумаге, ибо она-то и есть главная мощь, и трагедия русской нации, и краса её, и погибель. Евреи отчего набросились на это творение — величайшее творение века! — ты прав: оттого, что ничего подобного они создать не могут и ещё долго не смогут, ибо выносили много отдельных трагедий и страданий, но трагедию нации своей им не дано было выносить и разродиться ею, потому как нация была раздроблена, разъединена на части и пока ещё нацией себя не осознала. Только поэтому они хватают любого своего художника — от Фейхтвангера до Гроссмана, от Мандельштама и до Бродского — и поскорее объявляют его гением, а творения его — гениальными. Хочется — вот и торопятся, ведь „Жизнь и судьбу“ — роман, ещё сырой, незавершённый по всем „разделам“, без крупных общечеловеческих характеров, без глобальных проблем и судеб, — поспешили объявить выше „Войны и мира“, а уж „Тихому Дону“ и делать нечего, рядом не лежать. <...> Евреи устанут и переключатся с Шолохова обличать другую величину, например, Льва Толстого! — ведь чем огромней величина, тем они вроде бы храбрее выглядят при нападении на неё. <...> В. Астафьев»⁹.

АСТАФЬЕВ И ЕЛЬЦИН

На моей памяти пожилой мужик прихварывал, а помереть не мог, работа не давала; до девяноста пяти лет срочная работа держала — плотник же, нарасхват: внуку, свату, брату — всем надо избы срубить со стайками и банями, а потом сподобиться и возвести храм сосновый... Астафьев, мужик усидчивый, славился редкостным писательским трудолюбием; и, может, потому Спас и даровал изрядный век мужику, раненому, контуженому, вдосталь хлебнувшему фронтового лиха, чтобы мужик, вспахав, заборонив и засеяв поле живым словом, собрал и щедрый урожай, а говоря проще, завершил труды над пятнадцатью книгами.

На исходе Овсянкинских чтений писательской братии и вручили роскошно изданное собрание сочинений Виктора Астафьева в пятнадцати томах. О ту лихую, голодную пору для иного, даже известного, но не либерального писателя издать простенькую книжонку, хоть в мягком переплёте, смахивало на чудо; а уж о собрании сочинений, кажется, даже именитые робели мечтать. Но ложка дёгтя портит бочку мёда, а посему жаль, что Астафьеву для издания роскошного пятнадцатитомника пришлось сочинить... а может, вымучить?.. и включить в собрание верноподданнический очерк о том, как приезжал в Овсянку Борис Ельцин, которого русский народ о ту пору уже «повеличал» Паханом, что бросил Российскую империю на

9. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 373, 374.

разграбление и растерзание доморощенным и забугорным мародёрам, утопившим народ в крови и слезах. По Астафьеву же, Ельцин — яко ангел, замордованный русским народом, *«давно уже впадшим в рабский маразм»*. Вероятно, и в прошлом веке пели оды советским вельможам известные писатели — пели из великого почтения, пели из корысти, из подобострастия, но странно было слышать подобное от Виктора Астафьева, гордого и вольного, с бранью проводившего былую Народную империю, что в люди вывела его, сермяжного мужика, вознесла из деревенской грязи в мировые князи.

«...На этого дядю (Ельцина.— А. Б.) валить все грехи, который имел глупость возглавить вконец распатанное, насквозь прогнившее, в большевистской помойке протухшее общество, ныне легко — сам разрешает. <...> Трудящиеся жаловались потом, что вместо того, чтобы „поговорить по-человечески“, я их чуть ли не матом крыл. Ну и пусть, *что от них ждать, от наших трудящихся, давно уже впадших в рабский маразм и годных орать в бане, в огороде иль за пьяным столом* (выделено мной.— А. Б.). В рассказе о приезде президента в Овсянку я упустил одну важную для этого издания, решающую строку. Надо и пора, и тут к месту написать о том, что было в самом конце разговора с президентом. Уже мы поднялись и пошли было из библиотеки, как президент приостановился и спросил меня: „А что у вас с собранием сочинений, Виктор Петрович?“ — „А ничего, лежит. Денег нет, важные спонсоры, не начав дела, слиняли“. — „Ну как же так, отчего же не обратились в правительство, ко мне, наконец? У нас же есть федеральная программа по культуре, мы бы вас туда включили. Это никуда не годится, издадут чёрт знает кого, а вас-то, вас-то...“ И на ходу уж указание управделами: „Записать!“ <...> Откуда Ельцину стало известно о моём собрании сочинений? Не знаю. Нашлось несколько деятелей из местной руководящей братии, которые якобы ему „подказали“. <...> Читает ли президент? После таких „интеллектуалов“-вождей, как безграмотный Хрущёв и самовлюблённый Брежнев, которому из-за любования собой не до книг было, и Горбачёв, и Ельцин кажутся куда как развитыми людьми. Один момент из встречи прояснил, что в семье Ельцина книжки читают, это и Наина Иосифовна подтвердила моей жене, и дочь Ельцина Татьяна. Ещё когда мы были в школе и я толкался в коридоре средь народа, около меня возникла молодая, кого-то мне напоминающая женщина с книгой в руках. Мне на ходу, на скаку совали книги и какие-то листки для автографа, и я подумал, что этой женщине тоже автограф надо, но раз не подходит, не лезть же мне самому к ней. И вот, когда в библиотеке уже закончилась встреча и мы гурьбой повалили на выход, из гущи любителей автографов выступила та самая молодая женщина, что томилась в школе, и попросила подписать ей книгу. Я спросил, занесла ручку над книгой: „Кому?“ И она сказала: „Татьяна Ельциной“. (Это о „тихой и скромной“

Татьяне Ельциной, которую в патриотической печати обвиняли во многих прегрешениях перед Россией.—А. Б.) Я пишу всё это в тот период, когда Россию снова охватила смута, и кто только не поносит Ельцина и не желает ему погибели. Всё это по-нашенски, по-русски, и всё это напоминает мне басню бессмертного, всегда своевременного батюшки Крылова о том, как могучий Лев (Ельцин.—А. Б.) ослабел, заболел, и всё зверьё (народ России.—А. Б.), что трепетало перед ним, давай его облаивать, лягать, пинать, оплёвывать. Видит Лев, и Осёл (русское простолюдые.—А. Б.) в числе других целится его лягнуть, и тогда он взмолился, воззвал к небесам, чтоб те поскорее послали ему смерть. Не по силам ему, оказалось, тащить телегу в гору на одном колесе, остальные колёса промотали, пропили, растащили, надорвался от тяжести, ему неподъёмной. Но в пору не нашлось более такого безумца, который бы так храбро подставлял свою спину под российский тяжкий воз. . .»¹⁰

Ельцин рвался к власти, а потом грозился лечь на рельсы, если цены на продукты и товары первой необходимости повысятся; но цены так выросли, что голодный народ забегал в магазин, как в музей здорового питания. А Борис Николаевич на рельсы не лёг; но с той поры все рельсы, брошенные, заросшие дурнопьяной, лихой травой, стали дразнить «ельцинскими». А горбачёвско-ельцинское время я эдак прописал в очерке «Спасите души русские»:

«...С надеждой на отца народа, Помазанника Отца Небесного и выживает простолюдые, а то и просвета в ночи не зрело душевными очами; под звериное рыканье кремлёвского самозванца, самохвала полтора десятилетия холопы тьмы и смерти похабили и грабили Россию, уже вроде лежащую на смертном одре под святыми ликами; хитили воры российское добро, что отичи и дедичи кровью и потом добывали, и для содомской утехи и потехи изгалялись нетопыри над русским словом, древним обычаем и отеческим обрядом, чтобы народ и голодом-холодом уморить, и душу народную вынуть и сгноить. О ту злосчастную, лихую пору смешно и грешно было бы стучаться в кремлёвские ворота с народными бедами; се походило бы на то, как мужики из оккупированной Смоленщины и Белгородчины пишут челобитную германскому наместнику, лепят в глаза правду-матку и просом просят заступиться: мол, *наше житьё — вставши и за вытьё, босота-нагота, стужа и нужда; псари твои денно и ноцно батогами бьют, плакать не дают; а и душу вынают: веру хулят, святое порочат, обычай бесчестят, ибо восхотели, чтобы всякий дом — то содом, всякий двор — то гомор, всякая улица — блудница; эдакое горе мыкаем, а посему ты уж, батюшка-свет, укроти лихоимцев да заступись за нас, грешных, не дай сгинуть в голоде-холоде, без поста и креста, без Бога и царя...* Повеселила бы мужичья челобитная чужеверного

10. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 499–510.

правителя, сжалился бы над оскудевшим народишком, как пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву...»

Астафьев же продолжал скорбеть о тяжком ярме, кое Ельцин напялил на свою покорную воловью шею: «...И потом, почему это ныне все торопливо и оголтело клянут президента за то, что он не вывез нас в гору на изломанной телеге? А мы-то, мы-то все, населяющие эту давно уж забедованную землю, чем ему помогли? Мы-то оказались ли готовы тащить сверхтяжести на себе? Нет, свободу слова, действий, предоставленные возможности хозяйствовать и распоряжаться собой мы употребили на грызню, растащилровку, пьянство, разгильдяйство. Надо бы и пенять больше на себя, нет, нашли козла отпущения. <...> „Не судите, да не судимы будете“ следует помнить — история рассудит и нас, и Ельцина, и время. <...> Виктор Астафьев. Июль 1998 г.»¹¹.

Позже Виктор Петрович так вспоминал ельцинское гостевание в Овсянке: «...После одной из таких встреч кое-кто из односельчан на меня обиду затаил. Это когда Ельцин в Овсянку приезжал. Принимали его хорошо. Блинами накормили. Побеседовали. Когда шли с президентом к Енисею — народ вокруг ликовал, рукоплескал ему. Проводил я его, возвращаюсь к теплу, в избу, слышу: мужики ропщут и мне претензии как бы высказывать начинают. Я был утомлён многолюдьем и с раздражением сказал этим храбрецам: „Что же вы, страдая холопским недугом, высказываете храбро всё мне, а не только что отбившему президенту? Из всех вас одна Кулачиха достойна уважения, она умеет бороться за себя!..“ Кулачиха эта оттёрла охрану плечом, да как была в куртке из обрезанного дождевика, так и ухватила под руку президента. Милиция и охрана в ужасе! А я слышу, как Кулачиха всё твердит и твердит своё: „Пензия! Пензия! Пензия!“ Еле её оторвали от Ельцина. Ну, трудящиеся после того разговора со мной жаловались потом, что вместо того, чтобы „поговорить по-человечески“, я их чуть ли не матом крыл. Ну и пусть! Что от них ждать? Годны, что ли, только орать в бане, в огороде иль за пьяным столом?..»¹²

Писатель, сочиняя хвалебную оду Ельцину, хмельно и безумно царящему во Кремле, не беря душу народными бедами, словно видом не видывал, слухом не слыхивал, что из ста пятидесяти — сто миллионов русских людей разом беспросветно обнищало, что народ гиб, как на войне, проклятой им. Но в Отечественную войну народ, по Астафьеву, был жертвой бездарных и бесчеловечных военачальников, начиная от Сталина и кончая полковыми командирами, ныне же сам верховный начальник Ельцин стал жертвой *бездарного и бесчеловечного* русского народа. Вот такой очерк в послесловии собрания сочинений, слишком сладкопевный для Астафьева; но, похоже, таков

11. Там же.

12. Виктор Астафьев. Праведник из Овсянки. Интернет-сайт «Сибирика»: <http://sibirica.su/>

был уговор с либеральной властью, гласный ли, негласный, такова была и цена пятнадцатитомника.

Накануне расстрела Белого дома, что, разумеется, случилось по велению Ельцина, Астафьев хлопочет за Бориса Николаевича: «Ничего другого не остаётся, как идти и голосовать за президента Ельцина — в нём пока единственная надежда на мир в России»¹³.

Либерально-буржуазная власть высоко и обильно оценила писателя за поддержку: премия «Триумф» Бориса Березовского (1991); Государственная премия Российской Федерации за роман «Прокляты и убиты» (1995); Пушкинская премия фонда Альфреда Тепфера (ФРГ; 1997); орден «За заслуги перед Отечеством» II степени (28 апреля 1999); Государственная премия Российской Федерации (2003, посмертно); премия Александра Солженицына (2009, посмертно).

ПРАВДА ЖИЗНИ И ОБЛИЧЕНИЯ БЛИЖНИХ

Верноподданнический очерк о Ельцине — ложка дёгтя в бочке мёда, черпаком же стали поздние *злые* сочинения и переписка, собранная в особый том, где Виктор Петрович и его соратники так круто расправились с родным народом и русскими писателями, что в иные времена эдакий *гнилой* русский народец и эдаких *поганых* писателей скопом бы прислонили к стенке, щербатой от пулевых ранений, в подтёках русской крови. Письма, статьи, главы поздних сочинений, где гневно обличается родное простолюдье, а заодно и глашатаи русского национализма, словно выражены прозападным либералом, которого бы сам Астафьев в прошлые годы намалевал такими угольными красками, что померк бы даже философствующий циник, жуткий тип Гога Герцев из повествования «Царь-рыба». Уж так бы Виктор Петрович изукрасил чужебеса-западника, словно вымазал бы дёгтем ворота окаянной блудницы. Обличая родных и близких, Астафьев, уже знакомый с Благой Вестью, ведал же заповедь Христа: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лк. 6:37). Да и помнил писатель, что Пушкин, проповедуя русский дух в родной словесности, «милость к падшим призывал», а потом и молился, прежде чем, очинив гусиное перо, окунуть его в чернила: «...велению Божию, о муза, будь послушна...»

Словом, не всё в собрании сочинений *собралось* равноценное по духу и слову; может, то, что писатель высоко возносил в честолубивом воображении, не коснулось читательских душ; и наоборот, сочинения, кои дешёво ценил, народ, читая, ликовал и плакал слезами, очищающими душу: «блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4). Увы, случается, и писателю не дано знать, как его слово отзовется: разве гадал Антон Чехов, что крещёный люд, не осилив

13. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 9.

смутных пьес, вдруг примет в сострадательную душу простенький сказ про горемычного Ваньку Жукова?..

Хотя в пятнадцати томах далеко не все сочинения — шедевры, но и достаточно произведений... вспомним «Последний поклон», «Царь-рыбу», «Оду русскому огороду»... благодаря которым Астафьев справедливо украшает череду выдающихся русских писателей второй половины двадцатого века, где Шергин, Шукшин, Абрамов, Носов, Белов, Распутин, Личутин, коих критики нарекли «деревенскими» писателями.

Вошли в собрание сочинений и последние произведения Виктора Астафьева, где много *жесточкой правды жизни*, — произведения, что, по суждениям даже иных почитателей Астафьева, в духовно-нравственном и художественном отношении уже не взошли до вышеупомянутых талантливых сочинений, ибо не в голой правде лишь, злой и мстительной, величие художественного произведения, а ещё и в том, смог ли писатель вообразить в душе народно-православный идеал, смог ли отобразить идеал высоко и ярко, словно в проповеди боговдохновенного святого старца, дабы идеалу сему подражали ныне и завтра жители грешной земли. А голая правда — что?.. ничто!..

Русский народ — не дикарь с дубиной, уже в древние языческие времена ведал нравственные идеалы, по духу уже близкие православно-христианским, и воплощал идеалы в легендах, мифах и сказках. Иванушка-дурачок — простой и бесребренный, чудной и чюдный, отдающий прохожему... хоть эллину, хоть иудею... последнюю рубашку, — вот русский национальный идеал, вот предтеча святых юродов во Христе, подобных Василию Блаженному, коим на Руси возводили храмы; вот образ богоносного русского народа, являющего собой мировую совесть и бескорыстную, безмерную любовь к Богу. Иванушка-дурачок так напоминает читателю русских сказок убогих, живущих у Бога Христа ради; Иванушка и ближних-то любит, словно по заповеди Христа, больше, чем себя самого, хотя и не трубя о сём на перекрестках улиц, ибо «когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6:3,4).

Не во грех художнику обличение родного народа, ежели обличает с любовью сострадательной, с готовностью оборонять народ, не жалея живота; бранить ближних можно и от великой, *болящей* любви к ближним, от ярого желания, чтобы ближние жили не в земных похотях, но ради спасения души — в смирении, покаянии, благочестии, благодеянии Христа ради. Сын, со слезами любви обличая мать, заблудшую в грешном мире, не уничивает мать, но спасает, ибо и святые отцы обличали народ; откроем «Паисиев сборник» и вонмем: «Слабо живут, не слушая божественных словес; но если плясцы или гудцы или какой иной игрец позовёт на игрище или на какое сборище идольское, то все туда идут с радостью — а во веки

мучимы будут — и весь тот день проводят на позорищах. А идти в церковь и чешемся, протягаемся, дремлем и говорим: то дождь, то студёно или иное что, и всё то кажется нам препятствием. А на позорищах нет ни покрова, ни затишья, и ветер шумит и вялица, но всё сносим, радуясь, и позоры делаем на пагубу душам. А в церкви и покров, и заветрие дивное, а не хотят идти на поучение, ленятся».

Выше помянуто *обличение* — Христа ради, лишь во спасение души падшего; иначе обличал простолюдые простолюдный писатель в письмах, речах, статьях и художественной прозе: повторю обвинение, ставшее крылатым: «...Что от них ждать, от наших трудящихся, давно уже впавших в рабский маразм и годных орать в бане, в огороде иль за пьяным столом?.. Виктор Астафьев»¹⁴. «...Дорогой Саша [Михайлов]. <...> В сущности, при всеобщем-то образовании, порой и „высшем“, но без Бога в сердце и без царя в голове, народ наш остался ещё более невежественным, чем это было в царской безграмотной России... Твой Виктор»¹⁵.

С зачином мысли, слегка славянофильской, можно бы и согласиться, коли не приписка про народ «царской безграмотной России», из чего вытекает, что народ русский, создавший необозримое и сверхгениальное устное поэтическое и прочее искусство, святыми отцами повеличенный *богоносным*, жил невежественно в царской России, в советской же впал в пущее невежество.

Наперебой подпевали Астафьеву литературные причиндалы, что пытались просиять, посяять в астафьевском сиянии, по пути и зашибить копейку на восхвалении енисейского классика. В письме его соратника, смутного... похоже, затаённо либерального... русскоязычного писателя Михаила Кураева, с помощью Чехова, увы, мало добра высмотревшего в русском простолюдые, изуверски изошрённо оправдывается русофобия и русские вдруг *величаются* свиньями: «...Я тут давно задолжал питерскому журналу „Звезда“ статью о Чехове. Никак не мог „разродиться“. Увидел памятник в Красноярске, сел и написал. <...> Решил показать это сочиненьице Вам. Естественно, перечитывая письма Чехова с ощущением близости Астафьева, натолкнулся на его „русофобию“, как он нашего брата костерит, и никто из высокоумных и бдительных, м. их е. (здесь питерский книжник, подыгрывая Астафьеву, вводит подзаборный мат, где святотатски хулятся и мать всякого человека, и Божия Мать.—А. Б.),— не спешит спасти русских от Чехова! Теперь, когда в моём присутствии начинают говорить об „обидчике“ малых сих Астафьеве, я задаю вопрос: как бы вы отнеслись к человеку, писателю, который назвал бы людей целой нации свиньями? Ну, тут начинаются танцы индейцев — „Гнев“, „Негодование“, „Позор на его голову“. Я им цитирую

14. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 506.

15. Там же. Т. 15. С. 382.

Чехова и предлагаю заняться его воспитанием немедленно. Вот как полезно перечитывать классиков... Ваш Миша Кураев»¹⁶.

Вторит Кураеву и некий Миронов: «...Народ [русский], в рабстве пребывающий, не может быть великим. <...> В. Миронов». Виктор Петрович соглашается: «...В России настоящей демократии никогда не было, и вряд ли в обозримом будущем она у нас появится. Демократию надо выстрадать. <...> Для этого надо быть зрелым народом»¹⁷.

Читая безжалостные обличения человека, и особо *недозрелого*, невольно вспоминаешь помянутые выше слова Личутина: «И за что Вы, Виктор Петрович, не любите народ русский?!» Об этом со скорбью говорят Астафьеву его бывшие почитатели, и письма их, как ни странно, тоже включены в собрание сочинений.

«...В одном не могу с Вами согласиться. „Что за чудище человек-то!“ — восклицаете Вы. Да, чудище он бывает, конечно, обло, озорно и пр.— но не всякий же, не каждый. Не мне Вам рассказывать... каков он, человек, бывает непостижимо хорош. <...> Это Вы совсем не правы, что Господь обрѣк человека на гибель; тогда зачем было создавать его? <...> Жалеть их надо, этих чудищ, уже и за то, что они чудища, ведь они уже в себе, в душах своих носят готовый ад, сами себя к нему готовят, как их не жалеть. <...> Жалость возвышает человека. <...> Ваш В. Непомнящий»¹⁸.

«...В своём письме Вы опять никак не отрицаете тех моих обвинений в нелюбви к России и русскому народу, которые Вы публично высказывали и высказываете, в расхождении на этой почве с „[Нашим] современником“, Распутиным, Беловым, Крупиным, Бородиным, которые совсем недавно были Вашими ближайшими друзьями и единомышленниками. <...> Ваш Куликов»¹⁹.

«...Уже в публикации „Огонька“ (июль 93-го) я услышала „нотки“ голоса совершенно другого человека, а потом — примитивно-пустотелая рекомендация с телеэкрана: „Работать надо!..“ Виктор Петрович, у нас на Руси это делать умеют, как умеют и эксплуатировать этот труд. Да, Вы варварски ранили „мальчика в белой рубашке“. Не знаю — ожил ли он? Ну да Бог Вам судья. Прощайте, писатель Астафьев. Августа Михайловна Сараева-Вондарь»²⁰.

Николай Гоголь в исповедальной повести «Выбранные места из переписки с друзьями», по сути, отрѣкся от своей *обличительной* поэмы «Мёртвые души», где русский народ, по Достоевскому

16. Там же. Т. 15. С.443.

17. Астафьев В. «Коммунисты всегда вдали...» Комсомольская правда. 1 июля 1996. №120.

18. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 122–123.

19. Там же. Т. 15. С.174.

20. Там же. Т. 15. С. 452.

богоносный,— скопище беспросветных моральных уродов, над коими писатель не по-христиански безжалостно и гениально насмехается. Слава Те Господи, Николай Васильевич в прощальной повести-плаче выразил покаяние, как, думаю, и в церковных исповедях; а покаялся ли в подобном *безжалостном обличении* Астафьев?.. Может, и покался на смертном одре, когда лежал под святыми ликами и ожидал... рождения для вечности.

Достоевский возглашал: живописно обличая народ, утопающий в похотях земных, писатель, живописуя и покаяние ради спасения; запечатлей благочестие и праведника, без коего село не стоит, ибо, словно иерей либо архиерей, ответишь перед Богом за все души, в кои посеешь зерно писательского слова. «Простец согрешивший за одну только свою душу даст ответ Богу, а иереи будут истязаны за многих, как нерадевшие о овцах, с которых собирали млеко и волну (шерсть)...» (из *Духовного завещания святителя Митрофана Воронежского*).

Да, всякий смертный ответит пред Господом за своедушные грехи, а писатель ещё и за грехи книжечеев, коих искусил, скажем, равнодушием к ближнему и Вышнему; а посему воспетая обличителями *правда жизни*... а и правда ли полная?.. *правда жестокая, тупиковая*,— богопротивна, ибо засеваает в читательские души лукавые и хульные помышления от окаянного сердца и помрачённого ума, грешное унынье, апатию, отчаянье, разочарование даже в братьях и сестрах во Христе. Вспомнилась лихая надпись на заснеженном окне полупустого полуночного автобуса: «*Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки*»,— и подумалось: «Вот так же, глядя на земляков, мыслят и некие писатели, коли выстудились лихими ветрами любовь и сострадание, прощение и снисхождение к ближним. А Господь что говорил?.. а Господь умолял: „Любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих“ (Лк. 15:12-13); „Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас“ (Мф. 5:44)».

Увы, ожесточилась писательская душа, глядя на падших соотечественников; увы, трудно отыскать в закатных произведениях Виктора Астафьева героев, достойных подражания, не говоря уж об идеалах. Благо, что ранее писатель искренно и нежно воспел бабушку в «Последнем поклоне»; а бабушка, подобно старухе Анне из «Последнего срока» Валентина Распутина, нравственно идеальна на фоне нынешнего молодняка, увязшего в тине пороков, воспетых и вознесённых в *земные радости*. Читаешь Астафьева и чуешь: ранние произведения писатель рождал с любовью, порой и опечаленной, поздние — с тяжёлым сердцем, с обидой и гневом даже на родной народ.

Повинив Астафьева в охлаждении любви к ближнему, вдруг спохватился: а имею ли я моральное право эдак судить писателя?..

Вспомнились слова Петра Краснова, чтимого мной прозаика, вставшего грудью за Астафьева: «Что касается политики, то тут я, Виктор Петрович, на одном стою, одно говорю соратникам, да и всем: мы Астафьеву не судьи, мурцовки не пробовали, и не надо его трогать. <...> Ваш Пётр Краснов»²¹.

Не о писателе, но о писательских идеях народ будет судить в земное и загробное обитание властителя дум; это право читателя, критика, историка и литературоведа, даже если те и не *хлебнули мурцовки*. Испокон литературного века *хлебнул мурцовки* не наделяло человека, а тем паче сочинителя полномочиями безжалостно судить родной народ. Фёдор Достоевский вдосталь хлебнул горя горького; если и не воевал, как Виктор Астафьев, то пережил не менее жестокие испытания: мука ожидания казни, потом каторга, где нагледелся на подлых каторжан, на воров и душегубцев, настрадался от них, будучи натурой болезненно чувствительной, нервной, мучительно переживающей окружающий мир. Но, описывая *правду* каторги в «Записках из мёртвого дома», Фёдор Михайлович, говоря по-нынешнему, не утонул в беспросветной «чернухе», как Астафьев в романе «Прокляты и убиты», а, будучи боголюбивым и человеколюбивым, нашёл в душе силы для любви и сострадания к ближнему, даже и нравственно больному, увязшему в грехе, и там, среди падших, высмотрел и воспел людей, в душах которых, словно в разбойнике Кудеяре, пробудились раскаянье и дремавшая любовь к ближнему и Вышнему. Да и в других произведениях, откровенно показывая ужасы нищенского бытия и бездонную бездну падения русского человека, что мечется меж Богом и мамоной, Фёдор Достоевский воспел и такие занебесные взлёты русского духа, какие не снились европейскому обывателю, озверевшему в погоне за хлебом единым и поганым зрелищем и разомлевшему в тупой сытости. Достоевский понимал, что назначение искусства, если оно не от *искуса* лукавого, не столь в описании *жизненной правды*. . . лишь обличением доброго семени в душе не посеешь. . . сколь в создании идеала, в изображении праведника, без коего мир погибнет, подобно ветхозаветным городам Содому и Гоморре, насельники коих, забыв о Боге, о праведной жизни, утопали в поганых похотях.

Пренебрегая *правдой жизни* ради утверждения христианских заповедей в миру, уходя от смуты души своей, Достоевский, случалось, и выдумывал молитвенных праведников, вроде Алёши Карамазова либо князя Мышкина, какие, похоже, не обитают в миру, спасаются в глухomanных скитах и диких пустынях. Сочиняя юродивых праведников, Достоевский полагал, что писателю надо изображать русского человека и *натурального*, и *каким он по Божию промыслу мечтает быть*; а в боговдохновении русский — блажен и свят и породил

21. Там же. Т. 15. С. 147.

великую святость, отчего и повеличался богоносным. Сочинение идеала, конечно, не означало уход от *правды жизни*, но творческая мудрость художника таилась в том, чтобы *голая* правда жизни не заслоняла праведника, не топила идеал в мусорном потоке запечатлённых страстей и похотей.

Виктор Астафьев в поздних произведениях, сознательно ли, бессознательно, художественный талант утрудил не для воспевания праведника, а на суровое обличение народа, отчего в слове рухнула живописная гармония Света и Тьмы и проза стала утрачивать былое народное любомудрие, свет и красу. В *обличительных* речах и письмах Астафьева словно выстудилась на лихом и ветреном перевале веков былая сострадательная любовь к ближним и даже родным деревенским. А ведь и по сочинениям, посланиям, прилюдным речам писателя дотошные историки будут судить о русском народе, попутно и о литераторах второй половины двадцатого века. И в лад иным астафьевским суждениям грядущие поколения русских могут и поверить, что родной народ — *тупой, хмельной и ленивый*, а Валентин Распутин — *русский фашист и юдофоб*, а гениальный писатель Владимир Личутин — и вовсе потешное недоразумение в литературе. А не будет ли то искажением русской истории и русской судьбы?! Обретя эдакую *правду* о родном народе, не застыдится ли читатель родного народа и рускости своей? Упаси Бог, но о сём веками мечтали враги Земли Русской...

«ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

Посчастливилось мне, грешному, водить дружбу с фронтовиком Алексеем Зверевым... писатель тихого, светлого дара, для России мало вёдомый... судьбу которого запечатлел я в очерке «Люблю я сторону родную». В главе «Война отвратительна, но... породила братство» есть и о Викторе Астафьеве, в коем иркутский писатель-фронтовик души не чаял; и себя, и меня на военный лад почитал солдатами в литературе, а Распутина и Астафьева — генералами. Покаюсь, мне не нравилось, у меня, двадцатилетнего, в заплечном ранце под солдатскими портянками томились генеральские погоны, и хотя не сгодились, но таились...

«...Уходила в память гражданская война, утихомирился печально поредевший русский народ, и вроде оклемался, повеселел в азартном державном труде; но... не дремал сумеречный князь мира сего, ненавидящий Россию, остатний Божий приют на земле; и его холопы — хриstopродавцы, царящие в мире, — двинули на русские земли германскую орду. Великая Отечественная война... <...> „Война — дело отвратительное, тяжкое, — поминал Алексей Васильевич, — но Отечественная война породила и великое братство и товарищество, а посему до боли щемит сердце и бросает в тоску и в слезу, когда уходит из жизни военный друг...“ <...> Странно... а может, и ладно... но лишь тридцать лет спустя Алексей Зверев, солдат и писатель, заговорит в прозе о Великой Отечественной войне; явятся на свет одна за

другой удивительные по силе переживания, по чистоте слова, простонародно мудрые повести „Выздоровление“, „Раны“, „Передышка“. Видимо, нужны были тридцать лет, чтобы не так больно поминалась война, чтобы разглядеть трагедию, осмыслить её при ярком и верном свете — свете любви Христовой. У Алексея Васильевича христианское осмысление войны, даже без религиозной символики, интуитивное, было похоже на пробудившийся в душе голос православных предков.

Через тридцать лет начал стихать барабанный треск в военной прозе, крики „ура“ на фоне штабной отчуждённости от рядового солдата; стала уходить в небытие „генеральская“ проза, потом „лейтенантская“, и пришло время горькой „солдатской“ прозы — страшной окопной правды, которая высветила всю непостижимую меру солдатских страданий, тем самым высветила и великий подвиг окопного война. А подвиг и был в том, чтобы пройти через ужасы, кровь и смерти, через холод и голод, через хаос войны, и остаться человеком, подобием Божиим.

Показывая „вшивую, окопную“ правду войны, Алексей Зверев избежал беды, коя на старости лет постигла Виктора Астафьева в предсмертном романе „Прокляты и убиты“, где с матёрым мастерством писатель запечатлел ужас и мерзость войны, живописал и солдата, ходячего мертвеца, для коего положить душу за други своя, за священную землю русскую — пустой звон политрука».

Тогдашние правители России, по велению Запада ополчившись на русский дух, на пушечный выстрел не подпускали к телевидению русофилов, подобных Белову, Распутину, Личутину, Проханову, Куняеву; впрочем, те и не рвались в совет нечестивых, и лишь Астафьев частенько гостил на *российском* телевидении, поскольку и в романе «Прокляты и убиты», и в телебеседах, телефильмах, и в письмах фронтовикам клял русское воинство, кое испокон веку *бездарно* воевало и в Отечественную войну *не победило германскую армию, а утопило в солдатской крови, завалило трупами*.

«Уважаемый Александр Сергеевич! Ах, как жалко мне Вас огорчать на старости-то лет, да никуда от жизни не денешься. Я понимаю и Вас, и всех других генералов наших, хвелящихся, ибо никто больше не похвалит. Не за что... Вы и *полководцы, Вами руководившие*, были очень плохие вояки, да и быть иными не могли, ибо находились и *воевали в самой бездарной армии со времён сотворения рода человеческого*. (А как же Святослав, покоривший все соседние народы?! или святые князья Дмитрий Донской, Александр Невский, царь Иван Грозный?! а как же Суворов, Нахимов, Скобелев и многие другие полководцы, признанные миром?! — А. Б.) *Та армия, как и нынешняя, вышла из самого подлеишего общества* — это и в доказательствах уже не нуждается»²² (выделено мною. — А. Б.).

22. Там же. Т. 15. С. 22.

По Астафьеву, плоть от плоти русаку, русские солдаты — *скоты безмолвные*, офицеры — *скоты рыкающие*, а уж бездарнее и подлее высшего командования русской армии в Отечественной войне и придумать трудно, коль офицерё лишь тем и занималось, что развлекалось, брюхата полковых девок, да ради победы топило германца в солдатской крови. «Великая Отечественная война не была обусловлена какой-то исторической неизбежностью, — размышлял автор военного романа. — Это была схватка двух страшных авантюристов Гитлера и Сталина, которые настроили свои народы соответствующим образом... Ведь человечество, напуганное Первой мировой войной, и не собиралось воевать. <...> Я думаю, что все наши сегодняшние беды — это последствия войны. Тов. Сталин и его подручные бросили нас в этот котёл... Конечно, Сталин — это никакой не полководец! Это ничтожнейший человек²³. <...> Если бы немцы не напали на нас, то через год-полтора мы бы напали на них и, кстати говоря, тоже получили бы в рыло...»²⁴

Эдуард Володин, русский философ, публицист, писал по сему поводу: «...И вот появляется мерзость под названием „Прокляты и убиты“ — роман о Великой Отечественной войне и о её солдатах и офицерах. Более подлого сочинения вряд ли найдёшь и в мировой литературе, а тут ему устроили хвалебную критику и рекламу, подобно „тампаксу“ или „диролу без сахара“. Оболгано было всё, что свято для народа, оболган был сам народ и его героическая армия. <...> Пошли бесконечные интервью и беседы фронтового телефониста об итогах Великой Отечественной войны, о тупости маршалов и генералов,

23. «Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я, как православный христианин и русский патриот, низко кланяюсь Сталину» (*святой Лука (Войно-Ясенецкий)*). «Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба И. Сталина. По своим военным и политическим качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача — раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина не появлялись» (*Адольф Гитлер*). «...Это большая удача для России в её отчаянной борьбе и страданиях — иметь во главе великого и строгого военачальника. Он — сильная и выдающаяся личность, соответствующая тем мрачным и бурным временам, в которые его забросила жизнь, человек неистощимой храбрости и силы воли, прямой и даже резкий в речах...» (*Черчилль У. Речь в палате общин 8 сентября 1942 года*). «...Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нём нет ничего тёмного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России» (*Герберт Уэллс, «Опыт автобиографии», 1934*).

24. Аргументы и факты. 1998. № 19.

о злобности солдат, о нелепости защиты Ленинграда. И, конечно, о рыцарстве немцев и гениальности их полководцев... В. Путин недавно вручал Государственную (!) премию В. Войновичу, грязная и зловонная повесть которого „Похождения солдата Ивана Чонкина“ может считаться прологом к „Проклятым и убитым“ В. Астафьева! И не просто вручил, а ещё сообщил В. Войновичу, что за десять лет Россия далеко продвинулась по пути нравственности и духовности...»²⁵

Славный русский критик Игорь Дедков так оценил роман «Прокляты и убиты»: «Его прежние срывы в злобу и мстительность превратились в норму повествования; оснатив же текст подлым матом, он усугубил изображаемое и всячески нагнетаемое, концентрированное непотребство; не умея вести сразу несколько героев, как бывает в романах, и удерживать их на сюжетной привязи, он сочинил скорее тенденциозный „физиологический очерк“, чем что-либо художественное»²⁶.

Не хлебнувшим фронтовой мурцовки русофилам, что бранили военный роман Астафьева, можно и не верить, но можно поверить Евгению Носову, фронтовику, чудом выжившему после ранения, писателю не громкому, хотя талантом и не уступающему, а, случилось, по языковой живописи, по ясности духа и превосходящему енисейского друга. Так вот Носов, вслед за Астафьевым выглядывая в русском национальном движении фашизм и милитаризм киплинговского... прохановского... толка, высоко оценивая последние астафьевские романы, тем не менее дружески укоряет писателя: «Маленько переборщил ты и относительно высшего командования. <...> Были и держиморды, но были и чуткие, мыслящие командиры. Ну, скажем, как твой маршал Конев или мой генерал Горбатов... Е. Носов»²⁷.

Позже Евгений Иванович, миролюбец-миротворец, уже довольно резко выразился о творчестве бывшего друга: «Мои отношения с Астафьевым тоже поостыли: он стал много врать и в своих публикациях, и в устных выступлениях. Я попытался урезонить его, но он надулся, пользуясь моментом, кляня прежнюю власть, которая и сделала его писателем, и дала возможность повидать белый свет (бывал иногда в пяти странах за одну поездку), сейчас он перебежал в иной лагерь, где сладко кормят и гладят по шерсти за его услуги, получил возможность издать аж 15 томов своих сочинений, в том числе ужасного, нечистоплотного романа „Прокляты и убиты“...»²⁸

СКВЕРНОСЛОВИЕ И СКВЕРНОМЫСЛИЕ

Жёстко бранит Евгений Носов приятеля-писателя за *вольный* язык фронтовых повестей; и брань эта... разумеется, дружеская... на

25. Русское воскресение: Колонка редактора: Иудино время — 2.

26. На боевом посту. 2011. №11.

27. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 151.

28. Литературная Россия. 21 июля 2001.

тринадцати книжных страницах последнего тома. Вот лишь некоторые замечания:

«Дорогой Виктор! <...> О том, что рукопись производит сильное впечатление, я уже писал в предварительно посланной открытке. Поэтому сразу перейду к замечаниям. Ну, прежде всего, категорически возражаю против оголтелой матерщины. Это отнюдь не моё чистоплюйство, и в каких-то чрезвычайных обстоятельствах я допускаю матерок. Но не походя, во многом без особой нужды, как у тебя. Это говорит вовсе не о твоей смелости или новаторстве, что ли, а лишь о том, что автор не удержался от соблазна и решил вывернуть себя наизнанку, чтобы все видели, каковы у него потроха. Когда ты пишешь: „Не страшай девку мудьями, она весь х. видела“, — то сквернит слух не твой герой, а сам автор. Тем самым ты унижаешь, прежде всего, самого себя. Ты становишься в один ряд с этой шпаной. А больше того, посредством этой отвратительной фразы ты унижаешь женщину вообще. Надо иметь в виду, что многие-многие читатели не простят тебе этого. Жизнь и без твоего сквернословия скверна до предела, и если мы с этой скверной вторгнемся ещё и в литературу, в этот храм надежд и чаяний многих людей, то это будет необратимым и ничем не оправданным ударом по чему-то сокровенному, до сих пор оберегаемому. Разве матерщина — правда жизни? Убери эти чугунные словеса, а правда всё равно останется в твоей рукописи и ничуть не уменьшится, не побледнеет.

Стр. 50. „Песок хрустит в волосах, штанах, белье... и даже на мудях“, — это говорит не какой-либо тип, а сам автор, что вообще недопустимо! <...>

Было бы жаль, если бы эту книжку покупали по такому доводу: „Слушай, давай возьмём. Тут такие у автора матерки! Чешет открытым текстом. Обхохочешься!“ Возможно, так и будет: редакторы будут визжать от остроты ощущений, бегать с твоими листами по кабинетам, показывая зланные места: во Астафьев даёт! А ещё горше, когда книга, уже напечатанная, одетая в благообразный переплёт, будет стоять на полке. Мы уже уйдём в мир иной, а она будет стоять со всей этой скверной, обжигать душу будущих читателей не столько правдой, которая к тому времени может померкнуть, а немеркнувшей дурнотой словесной порнографии.

„Как фамилия? — Моя фамилия — п. кобыля“ (стр. 29). Подумай: эта грязь останется в твоей книге на долгие времена! Написанное пером уже не вырубить топором. Прости эту банальную истину. <...> Е. Носов»²⁹.

Лютая неприязнь Астафьева к Советской империи, что ублажила писателя великими почестями, злое разочарование в соотечественниках скорбно отразились на художественных достоинствах последних

29. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 399, 400.

произведений писателя, и в язык на смену былой нежной живописи ворвалась солёная, перчёная уркаганья³⁰ брань. И о том письма опечаленных читателей...

«Виктор Петрович! Вот уж никогда не предполагала, что придется написать Вам (хочется и местоимение написать с маленькой буквы!), писателю, которого я почитала как великого, такое письмо... Разумеется, Вы можете и меня, и моё письмо послать на три буквы — ведь, как оказалось, вы дружны с ними. Но как могли Вы изменить своему таланту, слову, литературе?! Нет! Так жить не хочется, тем более так говорить и читать про это. Сквернословие, поселившееся в Вашем творчестве, меня, да и не только меня, просто потрясло! Не поэтому ли и само повествование поблёкло, посерело, перестало *быть*. Не надо приписывать эту матерщину „простым“ людям. Вы и раньше писали не об аристократах; но как нежно, целомудренно. А ведь они, „простые люди“, наверняка умели пользоваться подзаборным лексиконом. Я с мамой вместе с бойцами отступала из занятого немцами пригородного г. Пушкина. Были отчаяние, кровь, смерти, но не было мата! Блокада: были смерть, голод, холод, но не было мата! <...> Августа Михайловна Сараева-Вондарь»³¹.

«Уважаемый Виктор Петрович! <...> Надо ли всякую гадость тащить в свою книгу? Ведь это не свалка мусора. Омерзительна вот эта тётка, которая при родах детей в ногах давила и в штаны сикала (!). Кому нужен этот вульгарный реализм? <...> Стр. 13.— что это за „тёплое молочко в заднице“? Каково сочетание: „тёплое молочко“ и „задница“! На стр. 25 — „дрищет“. Эж вас на старости лет потянуло на вульгарности! Их много, таких слов, но при чём тут литература? Так и до матерков недалеко. И это вы не отбрасываете. Не знаю, как у вас, а наши чалдоны до революции не матерились, стыдились родителей, детей, женщин, а если кто-то и выразится, то такому охальнику давали 15 суток за богохульство, просидеть их он должен был в холодном сарае и не работал. Тогда понимали, что наказывать человека трудом безнравственно. Самое тяжкое наказание — лишение свободы, отстранение от труда. <...> Извините за придирки, поучения. Но я не хочу, чтобы вы походили на Эдичку Лимонова, от которого воротит, как от туалета общественного. <...> Соловьёв Геннадий Васильевич»³².

В послевоенных деревнях, что обрелись в душевном здравии даже переживши голод, холод, воловий труд, а на западе и фронт,

30. Урка, -и, м. и ж., уркаган, -а, урок, урка, м. 1. Преступник, уголовник; заключённый, относящийся к преступному миру. 2. Хулиган, шпана.

3. Ирон. обращение. От уг. «урка» — вор, член воровской шайки, «уркаган» — дерзкий, авторитетный вор, первоначально «урка», «урок» — крупный преступник. <http://dic.academic.ru/>

31. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 452.

32. Там же. Т. 15. С. 115, 116.

матерщинников не жаловали, а старики и вовсе плевали вслед матюжникам: «И как ты, архаровец, эдаким поганым ртом хлеб ешь и мамку кличешь?!» Борзо вводя матерный жаргон в авторскую речь, не говоря уж о речи героев, писатель обольщался по поводу *сермяжной правды* жизни, а тем паче по поводу речевой силы повествования, ибо сила народной речи, которой писатель прекрасно владел, не в матерке подзаборном, даже не в злополучных *чо, почо, знашь, понимашь*; сила и краса народной речи — в природном, цветастом образе, в притчевом и пословичном любомудрии.

Виктор Астафьев в письме к покойному критику Игорю Дедкову пытается оправдать матерный язык, но неубедительно: «...А вы судите за натурализм и грубые слова, классиков в пример ставите. Вы-то хоть их читали, а то ведь многие и не читали, а в нос суют. Не толкал посуху плот, грубой работы, чёрствой горькой пайки не знал Лев Толстой, сытый барин, он баловался, развлекал себя, укреплял тело барское плугом, лопатой, грабельками, и не жил он нашей мерзкой жизнью, не голодал, от полуграмотных комиссаров поучений не слышал; в яме нашей червивой не рылся, в бердской, чебаркульской или тоцкой казарме не служил... Иначе б тоже матерился. <...> Виктор Астафьев»³³.

Может быть, Лев Николаевич, хлебнув мурцовки, и заматерился бы, как сапожник; но Фёдор Достоевский, прошедший каторгу и сибирскую ссылку, где вдоволь наслушался варначей³⁴ брани, мог бы ради *жизненной правды* изукрасить романы богомерзкими матами, но одолел искушение, обергёл целомудрие русского художественного слова.

Забавно, что в былые времена Виктор Петрович осуждал скверномыслие и сквернословие в литературе, когда народная власть требовала от писателей благочестивого письма, когда и в страшном сне бы не приснилось, чтобы повествования вдруг, словно дерьмом человечьим, осквернились матами: «Очень много матерщинников появилось открытых. Считается тоже новаторством. Очень много скабрёзников» (1990 год). О том же толковал и в сочинениях: «Когда слабо сопротивляющегося Сиптымбаева уволокли в санпропускник, Сашка сердито забросил розу в кусты и выругался. Олег поморщился. Не любил он похабщины, не приучен к ней. Отец грузчиком был, но Боже упаси при сыне облаяться. И на войне Олег сопротивлялся, как мог, этой дикости, которой подвержены были даже большие командиры и вроде бы иной раз щеголяли ею» (рассказ «Сашка Лебедев»).

А вот отрывок из повести «Пастух и пастушка»: «Ползёт солдат туда, где обжит им уголок окопа. Короток был путь из него навстречу пуле или осколку, долог путь обратный. Ползёт, облизывая ссохшиеся губы, зажав булькающую рану под ребром, и облегчить себя ничем не может,

33. Там же. Т. 15. С. 476.

34. *Варнак*, варнака, муж. (обл.). Бежавший с каторги. Каторжник. /Бранное слово/. Толковый словарь Ушакова.

даже матюком. Никакой ругани, никакого богохульства позволить себе сейчас солдат не может — он между жизнью и смертью. Какова нить, их связующая? Может, она так тонка, что оборвётся от худого слова. Ни-ни! Ни боже мой! Солдат разом делается суеверен. Солдат даже заискивающе-просительным делается: „Боженька, миленький! Помоги мне! Помоги, а? Никогда в тебя больше материться не буду!“»

Валентин Распутин высоко ценил художественный талант Астафьева, даже когда енисеец переметнулся к властвующим хриstopродавцам, но укорял писателя: «Я думаю, если бы у Астафьева в последних романах не было мата, он что, хуже бы стал как писатель? Не стал бы хуже... Астафьев красочно матерился за столом — было одно удовольствие его слушать. (?..) Но, простите, литература — это совсем другое. В последних его книгах нет его весёлости, хотя он и пишет „Весёлый солдат“. Зачем он увлёкся этим? Есть у молодёжи эпатаж, есть и у матерых писателей. Виктор Петрович сделал первую ошибку, заявив, что надо было сдать немцам Ленинград, дальше он уже пошёл напролом. Эпатаж это или ожесточённость, не знаю. Я думаю, он сам от этого страдал. Уверен, что он страдал и от одиночества, и от ожесточённости, но уже отступить не мог от образа своего нового, от новой репутации. Он стал узаконенным матерщинником в литературе»³⁵.

Намедни вычитал у православных любомудров о сквернословии, что и ведаю не дословно... Русская пословица гласит: «От гнилого сердца и гнилые слова», — а Господь поучает: «...от избытка сердца говорят уста» (*Мф. 12:34*); «исходящее из уст — из сердца исходит: сие оскверняет человека» (*Мф. 15:18*). А посему сквернословие — признак избытка скверны в сердце. Если не очищено у человека сердце, а переполнено грехом, то льётся из него сквернословие неудержимым потоком; и сквернослов повинен и в своей духовной смерти, и в гибели своих ближних. Скверна, изрыгнутая нечистыми устами, входит в уши и сердца ближних и даже ангельски светлых чад Божиих. Сквернословие рушит целомудрие и благопристойность, топит душу в пучине порока... Святые отцы, иереи, архиереи напоминали сквернословам слова Господа Иисуса Христа: «За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда, ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (*Мф. 12:36-37*). Всякому смертному предстоит на Страшном суде ответить не только за грехи, но и за грешные мысли, грешные слова.

ПРОКЛЯТЬЕ НАРОДНОМУ СТРОЮ, ХВАЛА ДИКОМУ КАПИТАЛИЗМУ

В письмах единомышленников Астафьева не ощущаются убеждения цельные, завершённые — православно-монархические, либерально-демократические либо национал-социалистические, — ощущается

35. День литературы. 2005. № 10.

лишь некое потакание супостатам, что крушили Красную империю, подлую, рабскую, проклятую, по их мнению. И чтобы писателю во славе и богатстве плыть на волне лихого времени, нужно было лоб расшибить, рьяно послужить властвующим крушителям: проклясть российское прошлое и воспеть разрушительное нынешнее.

Вот письмо Гребенщиковых, написанное ещё в девяностом году, с выводами которых Астафьев соглашается: «Сегодня Россия переживает один из самых трагичнейших своих переломов: прозорливым людям (таким как Солженицын) ясно, что Родину надо освободить от марксизма-ленинизма, что во имя спасения в себе человека надо поломать эту уродину — здание социализма. Но осуществиться это может только через *развал державы* (выделено мной.— А. Б.). Гребенщиковы»³⁶.

Матеря в хвост и гриву «брежневский застой», писатель возглашает о том, что в девяностые годы благосостояние россиян резко взмыло, а если кто-то и перебивается с хлеба на квас, то лишь от вековечной *русской лени*, от *русского пьянства*.

«Дорогой Саша [Михайлов]. <...> В гости с Марьей сходили к одной бывшей моей односельчанке. Со стола валится закусок, напитки дорогие, компания простодушная и весёлая. Выпил пару рюмок коньяку, поел разносолов, стряпни всякой — и домой. И ведь куда ни придёшь, в рабочую семью, допустим, к двоюродной сестре на поминки ходил, — и — ё-моё — неслыханное, невиданное на столе изобилие — нет, сидят, клянут жизнь и власти. Ох, накажет наш народ Господь, ох, накажет! Ещё раз сатана с кровавым флагом явится, умоет кровью и слезами этот *слепой и тупой [русский] народишко* (выделено мною.— А. Б.) Твой Виктор»³⁷.

И это о девяностых, прозванных лихими, когда мировые и домо-рощенные сатанаилы ограбили Россию до нитки, когда пятьдесят миллионов пенсионеров в одночасье лишились счастья, а заодно и трудовых накоплений, что лежали на сберкнижках, когда сто миллионов работяг и служащих обратились в безработных, когда сотни тысяч бедовых голов гибли в пьянстве и наркомании, в бандитских разборках и внутренних войнах, когда обнищавший народ захаживал в магазин, словно в музей обильной пищи, чтобы позариться на копчёные окорока...

«...По твоему интервью у вас в Красноярске уже что-то вроде коммунизма наступило: „бабы одеты в меха, в дорогие меха, в соболя. Мужики — в кожу. Детки, как попугайчики, нарядные“. А рабочий и пенсионный люд трёх посёлков ездит в иномарках. Тогда вовсе непонятно, чего... „ругают власть“. <...> Конечно, нынче многие носят и дорогие меха, и драгоценности, и ездят в иномарках. Но — кто?

36. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 9.

37. Там же. Т. 15. С. 383.

А вот кто робит в деревне, вкалывает по-мужицки (есть ещё такие!), он-то что получает? В чём ходит и что ест? <...> Ал. Михайлов»³⁸.

Живописуя *райскую* жизнь, что, словно манна небесная, пала на обломки Российской империи, Виктор Петрович, очевидно, слышал: «Шестого июня 1999 года красноярский губернатор Лебедь, выступая по телевидению и сетуя на разгул преступности в крае, вдруг сказал, что дело дошло до того, что на красноярском кладбище с могилы, где похоронена дочь Астафьева, воры сняли какие-то украшения из цветного металла»³⁹.

«Дорогой Виктор! <...> Наверное, XX-й век — самый кровавый для России. Гибнут люди и сейчас. Только за этот год убитых на территории бывшей нашей страны в различных конфликтах и стычках более 150 тысяч. Это жутко! За десять лет в бессмысленной войне в Афганистане погибло 15 тысяч! А этом году — 150! (Для Астафьева — хорошее время, просто русские обленились.— А. Б.) И гибнут-то, как правило, молодые. <...> Насилие — уже как норма жизни. Раздевают до трусов детей на улицах, ибо хиленькая зимняя курточка стоит за три тысячи. Западногерманский журнал „Штерн“ опубликовал интервью с начальником частного сыскного агентства в Москве. Этот деятель утверждает, что в 1991 году у нас в России бесследно исчезло 22 000 детей! Ошеломляюще-дикие информации идут отовсюду. Сами дети стали трудновоспитуемыми. <...> Л. Румянцев»⁴⁰.

Созвучно размышляет о постсоветской российской жизни и профессор Томилин из Томска: «...Когда здание коммунизма у нас рухнуло, то обнажился его капиталистический фундамент, а из подвалов выбежали духи наживы и устроили дикую пляску вокруг золотого тельца. Поэтому и зарплату стало нечем платить: она похищена этими нечистыми духами... В. Томилин [профессор]»⁴¹.

Для осмысления девяностых годов примечательна не столь даже переписка двух знаменитых писателей-деревенщиков Астафьева и Носова, сколь само положение их в тогдашней России. Если Носов с нищенской сумой ковылял по миру, то Астафьев въехал в ельцинский Кремль на белом коне... бывшие друзья усмехались: на кривой кобыле... и его юбилей в девяносто четвёртом году власть объявила государственным торжеством, разумеется, не скупясь на затраты. Бог с ним, с народом, голодным, холодным и обезумевшим от беспросветной жизни...

Астафьев пишет Нагибину о своём всенародном торжестве: «Дорогой Юра!.. Да, брат, отмучился: юбилей — это не для контуженых людей, юбилей — дело серьёзное, если его затевают к тому же как

38. Там же. Т. 15. С. 257.

39. Куняев С. Ю. И пропал казак... «Наш современник». 1999. №8.

40. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 155.

41. Там же. Т. 15. С. 457.

народное торжество (выделено мною.—А. Б.). <...> Преданно твоей Виктор»⁴². Попутно вспомнилось: Виктор Петрович то костерит Нагибина за *жидовство*, то — «дорогой Юра... брат... преданно твой...».

Кому юбилей, а кому... или, как в деревне говаривали: кому Христос воскрес, а нашему Васе — не рыдай мене, мати. Вот что пишет Астафьеву Евгений Носов, тоже всенародно любимый писатель: «Мой дорогой Витя! <...> Юбилейный комитет официально приглашает на торжества (Всероссийские Астафьевские.—А. Б.). Витя, дорогой мой! Какая уж тут Сибирь: ехать на твои гроши моя „пся крев“ не позволяет, стыдно и горестно, а своих денег не стало, всё, что было,— отняли, а заработать не то чтобы на дорогу, но и на курево стало невозможно. Да и дорога ужасна. <...> Надо теперь переться в эту чёртову Москву, где тебя никто не ждёт, где не пустят переночевать, не говоря уж о билете, который прежде Танька Капралова из Союза писателей чуть ли не в постель готова была доставить... Твой Женя [Носов]»⁴³.

И если Астафьев сподобился встречать на берегах Енисея тогдашних правителей, устраивая банкетные торжества в честь своего имени, то Евгений Носов перебивался о ту лихую пору с хлеба на воду. «Дорогой Виктор! А я тоже заимел свою картошку... Женька на заводе получил по соток. <...> Я очень завидую тебе, потому что у тебя есть изба в деревне, где можно отключиться от постылой коммунальной жизни. Если бы Женька получил землю пораньше, то мы бы успели построить там домик. А теперь цены взбесились, одна дверь три тысячи стоит. Были у меня деньги, если б знал, так мог бы хороший дом купить, да и новую машину, а то „Нива“ моя продырявилась: колёса истрепались, и мотор стал сыпаться. Но правители отняли у меня деньги, которые я копил, считай, всю жизнь, и посадили меня на одну пенсию. Заработать же я теперь уже не смогу. Пишу мало и медленно. Написал рассказ, послал Кручину, а тот заплатил за него 400 рублей, т. е. на одну палку колбасы, а я два месяца над ним корпел. Вот ещё один рассказ отдал евреям в „Знамя“. Может, те чего-то заплатят, может, у Бакланова совесть есть, ещё не износилась. Кажется, в „Знамени“ платят по-божески. <...> Наш общий друг Лёня Фролов отказался печатать мой трёхтомник, выбросил из плана. Я ему теперь не литература. Им порнуху теперь подавай, Войновичей всяких. <...> Твой Женя [Носов]»⁴⁴.

Странно, что Евгений Носов поначалу благословлял либеральных правителей, кои довели его, выдающегося русского писателя, до нищенской суммы, и в лад богатому Астафьеву ругал советскую власть, похоже, перераставшую в русскую национал-социалистическую, — не случайно же свершилась вторая, на сей раз победная, буржуазная

42. Там же. Т. 15. С. 224.

43. Там же. Т. 15. С. 211.

44. Там же. Т. 15. С. 236.

революция, обратившая Россию в западную колонию. Поругивая свергнутую народную власть и вдруг забываясь, Евгений Носов с великой грустью поминал благословенные *застойные* времена, когда, получая за писательский труд приличные деньги, жил и не тужил.

Ладно, любил Виктор Петрович поворчать, костерил коммунистов и Советский Союз, где жил по-генеральски, но за какие заслуги восхвалял лихие девяностые, что выкосили народ, словно военным лихом, запустошили крестьянские земли, угробили фабрики и заводы, унизили и осквернили русские святыни, воспели похоти, а народных писателей выпихнули на обочину жизни?! Впрочем, поругивая *глупый* народишко, что нынче... в девяностые годы прошлого века... одет в меха, катается в иномарках, Астафьев неожиданно ругает и ельцинскую власть. Словно забыв о политическом заказе, противореча себе, не может устоять перед *правдой жизни* и пишет с горечью: «...У нас дела тоже идут неважно, по полгода не выплачивается зарплата, задерживаются пенсии и пособия, народ устал уже ждать облегчения. Да и понять его можно — привыкший жить от аванса до получки, в отличие от буржуев, не умеющий накопить копейку, не вписывается он в новые экономические отношения, да, за малым исключением, и не впишется, нужны два-три поколения, чтобы начать жить по-новому. А будет ли время вырастить эти два-три поколения, когда дряхлеет всё: люди, недра, промышленность; приходит в запустение и дичает земля? <...> Вот на Бога и уповаем, и надеемся, а больше уж надеяться не на кого, кругом болтовня, обман и пустые обещания. <...> Как много у нас людей, которые не сводят концы с концами, мыкаются без работы, не имеют денег заплатить за квартиру и бытовые услуги. К сожалению, число их не сокращается, и жизнь свергает людей в отчаянье и злобу... Виктор Астафьев»⁴⁵.

НАРОДНЫЕ ПИСАТЕЛИ — БАЛОВНИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Бесспорно, горькой была молодость Виктора Астафьева, причем, как и всего народа: война, послевоенный голод, холод, а потом — тяжкое вхождение в литературу... «Как жить? Как работать? — в шестьдесят седьмом году жаловался Виктор Петрович в письме Марии Корякиной. — Эти вопросы и без того не оставляют меня ни на минуту, а тут последние проблески света затыкают грязной лапой... Настроение ужасно. Мне хочется завить и удариться башкой о стену. Будь же проклято время, в которое нам довелось жить и работать!.. Нас ждёт великое банкротство, и мы бессильны ему противостоять. Даже единственную возможность — талант — и то нам не дают реализовать, употребить на пользу людям. Нас засупонивают всё туже и туже... Руки опускаются. И жаль, что это ремесло невозможно бросить... У нас... умеют любить

45. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 470, 471.

только мёртвых, как ещё Пушкин говорил. К сожалению, и этим тоже славна русская нация. Талантливым Россия всегда была мачехой»⁴⁶.

Ходовая крылатая дума о том, что русская нация славна тем, что любит мёртвые таланты,— не истина: да, случалось, художник не мог при жизни пробиться к народу, подобно вёртким собратьям по искусному ремеслу, и его дар и даже талант открывался посмертно, как было с произведениями Бориса Шергина, но Шолохова, Шукшина, Абрамова, Астафьева, Носова, Белова, Распутина и при жизни народ любил, а советская власть, исходя из народной любви, восславила, озолотила мужиков. Лишь у истока писательского пути Астафьев страдал от бесславия и безденежья: вскоре народная власть, узрев дарование... слава Богу, в рассвете сил... утешила писателя великой славой и великими по тем временам житейскими благами. И Виктор Астафьев низко кланялся Народной империи, но когда «Союз нерушимый республик свободных», подточенный чужебесами, рухнул, писатель вдруг люто возненавидел Советскую империю.

А странно, что возненавидел, ибо по советским наградам с Астафьевым мог равняться лишь другой знаменитый советский писатель — Валентин Распутин, но тот поминал и Красную империю, и правящих тогда коммунистов с низким поклоном; не случайно же числился доверенным лицом у коммуниста Геннадия Зюганова, когда тот метил в президенты России. Красная власть не обошла заздравной братиной и прочих деревенщиков — Шукшина, Абрамова, Носова, Белова, — коим не единожды присуждали Государственные премии СССР. Вспомним же награды, вручённые Астафьеву *злой и подлой* народной властью: медаль «За отвагу» (1943); медаль «За освобождение Варшавы» (1945); орден Красной Звезды (1944–45); медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (вручена после войны); три ордена Трудового Красного Знамени (1971, 1974, 1984); орден Дружбы народов (1981) — к юбилею Союза писателей СССР; орден Отечественной войны I степени (1985), как участнику Великой Отечественной войны, имеющему боевые награды; Звезда Героя Социалистического Труда (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 августа 1989) — за большие заслуги в развитии советской литературы и плодотворную общественную деятельность; орден Ленина (1989); медаль «Серп и Молот» (1989); Государственная премия СССР (1978) — за повесть «Царь-рыба» (1976); Государственная премия СССР (1991) — за роман «Зрячий посох» (1988); Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1975) — за повести «Перевал» (1959), «Кража» (1966), «Последний поклон» (1968), «Пастух и пастушка» (1971).

Напомним младому племени: размер Государственной премии СССР — пять тысяч, что по нынешним деньгам, если сопоставить

46. Википедия.ру.

со стоимостью квартиры, может равняться пяти миллионам рублей. К сим миллионам можно прибавить и бесчисленные миллионные, опять же, по нынешнему деньгам, гонорары за книги, издаваемые в Советском Союзе и во всех читающих странах Европы и Азии. Колотиться бы головой в половицы, кланяться народной власти, столь усердно награждавшей избранных советских писателей, что нынешним, столь же даровитым, не снилось и в сказочных снах. Впрочем, были и в советские времена талантливые художники, обойденные благами, — вспомним хотя бы вечно бедного поэта Николая Рубцова; вспомним забытого властями и писателями, почившего в нищете смиренного раба Божиего Бориса Шергина, коего Фёдор Абрамов величал «иконой в русской литературе», лучшим писателем, о те лета жившим в Москве. В семидесятых, когда в холе и неге, сыто почивали на лаврах всемирно славленные советские писатели, в их числе и «деревенщики» вроде Астафьева, «икона русской литературы» заживо плесневела в сыром и тёмном жильё и не имела во что облачиться, чтобы выйти в люди, не говоря уж об издании сказов, что по красе и горней мудрости восходят к великим повестям русского средневековья.

Вновь повторю речённое: именитым писателям прошлого века, и *городским*, и *деревенским*, кланяться бы поясно былой народной власти, что высоко и дорого оценила их, талантливых художников, и даже тех, кто сей власти и не пел задравные гимны, а голосил заупокойные молитвы. Сочини *деревенщики* в нынешнем веке «Царь-рыбу», «Привычное дело», «Прощание с Матёрой», то при добром раскладе не миллионы читателей Земли, а сотни две рьяных книгоцеев прочли бы их сочинения в журнале «Наш современник». А в худшем случае суровый редактор завернул бы их повествования, повинив в этнографизме, фольклоризме и словесном орнаментализме; а потом назидательно поучал бы: мол, надо писать *новое* и *по-новому*; а *деревенская* тема — уже исчерпана, уже вчерашний день; всё уже написано у Можаяева, Алексеева, Калинина, Иванова, Фролова и у прочих известных *сельских* писателей. И не видать бы знаменитым *деревенщикам* сказочных тиражей, сказочных премий, геройских звёзд, орденов и медалей; Астафьев бы пахал сцепщиком вагонов, Белов — может, и пастухом, ибо любил и воспел пастушество, а Распутин — сельским учителем...

Разумеется, ради красного словца речено, как добывали бы хлеб насущный помянутые писатели, народись они нынче; но очевидно то, что, не прославь их советская власть, прозябали бы мужики в забытьи и житейской скудости со своей *деревенской* темой. Но если, угождая буржуйам, власть имущим, впали бы в суровое обличение родного народа, *хмельного и ленивого, ничего доброго на земле не содежавшего*, тогда, может, буржуйский капитал в *мировой паутине*, в *телевизоре* и раскрутил бы их творчество, ублажил миллионными премиями. Всё могло быть, неисповедимы пути творческие... Впрочем, не о том сейчас речь...

«АСТАФЬЕВ ПЕРЕПЛЮНУЛ ТОЛСТОГО»

Выше приведено письмо Евгения Носова, где тот не в службу, но в дружбу выбрал военный роман Астафьева за речевую скверну, за искажение образа военачальника, доказывая, что не все командиры были держиморды, тупые и жёсткие честолюбцы, по солдатским трупам восходящие к победам, но воевали и командиры талантливые, праведные, за солдат, как за други своя, не жалеющие живота, переживающие, сыт ли, одет ли, обут ли служивый и как уберечь солдата в бою. Хотя без жертв нет войны; но благо, коли победа добыта малой кровью.

В письмах, что собраны в пятнадцатом томе собрания сочинений, Астафьев мудро позволял Евгению Носову и другим писателям, читателям погладить и против шерсти, поскольку хула всё равно утонет в море хвалы, где поклонники Астафьева восторгаются его поздней военной прозой порой без удержу и чуру: «Астафьев переплюнул Толстого»⁴⁷.

«...Уважаемый Виктор Петрович! <...> Конечно же, проза Айтматова, включающая в себя многовековой материал легенд и сказаний, потрясает. Он первый в советский период многонациональных литератур... не осудил мужчину за измену жене с другой женщиной вопреки профсоюзной демагогии сообщества. Это замечательная, *очистительная* (???) проза. (Интересно, что очистительного в прозе, воспевающей прелюбодейство?—А. Б.) В. Распутин, наш русский мужик-абориген (?), пошёл даже дальше. У него уходит за борт жизни беременная женщина, долгие годы страстно мечтающая о дитяти... Потрясающе! Потрясают и его старухи, особенно в „Прощании с Матёрой“. Умная русская женщина — и с ней во главе уходят могикане (?) под воду. Изумительно чистая, прозрачная проза. Но Астафьев всех их переплюнул своей земной (от земли) прозой. Голодные, холодные мальчишки, по ним бегают крысы... читаешь, а из глаз твоих бегут светлые слёзы. Лев Толстой написал прекрасные (и толстые) книги, а вот такого воздействия не достиг. У Астафьева же книги нетолстые, но прочтёшь что-либо из них, и после долго не хочется читать других авторов. *Я уверена, что по силе воздействия, да и по слову тоже, Астафьев переплюнул Толстого* (выделено мной.—А. Б.). Л. В. Цыбина»⁴⁸.

«...Дорогой Виктор Петрович! <...> „Плацдарм“ — Ваша вершина. Самая высокая. Очередная. Феномен Астафьева! Это великая книга. О нас в XX веке. <...> Уровень писательского мастерства в русской литературе, как мне видится, медленно повышаясь в XIX веке, начал в XX веке круто взмывать вверх... и где-то там, вверху,— Ваше Слово. О такой осязательности могли ли мечтать мастера слова сто

47. Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 64.

48. Там же. Т. 15. С. 63, 64.

лет назад? <...> Виктор Петрович, Вами написана *потрясающе мощная книга* о том, как проклятая власть проклятой державы (!!) в проклятое время убивает людей. <...> В. Миронов»⁴⁹.

В письмах Астафьеву рядом с восхвалениями либерально-буржуазных времён на фоне былых рабоче-крестьянских вдруг слышится серьёзное переживание за отечественную культуру, кою заволок ядовито-сладкий, искустельный смрад бесовской поп-культуры. «Христос Воскресе! Дорогой Виктор Петрович! <...> Однако всё это время внутренне с Вами разговаривал, соглашался, спорил, вместе с Вами порой и газеты читал, будь они неладны, и радио слушал, и „ящик“ этот поганый смотрел иногда. <...> До сих пор не читал Алешковского (не попала в руки „Звезда“), но, немало слышав про это сочинение и зная многое другое такого рода, заведомо верю Вам и не собираюсь „утешать“, убеждая, что „всё это прекрасно, всё это нужно“. Всё это стыд, мерзость, мрак и распад — но всё это прёт не только из Алешковского и через „Звезду“, а со всех сторон. „Литературное обозрение“ печатает (1991, №10) полным текстом, без точек, то, что пишут обычно на заборах и в сортирах или распространяют в рукописных и слепых машинописных копиях для тайного услаждения, — печатает, сопровождая это восторженным учёным ржанием и именуя „эротической традицией в русской литературе“ (кандидаты и доктора, а разницы между эротикой и похабщиной никак не уразумеют). Виктор Ерофеев, холодное, циничное литературное ничтожество, читается во всеуслышание по радио и возводится в мэтры „постмодернизма“ (на ЛенТВ у него есть двойник — Сергей Шолохов, тоже очень крупный сегодня деятель). Вся новая „элита“ — от „крайне левого“ и крайне самодовольного Бориса Парамонова (радио „Свобода“, „Независимая газета“, далее везде)... от 30-летнего Дмитрия Галковского, от бойкопёрых эмигрантов Вайля и Гениса (умопомрачительная книжка „Родная речь“, рекомендованная в качестве „пособия“ самим Мин-вом просвещения) до отечественного Л. Агеева (прошлогодний „Литобоз“) — дружно поливают грязью „великую русскую литературу“ (так и пишут — в кавычках), придумали забавную аббревиатуру ВПЗР — великий писатель земли русской — всё это с тем же восторженным ржанием; и всё это за то, что русская литература слишком учила, и вообще — учила чему-то, тогда как на самом деле учить — это тоталитаризм, а мы все свободные люди, литература же — не более чем искусная игра, ни к чему не обязывающая. <...> Ваш В. Непомнящий»⁵⁰.

Астафьев, то восхваляя, то осуждая лихие девяностые, порой судит и себя, литератора; тогда слышатся исповедально-покаянные мотивы, присущие *истинно русским* художникам: «Дорогой Володя

49. Там же. Т. 15. С. 384, 385, 387.

50. Там же. Т. 15. С. 120–121.

[Болохов]! <...> Более того, я вот и сам понял, что ныне делаю тоже „антилитературу“ (не о сквернословном ли романе „Прокляты и убиты“ речь?—А. Б.), и какое-то время она будет царить в российской словесности, и хорошо, если какое-то время, хорошо, если великая культура прошлого выдержит её накат, а будущая жизнь будет так здорова и сильна, что устоит перед её страшной, разрушительной мощью. <...> В. Астафьев»⁵¹.

Писатель, видимо, постигая Святое Писание и Священное Предание, засомневался в духовной ценности дольного (*земного*) писательского слова перед горним (*божественным*): «Я вот недавно задумался и впервые для себя осознал: работа-то наша писательская — греховная. Есть главная мораль, от Бога идущая, Евангелие, Библия — вечные постулаты. А мы переиначиваем, искажаем эти постулаты на свой манер. Неумело, коряво подменяем слово Божие навязыванием каких-то своих личных моралей. Другой бы человек Библию почитал, ума набрался, а он сколько времени теряет, мою, например, писанину перелопачивает. Вон уж несколько чудаков позвонили: „Виктор Петрович, все ваши пятнадцать томов прочитали!“ Это ж сколько я умов нагрузил! От созерцания истинных ценностей отвлек...»⁵²

Добрый мой приятель, красноярский писатель Александр Щербаков по-дружески общался с Виктором Петровичем, горячо любил Астафьева *допереворотного*, тяжело переживал, глядя, как великий художник на склоне лет *сжигал то, что любил, и возлюбил то, что сжигал*. Впрочем, писатель, похоже, очнулся, раскаялся и воскликнул: «Я пришёл в *мир добрый, родной и любил его безмерно*. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного...» И когда я послал Александру Илларионовичу нынешние заметки в их изначальном, кратком виде, тот написал мне по поводу своекорыстный суеты вокруг Астафьева — и здравого, и покинувшего земную обитель: «Здравствуй, дорогой Анатолий!.. Твою статью об Астафьеве прочитал с огромным интересом, подивился ещё раз полному совпадению наших вкусов и пристрастий, в том числе в оценке Астафьева, „раннего“ и „позднего“. Тут я твой единомышленник даже не на сто, а на всю тысячу процентов. Только ты оказался мужественней меня и всё высказал более прямо, а я не решился. Да теперь уж и интерес потерял „к теме“, хотя через десять дней ему в Красноярске, на берегу Енисея, откроют памятник. Власти с готовностью выделили на это большие миллионы и делают всё с какой-то спешкой, видно, хотят поскорее выдать его за *своего*, получить в нём лишнюю опору своей разрушительной „правоте“... Если интересно, посмотри мои заметки о нём, написанные года три тому и напечатанные сперва... младшим Куняевым [в „Нашем современнике“], а нынче полностью тем же Сукачёвым [в журнале

51. Там же. Т. 15. С. 56.

„Дальний Восток“]. С искренним уважением, твой единоведец Александр Щербаков. 2009 год».

Да, культ Виктора Астафьева в Красноярске ныне столь велик и отмашист, что уже, кажется, нет музея, нет библиотеки в городе, где бы Виктор Петрович не был запечатлён классиком русской литературы. А что уж говорить о родной писателю Овсянке, о соседнем городке Дивногорске... Вот и педагогическому университету дано его имя, и вырос на енисейском берегу величавый памятник, силуэтом смахивающий на тьму памятников Ленину, где Ильич — на революционном ветру, голоуший, в широко распахнутом пальто...

Возможно, угнетали христианский дух писателя безумные славословия, коих святые отцы страшились пуще польмя: убегали от похвал в пещеры, пустыни и таёжную глухомань, чтобы, упаси Господи, не искусил бес тщеславия. Святые угодники денно и нощно помнили божественные глаголы Христа, омывшего ноги ученикам: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк.9:35). А святой и преподобный Иоанн Лествичник писал в боговдохновенном творении, повеличенном «Лествица»: «Тщеславный — есть идолопоклонник христианский. На взгляд он чтит Бога, а на деле более старается угодить людям, чем Богу... Люди высокого духа сносят обиду благодушно и охотно; а слушать похвалы и не ощущать никакой приятности могут только святые и непорочные... Когда услышишь, что ближний или друг твой бранит тебя заочно или и в глаза, тогда покажи любовь, похвалив его... Кто превозносится природными дарованиями — тонким умом, высокою образованностью, чтением своим, приятным произношением и другими подобными качествами, которые легко приобретаются, тот никогда не достигнет сверхъестественных благ. <...> Когда хвалители, или, лучше сказать, обольстители наши, начнут хвалить нас, немедленно приведём себе на память множество беззаконий своих и найдём, что недостойны мы того, что о нас говорят или что для нас делают...»

Святые, да и боголюбивые, богомольные, благочестивые христиане, боялись славословий о своих духовных подвигах, а служители искусства, увы, без славословий вянут на корню, а при восхвалениях скромно опускают глаза долу; и бес тщеславия, обнявшись с бесом сребролюбия, толкает искусников на хитрости и подлости, когда разгораятся порочные премиальные страсти, когда надо лукавством обойти соперника, даже, случалось, и более талантливое. Премиальные деньги не пахнут; хотя... на своей шкуре испытал... премиальные страсти сталкивают лбами писателей, да так, что искры летят по Руси.

Слушая святых отцов, я думал: «Рабу Божию Виктору не столь восхваления потребны, сколь искренние молитвы ближних, чтобы вымолить грешную душу, а на земле памятником была бы не статуя в духе ленинских, а многотомная антология сибирской *народной* прозы, поэзии, созвучной народному духу и народному слову Виктора Астафьева...»

Разумеется, писатель художническим талантом вполне заслужил почтение земляков; и это для читающей России благодней, чем если бы эдакий культ, словно языческую кумирню, искусственно, рекламно, на деньги грабителей державы, мордоделы сшили белыми нитками очередному «гению» из русскоязычных временщиков, поносящих русских и *эту* страну, готовых со дня на день, прихватив награбленное, дать дёру в забугорный утробный рай. Народная власть славилась талантливых русских писателей на всю планету; либеральная же власть, что была не в силах замолчать былые советские таланты, кинулась сломя голову славить чуждых русскому духу русскоязычных инородцев, словно всё российское искусство второй половины прошлого века на них и держалось.

Помню, телевиденье захлёбывалось от славословия в юбилей Высоцкого, перебирало его любовниц, подробно толковало о наркомании и пьянстве искусного барда и богемного актёра. А в юбилей талантливого *русского народного* поэта Николая Рубцова на телевиденье — тишина; случился и юбилей гениального *русского* композитора Георгия Свиридова — опять тишина. Невольно рождается вывод: *не любит российское телевиденье русское народное искусство...* Юбилеи выдающихся деятелей русского искусства проходят тихо, народу не слышно; так же тихо, без величавых песнопений в телевизоре, проходили бы юбилеи Астафьева и Распутина, если бы енисейский писатель в мрачные девяностые годы не послужил либерально-западнической власти, сокрушавшей Красную Российскую империю, если бы ангарского писателя в последние десятилетия не окружали властвующие либералы, разумеется, уже не оголтелые, не митинговые русофобы, как при Ельцине, но и не русофилы, — эдакие потайные западники, что, краснея, потея от натуги, лукаво постреливая хитрыми глазками, фальшиво голоса *патриотические* гимны. Эти либеральные властители дум и дурковатые русаки, поющие им в лад, решили: упокоились знаменитые советские *деревенщики*, и можно радостно пропеть зауспокойную молитву *русской народной* литературе, ибо отныне к власти окончательно придёт *книжная, русскоязычная*, вольно ли, невольно впадающая в русофобию.

Либеральные властители дум скрепя сердце терпят и вынуждены терпеть русофила Личутина, ибо творчество его по силе исторических, народных картин, по силе узловатых, сложнейших русских натур, пожалуй, и превосходит творчество вышеупомянутых советских *деревенщиков*. Так же либералы с мучительными вздохами терпят и Проханова, мощного мыслителя во всякой строке, красного *империалиста и милитариста*, — трудно вообразить русского писателя, более популярного в читающем мире.

Но властители дум уже не потерпят ни одного *русского народного* писателя, даже если произведения того полноправно встанут в ряд с избранными произведениями деревенской прозы прошлого века.

Костеря на чём свет стоит поверженную народную державу, где люди *прозябали в нуже и стуже, в страхе и рабском труде*, похваливая буржуазные *сытые, светлые* годы, тем не менее в завещании Астафьев, до смерти истерзанный противоречиями, вдруг земно кланяется рабоче-крестьянским временам, проклинает нынешние буржуйские: «Я пришёл в мир *добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного*»⁵³ (выделено мной.—А. Б.). Да, времена были добрые, созидали народы России *рай* на земле, жаль, что без Бога, отчего бесы искусили народ западными благами и обратили державу в буржуазный ад...

Раб Божий Виктор ладился предстать пред Богом на *страшном судище*; и, может, в душе звучала просительная ектинья: «Прощения и оставления грехов и прегрешений наших, у Господа просим... Поддай, Господи... Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати, у Господа просим... Поддай, Господи... Христианская кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и доброго ответа на страшном судище Христова, просим... Поддай, Господи...» И похоже, раб Божий желал, чтобы накануне рождения для вечной жизни земные страсти и похоти угасли в душе, стихли вокруг его писательского имени. Просом просил писатель, Христа ради умолял: «...Не делать из похорон шуму и содому; если священнослужители сочтут достойным, пусть отпоют меня в ограде моего овсянского дома. <...> Пожалуйста, не топчитесь на наших могилах и как можно реже беспокойте нас. Если читателям и почитателям захочется устраивать поминки, не пейте много вина и не говорите громких речей, а лучше молитесь. И не надо что-либо переименовывать, прежде всего моё родное село. Пусть имя моё живёт в трудах моих до тех пор, пока труды эти будут достойны оставаться в памяти людей. Желаю всем вам лучшей доли; ради этого жил, работал и страдал. Храни вас всех Господь! Виктор Астафьев. 2 августа 1992 г. Красноярск-Академгородок»⁵⁴.

Не погружая книгочех в грешное унынье, завершу заметки не за упокой, а во здравие: коли выживет боголюбивая, человеколюбивая, природолюбивая русская душа, то вздохнёт с любовью и состраданием, ведая о терзаниях и метаниях писателя, запечатлённых в письмах, публичных речах и поздней прозе; но душа читательская будет тайно плакать и тихо ликовать, постигая талантливые сочинения Виктора Астафьева, воспевающие любовь к ближнему, что предтеча любви ко Всевышнему, воспевающие любовь к русской природе — дивному Творению Божию.

1998, 2017

52. Борис Карпов. Поле его брани. Авторский блог. 04:00. 26 октября 2011.

53. Г. Агишева. Труд. 3 октября 2014.

54. Интернет-сайт «ИДЕЯ.ru»: // <http://www.idea.ru/>

Виктор Тинигин

Следами, тропами, путями Виктора Астафьева

Что же самое хорошее было в моей жизни? Лес, тайга, бесчисленные хождения по ней. О тайга, о вечный русский лес и все времена года, на земле русской происходящие, что может быть и есть прекрасней вас? Спасибо Господу, что пылинкой высеял меня на эту землю, спасибо судьбе за то, что она сделала меня лесным бродягой и подарила мне столь чудес, которые краше всякой сказки.

В. Астафьев. На сон грядущий

В определении заслуг Виктора Петровича Астафьева при награждении его литературной премией имени А. И. Солженицына сказано: «Писателю мирового масштаба, бесстрашному солдату литературы, искавшему свет и добро в изученных судьбах природы и человека».

Я впервые прочитал «Царь-рыбу» в «Роман-газете» и был буквально потрясён прочитанным. Без всякого преувеличения, попал в плен его таланта.

Стал читать всё, что уже было написано им ранее, или только что публикуемое. В «Комсомольской правде» прочёл очерк «Вечно живи, речка Виви!». Это было, как говорят, последней каплей в чаше моего восхищения. Я узнал адрес писателя и... послал ему оригинальную снасть для ловли хариуса. Ни на какой ответ, естественно, не рассчитывал. Но в ответ пришли книги с автографами автора и его письмом.

Сам я рыбак и охотник с ранних лет. Да ещё очень давно увлёкся фотографированием природы. Вот и послал Виктору Петровичу в следующей бандерольке вместе с лечебными травками, мной собранными, контрольные отпечатки нескольких своих фото и слайдов. Позже, при встречах с писателем, из этих слайдов были отобраны фотоиллюстрации к его рассказам и повестям: «Стародуб», «Ягоды для папы», «Разговор со старым ружьём», «Тихая птица», «Капля», «Худого слова и растение боится», «Затеси». А тогда последовал звонок из Красноярска, а затем и приглашение приехать в гости.

В мае 1991 года я провёл четыре незабываемых дня у Астафьевых в Овсянке и Академгородке. Потом был у них осенью 1994 года и в октябре 1995-го, на золотой свадьбе. Понимая занятость Виктора Петровича, я попросил его не писать письма в ответ на мои. Переписка наша шла через Марию Семёновну. С Виктором Петровичем разговаривал по телефону, если он работал не в Овсянке, а в Академгородке.

Затем были годы перестройки и один из её результатов — безденежье. Очень хотелось повидаться с этими удивительными людьми, но в Красноярск просто не на что было съездить. Потом были встречи уже только с одной Марией Семёновной... Последняя — на её девяностолетнем юбилее.

Я не буду описывать свои восхищения и чувства от встреч с этой удивительной семьёй. Осталась сердечная память о них. Остались их фотографии, письма, книги с автографами, в том числе пятнадцатитомное собрание сочинений, рыболовные снасти, кинокамера, документальные фильмы, джемпер и пуловер «с плеча» Виктора Петровича, даренные им сувенирные пасхальные яйца из Иерусалима... А в квартире Астафьевых и в Овсянке остались их фотографии, сделанные мною, мои снимки зверьков, птиц, цветов, натюрморты и пейзажи да подаренные сувениры — профиль головы лося, чучела птиц. А ещё остались книги, в которые вошли мои снимки: «Виктор Астафьев. Зеркало. XX век» с его портретом на форзаце; «Знаки жизни» Марии Семёновны с её портретом на обложке. Да две фотографии в книге Г. Сапронова «Нет мне ответа. Виктор Астафьев»... Вечная им память и царствие небесное. И благодарение Господу и судьбе за встречи с ними.

При жизни Астафьева и после его ухода было издано несколько фотоальбомов. Но, на мой взгляд, это были традиционные иллюстрации отдельных эпизодов из жизни Виктора Петровича и Марии Семёновны. Мне же захотелось раскопать родники его творчества и в хронологической последовательности проплыть рекой его жизни, в которой слились бы в единый поток тексты Виктора Петровича и мои фотографии. Попытаться показать смысл и радость его жизни, выраженные в словах, которые потом стали эпиграфом к альбому: *«Что же самое хорошее было в моей жизни? Лес. Тайга. Бесчисленные хождения по ней... Большинство сюжетов и большинство всего, что я написал, — они все родились в лесу! Сочинённое в лесу год-полтора назад восстанавливал до звука, когда дело доходило в писанин именно до этого, где-то сочинённого места...»*

Побывать там! Увидеть то, что видел, слышал и ощущал Астафьев, и попытаться показать и передать это всем.

Так родился замысел альбома — нет, скорее, фотокниги: *«Следами, тропами, путями Виктора Астафьева»*.

При работе над ним пришлось не только пройти, проехать, проплыть и пролететь бесчисленные километры путями Великого Мастера слова, то есть совершить переход длиною в семьдесят семь его земных лет, но и заново многократно перечесть почти всё, что написано Виктором Петровичем и Марией Семёновной, их критиками и последователями. Отобрать бережно из их произведений и переписки самые сокровенные исповедуемые ими ценности, превратив эти цитаты в комментарии к фотографиям.

В начале альбома я счёл необходимым коротко напомнить об Астафьеве как о патриоте и гражданине России, солдате и писателе. О верной его спутнице по жизни Марии Семёновне.

Побывал вслед за Виктором Петровичем (много лет спустя!) в Михайловском, Ясной Поляне, Тарханах, чтобы, как и он, поклониться могилам гениев, а главное — «увидеть», какую определял он себе планку в творчестве. В апреле 1996 года Виктор Петрович был в Тарханах и оставил запись в книге отзывов. Я опубликовал её в альбоме рядом с письмом директора музея-заповедника Т. М. Мельниковой. Вот последние строки этого письма — об Астафьеве: «... Не распространяясь много, могу сказать, что я за свою жизнь так и не встретила человека с таким талантом и столь чуткой душой, человека, который бы оставил столь неизгладимый след в моей памяти».

Во время поездки на реку Малый Абакан (по следам рассказа «Медвежья кровь») в городе Абакане мне посчастливилось встретиться с Николаем Устиновичем Журавлёвым. Николай Устинович в семнадцать лет добровольцем ушёл на фронт. Участник боёв на Курской дуге, был тяжело ранен. Воевал на канонерке «Красное знамя», на катерах-охотниках и подводной лодке «Щука». Имеет ордена Отечественной войны I и II степени, многочисленные государственные награды. Работал журналистом в газете «Красноярский рабочий», затем фотожурналистом. Автор нескольких книг и фотоальбомов. В свои восемьдесят восемь лет обладает незаурядным умом и ясной памятью. Был близко знаком с Астафьевым. Ему, как фронтовику, Виктор Петрович давал — «для цензуры» — читать роман «Прокляты и убиты» в рукописном варианте. Я попросил Журавлёва написать несколько слов об Астафьеве и тоже поместил их в альбом.

В Абакане произошла ещё одна удивительная встреча — с Альбертом Шаптовичем Урманом, журналистом, писателем, участником поездки Виктора Петровича на реку Малый Абакан в 1983 году. Он описал это путешествие в рассказе «Сибирский корифей. Страница жизни Виктора Астафьева», опубликованном в сборнике «В поисках земного чуда». Он самым первым из пишущей братии побывал у старообрядцев Лыковых. А спустя тридцать лет мне и нам всем написал кратенькое предисловие к эссе «В поисках земного чуда»: «Я долго искал земное чудо. А оно оказалось рядом. Виктор Петрович был прост по-мужицки, и в то же время это было настоящее чудо народного мудреца из повседневной жизни».

Путешествие по астафьевской «Реке жизни» начинается с Овсянки, малой родины писателя («Я пришёл в мир добрый, родной и любил его безмерно»). С первой пойманной им рыбки, с Манской гривы. Затем Енисей, Васюткино озеро, Игарка («Игарка, Игарка, ты город полярный, на Севере вырос, среди холодов...»).

После войны и фронта судьба привела вчерашнего солдата на Урал («На Урале... прожит кусок сложной, в том числе и творческой

жизни в 24 года длиною; частица сердца, и немалая, оставлена на этой прекрасной и многострадальной русской земле»). Вы побываете вместе со мной у Леонарда Дмитриевича Постникова (основатель этнопарка истории реки Чусовой и спортивной школы олимпийского резерва «Огонёк»), в музее похода Ермака. На хребте Кваркуш, из похода на который писатель «принёс» три рассказа: «На далёкой северной вершине», «Медведи идут следом», «Марьины корни». Увидите реку Чусовую, из сплава по которой появились «Ягоды для папы» и «Каменный город», пройдёте по «улицам» этого «города», разглядывая диковинных каменных птиц и рептилий.

Затем будет деревня Быковка — райское место для его творчества («А сейчас, когда я ходил по лесу, заснеженному, тихому и чистому, мне захотелось уйти работать егерем или лесником. Или чёрт его знает кем, но чтобы быть в лесу постоянно»). Увидите красавца-снегиря, чудных снежных птиц и зверей, побродите по речке Быковке, чтобы обмануть харюзишку («Вкусен, собака, и ловок! Ловить его дело хитрое, но и наслаждение ж!»).

Простившись с Уралом («...Я позабыл все горечи, испытые на Урале. Помню только хорошее»), переберёмся вслед за Мастером в Вологду («Вот и выбрал я старинную Вологду, где есть друзья и ещё пахнет Русью, близкой моему сердцу»).

Побываем в деревушке Сибла, увидим его дом («...где было пусто, тихо и хорошо работалось, — здесь закончена „Царь-рыба“, напечатана вторая книга „Последнего поклона“ и много чего понаделано... И счастье — такая здесь тишина, красота. Рыбалка, уединение, физический труд и хлопоты»).

Посетим святыни Руси: Кирилло-Белозерский монастырь, собор Рождества Богородицы (Ферапонтово), могилы поэтов Николая Рубцова и Александра Яшина.

Идейным вдохновителем проекта был выдающийся критик, писатель, литературовед, друг Астафьева Валентин Яковлевич Курбатов. Вот как он когда-то благословил меня на труд: «...Ну, за осуществление замысла! При таком замысле Вам года на одни поездки не хватит. Но зато альбом действительно может выйти редкий. Он может быть счастливо неподражаемым и к „Речке Виви“, и к „Царь-рыбе“, к самым счастливым страницам судьбы Виктора Петровича, да и нам напоминанием о том, как прекрасна Земля, которую мы не видим за пустой беготнёй и победившим мир расчётом. Помогите Вам Бог!»

Валентин Яковлевич с супругой приютили меня у себя дома. Затем мы совершили вместе поездку в Михайловское, где он был моим гидом. Он же организовал мою работу в Вологде, где моим опекуном и верным помощником оказался Пётр Григорьевич Каминный, координатор народного проекта «Калина красная».

Это им спасибо, что теперь, открыв альбом, мы снова побываем на льняном поле, которое я увидел только в третью поездку на

Вологодчину. Загрём в изумлении и восторге от «Голубого поля под голубыми небесами», прочтённого и увиденного наяву.

Попрощаемся с Вологодчиной («Низкий поклон вологжанам за то, что на десять лет приютили они меня и семью, сердечно обогрели, дали возможность плодотворно работать; награждали дружбой»).

Начало второго тома фотокниги возвращает нас на родину Астафьева, в Сибирь. В Овсянку и Красноярск («Все три десятилетия, что я прожил на Урале и на Вологодчине, меня тянуло в родные сибирские места. Вернувшись, обрёл какое-то успокоение, как будто прибыл домой из длительной командировки»).

Здесь, в Овсянке, в день десятилетия памяти Виктора Петровича, я впервые высказал вслух идею проекта, свою мечту о такой работе. Меня поддержал присутствовавший на встрече генеральный директор ОАО «Енисейское речное пароходство» Александр Борисович Иванов. Он пообещал (с весны 2012-го) всемерную поддержку и покровительство. Благодаря ему и Сергею Георгиевичу Преснову, руководителю службы эксплуатации флота, мне была открыта «зелёная дорога» по Енисею и многим его притокам. На каждой из рек находились единомышленники, которые сводили с другими добровольными проводниками, словно передавали с рук на руки для работы на других реках. Неоценимую помощь оказали капитан танкера «Виктор Астафьев» Виктор Васильевич Попов, капитаны и экипажи всех судов, на которых я находился.

Мы отправимся на притоки Енисея («На многих речках и речушках, что рвутся изо всех сил к родителю своему, довелось мне побывать, и всюду немел я от восторга, хватал спутников за рукава, просил смотреть, восхищаться»). Увидим реки Амыл, Мамриту, Абакан Малый и Большой, Сисим, Бирюсу, Ману, Сочур, Сым, Кию, Опариху, Сурниху, Нижнюю Тунгуску, Ерачимо, Виви, Нидым, Бахту, озеро Кетское...

В. А. Зеленов, художник, скульптор, друг и спутник во многих путешествиях Астафьева, рассказал мне: «Здесь, при впадении рек Северной и Летней в Нижнюю Тунгуску, во время рыбалки и созерцания этих гор у Виктора Петровича родился замысел написания главы „Сон о белых горах“ из книги „Царь-рыба“».

Я и сам испытал там потрясение. Ещё несколько минут назад сияло солнце, снег на горах слепил глаза и купол синего бездонного неба висел над нами. Но при подходе танкера «Виктор Астафьев» к этому месту с северо-запада внезапно стала напоздать снежная туча и стали меркнуть краски. Начал, как говорил Астафьев, опускаться морок. Позже я понял, что это было Божье провидение и подсказка для меня «с того света»: ведь я же снимал «Сон о белых горах».

Затем сам Енисей-батюшка («В моём рабочем кабинете, за спиной у меня, висит карта Красноярского края, и я часто „путешествую“ по Енисею — это помогает мне жить и работать... И вообще для меня нет красивее реки, чем Енисей»).

Увидим Осиновские пороги, Щёки Корабликовские, островки Кораблик и Барочка («По сей день перед глазами у меня стоят Осиновские пороги — ничего красивей я в своей жизни не видел и едва ли уже увижу»).

Вот так, как и он («дома, в городской квартире, у батареи парового отопления, мечтаешь: будет весна, лето, я убреду в лес и там увижу такое, переживу разэтакое»), я пытался его глазами увидеть его Землю («И снова и снова спрашиваешь себя с незнакомым чувством любви и недоумения, словно блудный сын, глядящий на родительский дом: „Да неужели это Она?! — и сам себя уверяешь: — Она, она, родная твоя Земля, единственная“...»).

Перед каждой поездкой я перечитывал всё, что написано Астафьевым или где-либо упомянуто о том или ином «исследуемом» мной месте. Брал в поездку эту литературу для уточнения объекта съёмки. Выспрашивал, выискивал, высматривал и снимал. Иногда из-за непогоды, отсутствия нужного освещения, ракурса и т. д. к объекту съёмки приходилось возвращаться несколько раз.

Я хотел исполнить его мечту: «... Кто-то неведомый, моей судьбы продолжатель, ещё и ещё пройдёт моими тропами, моими глазами поглядит на лес, на горы, на речки, порадуетя им так же, как я умел радоваться и восторгаться земной красотой, спасться от всех наваждений, от всех бед и напастей, будет так же, как и я — одинокий таёжный бродяга, сочинитель и мечтатель, — благодарно напевать бессмертное: „Благословляю вас, леса, долины, горы, доли, и одинокую тропинку, и в небе каждую звезду“».

Открыв последнюю страницу альбома, мы споем вместе с Виктором Петровичем великолепнейший романс на его стихи «Падают листья».

Господь Бог и мать Лидия Ильинична явили его на свет в ночь на 1 мая 1924 года в бане (в доме места не было), в день памяти воина-мученика Виктора. Пройдя сквозь огонь, воду и медные трубы — сиротство и бездомность, раны и кровь, ужасы и грязь страшной войны, послевоенные лишения и трудную творческую жизнь, — он покинул нас под утро 29 ноября 2001 года, в день памяти евангелиста Матфея.

Пройдя следами, тропами, путями Великого Мастера, могу с уверенностью сказать, что Господь за страдания даровал ему в награду побывать в земных райских кущах в стране Россия и поведать об этом нам.

Для себя же я заново открыл Родину, Россию, Русь — где родился, вырос и живу, но которую, оказывается, так мало знал. Повстречался с прекрасными и удивительными людьми, с которыми он общался или был знаком. Подружился с его родными и друзьями.

И я счастливый человек, потому что судьба даровала мне соприкосновение с ним и Марией Семёновной, а потом и возможность попутешествовать вслед за Виктором Петровичем и посмотреть на мир его глазами. И если после просмотра и прочтения этого альбома

вам захочется открыть одну из книг Виктора Астафьева и вместе с ним восхититься земной красотой, а может быть, с трепетом в душе и пройти какой-нибудь его заветной тропинкой,— значит, и я не зря потрудился.

P. S. Видел, как в школе №17 города Красногурьянска дети листают страницы альбома в перчатках... Он и вправду выглядит как раритет, как подлинная, почти музейная ценность. И конечно, не случилось бы этого великолепного двухтомного издания, если бы не всемерная поддержка генерального директора фирмы «Уралэнергогарант» Михаила Алексеевича Дворцова, не работа издателя Александра Сергеевича Барышева, искусного и чуткого дизайнера Георгия Смирнова, не искусство мастеров лучшей на Урале полиграфии в издательстве «Сити-принт». Им и многим иным, кто принял участие в судьбе фотокниги *«Следами, тропами, путями Виктора Астафьева»*, — искренняя и глубокая благодарность.

Авторы

АЛЕКСАНДРОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1955 году в городе Болотном Новосибирской области. Окончил физкультурный техникум и Литературный институт имени А. М. Горького. Работал распорядителем праздничного зала, провёл 308 свадеб. Был тренером, завучем школы олимпийского резерва, председателем райспорткомитета. Занимал должности помощника машиниста электровоза, токаря, оператора ЧПУ, директора коммерческой фирмы, директора рыбноводческого хозяйства, заместителя главного редактора журнала «Сибирская горница». С 2003 года организовал и возглавил Издательский дом «Историческое наследие Сибири», который прославился уникальными книгами по истории Сибири. Член Союза писателей России, член Совета Всемирного Русского Народного Собора. Лауреат нескольких литературных премий.

БАЙБОРОДИН АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озёрск, где и окончил среднюю школу. По окончании Иркутского государственного университета (филологический факультет) работал журналистом в сельских и областных газетах Восточной Сибири. Ныне — исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль». Романы, повести, рассказы, художественно-публицистические и научно-популярные очерки печатались в московских и губернских журналах, коллективных сборниках, за рубежом, издавались отдельными книгами в Москве и Иркутске. Лауреат Большой литературной премии России (2007), областных премий — имени святителя Иннокентия Иркутского (1997), губернатора Иркутской области (2002).

ВАСИЛЕНКО ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ

Журналист, педагог, культуртрегер. С 1975 года живёт и работает в Красноярске. Окончил ВГИК (сценарно-киноведческий факультет), работал в газетах, печатался в журналах «Дружба народов», «Литературный Азербайджан», «День и ночь» и др. Последние 15 лет тесно связан с КГУ-СФУ (до 2009 года — факультет журналистики, с сентября того же года — Гуманитарный институт). Многолетний и активный участник сибирской джазовой жизни — ведущий концертов абаканских, новокузнецких и красноярских фестивалей. Лауреат премии Красноярского краевого управления

культуры «Вдохновение» как автор и ведущий еженедельной музыкальной программы «Авторрадио» «Виниловый рай», победитель ежегодного конкурса Союза журналистов в номинации «Лучший обозреватель» за цикл материалов в газете «Городские новости». В 2012-м в Красноярске издана книга его статей и эссе «Культура повседневности».

ЕРМОЛАЕВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

Родилась в 1963 году в Красноярске-26 (ныне Железногорск). В 1986 году окончила Московский энергетический институт. Работала инженером-технологом в Санкт-Петербурге. В 1991 году вернулась в родной город, работала контролёром ОТК на горно-химическом комбинате, затем экономистом. Стихи начала писать в 1990 году. В 1992 году стала лауреатом краевого поэтического фестиваля, в 1999-м — заочного поэтического семинара «Белый лист» на «Радио России». Стихи печатались в антологии поэзии ЗАТО, сборнике «Поэзия на Енисее», альманахе «Новый Енисейский литератор», журналах «День и ночь» (Красноярск), «Южная звезда» (Ставрополь), «Новый журнал» (Нью-Йорк, США). Изданы поэтические сборники «Зов свирели» (1998), «Миг изумленья» (2000), «Светящиеся ноты» (2003), «На окраине Вселенной» (2004). Член Союза российских писателей. Живёт в Железногорске.

КОВАЛЕНКО ПЁТР ПАВЛОВИЧ (1923–2013)

Родился в Ужурском районе Красноярского края. Участник Великой Отечественной войны, инвалид ВОВ 2-й группы. Имеет шесть боевых орденов и медалей. Вернувшись домой, всю жизнь прожил на станции Крутойр Ужурского района Красноярского края и сорок семь лет проработал на Красноярской железной дороге. Ветеран труда; имеет трудовые награды. Писать стихи и публиковать их в газетах начал со школьной скамьи, с довоенных лет. Автор семнадцати поэтических сборников. Много печатался в центральной и краевой прессе. Член Союза писателей России. С 2010 года жил в Красноярске.

КУЗНЕЧИХИН СЕРГЕЙ ДАНИЛОВИЧ

Родился в посёлке Космынино под Костромой. После окончания химфака Калининского политехнического института уехал в Свирск, потом перебрался в Красноярск. За 20 лет работы инженером-наладчиком изъездил Сибирь от Урала до Дальнего Востока, от Тувы до Чукотки. Печатался в журналах «Предлог», «Коростель», «Арион», «Дальний Восток», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», в альманахе «День поэзии 1986», в коллективных сборниках. Автор книг стихов «Жёсткий вагон» (1979), «Соседи» (1984), «Поиски брода» (1991), «Похмелье» (1996), «Ненужные стихи» (2002), «Местное время» (2006), «Дополнительное время» (2010), «С точностью до шага»

(2012), «Уходящее время» (2016). Выпустил книги прозы «Аварийная ситуация» (Москва, «Советский писатель», 1990), «Омулёвая бочка» (Красноярск, 1994), «Где наша не пропадала» (Красноярск, 2005), «Забавный народ» (Красноярск, 2007), «Бич-рыба» (Москва, «Эксмо», 2014). Член Союза российских писателей.

ЛЕВСКАЯ ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА

Родилась в 1974 году в городе Ужуре. После окончания Красноярского педагогического института преподавала английский язык на экономическом факультете Красноярского государственного технического университета. В 2003-м экстерном получила второе высшее образование в КГПУ по специальности «Кадровый менеджмент». Преподаёт английский язык в Сибирском федеральном университете, является автором и ведущей передачи «Культурная среда» на красноярском медиаканале «Радио VK». В 2014 году в Новосибирске вышла книга «тетрадь» стихов «Ибонадо». Стихи и рассказы публиковались в альманахе сибирской актуальной поэзии «Между» (Новосибирск), сборнике «Увидеть слово» (Санкт-Петербург, серия «Петраэдр»), сборнике «Парадигма» (Красноярск). Есть авторский раздел на литературном портале «Белый мамонт».

МЕЛЬ СВЕТЛАНА ЛЕОНГАРДОВНА

Родилась 25 апреля 1960 года в Красноярске-26. Окончила механико-математический факультет Пермского государственного университета. Работала в НИИУМС (Пермь), с 1988 по 2016 год — в отделе информационных технологий строительной организации Железногорска. Стихи пишет с детства. Чуть позже начала писать песни на свои и чужие стихи. Участвовала в бардовских фестивалях в Перми, Красноярске, Ижевске, Ульяновске, Томске и других городах. Публиковаться начала с 1999 года в городской прессе, затем в различных альманахах. Первый сборник стихов «Блики и тени» вышел в Красноярском издательстве «Кларетианум» в конце 2000 года, «Тот нечаянный глоток» — в 2008-м. В 2010 году вышла книга на двух авторов «Два крылатых коня» в Железногорске, в 2014 году — «Наслоения». Подборки стихов печатались в журнале «Европейская словесность» (Кёльн). Член Союза российских писателей с 2011 года.

МЕЛЬНИЧЕНКО МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

Родился 28 февраля 1953 года в посёлке Усть-Мая Якутской АССР. Десятилетку окончил в селе Шеломки Красноярского края, затем — Красноярский политехнический институт. Участник нескольких краевых семинаров и IX Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве (1989). Автор сборников «Фанера-2» и «Фанера-3» (Красноярск-26, 1991), «Фанера-5» (Красноярск, 2001), «Кирпичи» (2008), «Провода» (2012), «От Змеи до Змеи» (2013). Участник многих коллективных

сборников и антологий. Член Союза российских писателей. Живёт в Железногорске.

НЕМЕЖИКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Живёт в Красноярске, где и родилась в 1965 году. Окончила с отличием два факультета в КИЦМ (ныне ИЦМиМ СФУ) по специальностям «горный инженер-геолог» (ленинская стипендиатка, 1987), «экономист» (1993). Финалист литературного конкурса имени И. Д. Рождественского (2016). Публикации в жанрах «малая проза», «критика»: журнал «День и ночь».

ПАРШУТКИН СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Родился 5 августа 1957 года в посёлке Бриндакит Якутской АССР. Окончил физический факультет Иркутского государственного университета по специальности «Космофизика». Работал старшим лаборантом в лаборатории динамики космической плазмы СО АН СССР, инженером-исследователем в системе министерства химической промышленности СССР, с 1983-го — ведущий инженер-физик электрохимзавода города Зеленогорска. Занимается спортивным туризмом 35 лет, кандидат в мастера спорта. Пишет рассказы с 1999 года.

РУСАКОВ ЭДУАРД ИВАНОВИЧ

Писатель, журналист. Родился в 1942 году в Красноярске. Окончил Красноярский медицинский институт (1966) и Литературный институт имени А. М. Горького (1979). Работал врачом-психиатром (1966–1981), редактором на Красноярской студии документальных фильмов (1981), руководителем литературной студии при красноярском Дворце культуры (1982–1991), корреспондентом газет «Евразия», «Вечерний Красноярск» (1991–1998). Печатается как прозаик с 1966 года. Автор нескольких книг прозы. Произведения переводились на азербайджанский, болгарский, венгерский, казахский, немецкий, словенский, финский, французский, японский языки. Член Союза писателей России, Международного ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр, сибирский филиал), экспертного совета благотворительного общественного фонда имени В. П. Астафьева.

СОЛОВЬЁВ ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ

Родился в 1949 году в Боготоле. Жил в Боготоле и Зеленогорске. В начале 70-х годов уехал работать штатным охотником в село Ворогово Туруханского района. Более 35 лет живёт в селе Бахта.

ТИНИГИН ВИКТОР АДАМОВИЧ

Родился 31 мая 1951 года в Краснотурьинске. Окончил металлургический факультет Уральского политехнического института, работал семь лет на Норильском металлургическом

комбинате, участвовал в освоении уникальной технологии переработки сульфидных руд (плавка в жидкой ванне). С 1986 года и до выхода на пенсию — на рудоремонтном заводе в Карпинске Свердловской области. Увлёкся фотографией в 1976-м, с тех пор фотоаппарат из рук не выпускает. У фотохудожника состоялось несколько персональных выставок.

Толстова Галина Александровна (1961–2017)

Окончила историко-филологический факультет Чувашского государственного университета. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея, в котором проработала более 30 лет. Специализировалась по нескольким направлениям: репрессированные писатели и поэты; тема природы в литературе Красноярья; Енисей в сибирской литературе; историческая проза писателей Приенисейского региона; история и современность сибирского старообрядчества; старообрядческие диалекты; старообрядческая конфессиональная лексика. Один из авторов первой экспозиции Литературного музея, создала десятки уникальных выставок по истории литературы Сибири. Ею собраны коллекции по разной тематике: старообрядцы Приенисейской Сибири, уникальный архив семьи Лыковых, архивы писателей, журналистов, приборы науки и техники начала XX века.

Третьяков Анатолий Иванович

Родился в 1939 году в Минусинске. Окончил Красноярское речное училище. Учился во ВГИКе и Литературном институте имени А. М. Горького. Автор 11 сборников стихов. Печатался в журналах и коллективных сборниках Москвы и других городов России. Лауреат Пушкинской премии Красноярского края (1999). Автор слов официального гимна Красноярска. Член Союза писателей России, действительный член Академии российской литературы.

Шемякин Олег Анатольевич

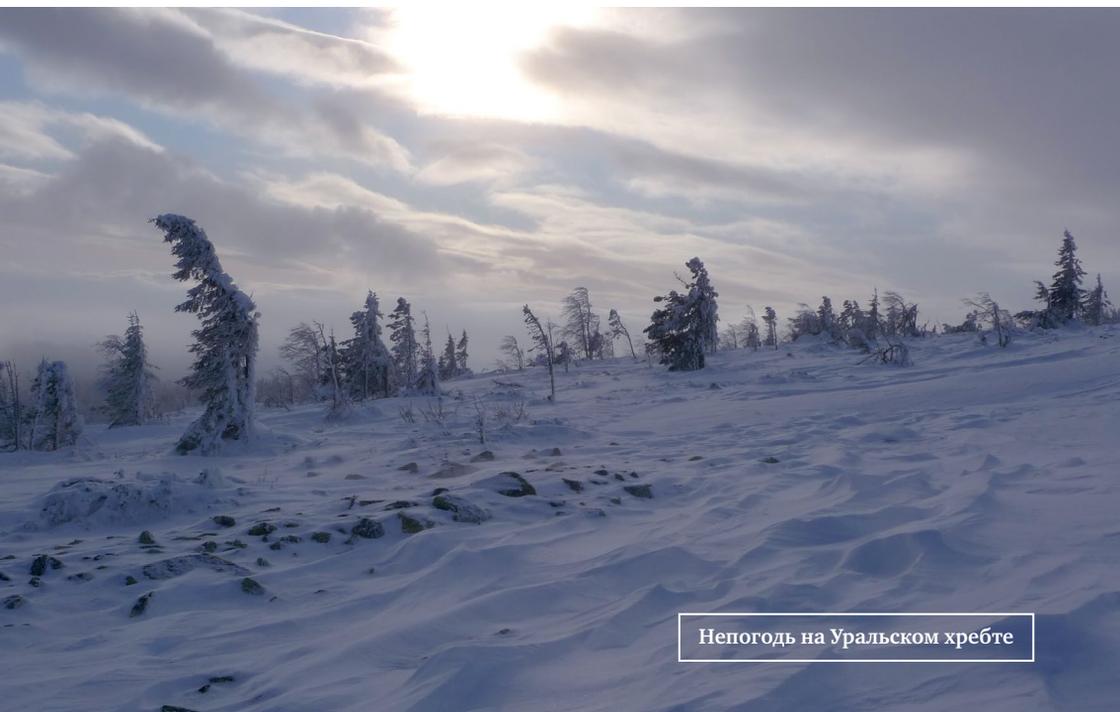
Родился в 1963 году, место рождения — город Иркутск. В 1985 году окончил Иркутский сельскохозяйственный институт (факультет охотоведения). Работал по профессии в Красноярском крае, Читинской, Амурской и Иркутской областях. С 1990-го занимается туристическим бизнесом, основав туристическую фирму «Байкал-Сафари», основным направлением которой является организация и проведение коммерческих охот и рыболовных туров. Профессиональный охотник, хорошо знает животный мир. Автор множества статей в советских и российских охотничьих журналах и книги «Аутфитеры».

Следами, тропами,
путями Виктора Астафьева

Фотографии Виктора Тинигина

Снежный медведь

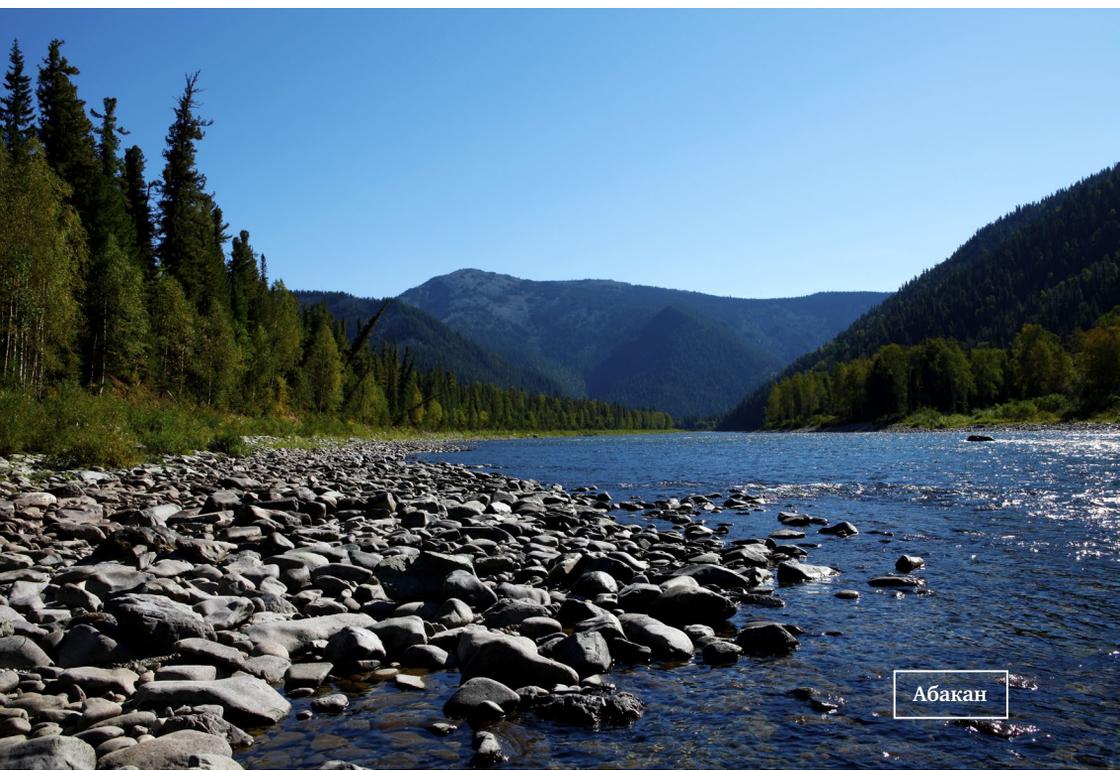

Непогода на Уральском хребте

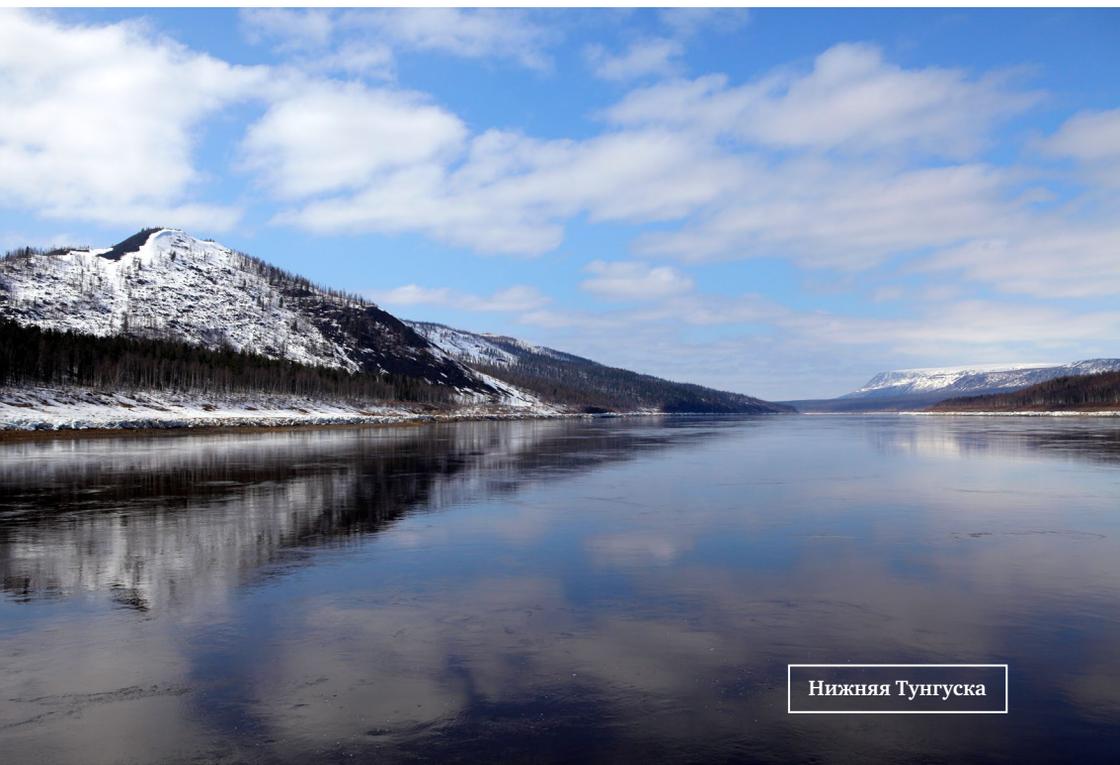

Окно на Бирюсе

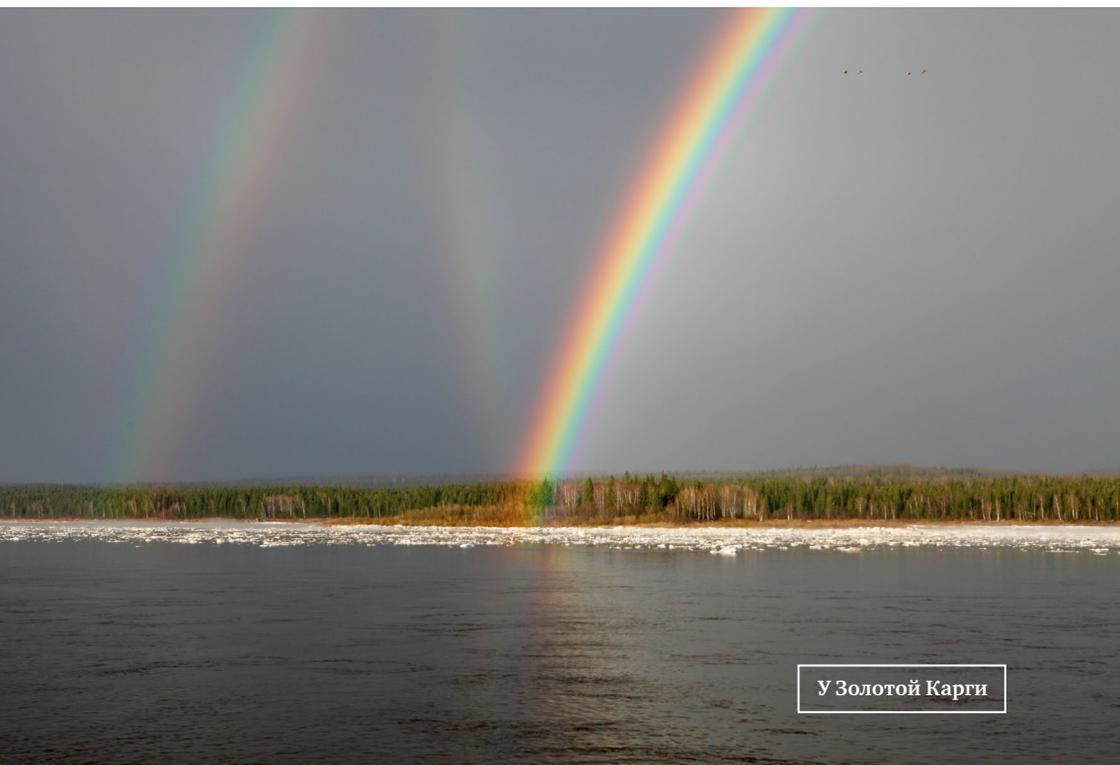
Абакан

Нижняя Тунгуска

Ерачемо

У Золотой Карги

Олени

Дом в Сидлее

Танкер «Виктор Астафьев»

Теплоход «Енисейск»

